

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет»

ISSN 2658-7637

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XVI

**Ранние города Волго-Камья и Приуралья:
взаимодействие ислама, христианства
и язычества**

Пермь
ПГГПУ
2020

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI: Ранние города Волго-Камья и Приуралья: взаимодействие ислама, христианства и язычества: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2020. – 100 с.: ил. и табл.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Настоящий сборник тематический, в публикуемых в нем статьях рассматриваются отдельные аспекты взаимодействия мировых религий и язычества в раннегородских средневековых поселениях Волго-Камья, а также формирования и функционирования раннегородских образований у населения региона. Сборник будет интересен специалистам по истории, искусству и археологии Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев и всем, кто интересуется историей и культурой Волго-Камья.

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. *А.М. Белавин*;
д-р ист. наук, доц. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук, доц. *Ю.А. Подосенова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Сарапулов*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

*Издание осуществлено при поддержке Министерства образования и науки
Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.)
в рамках программы развития «Пермской археолого-этнографической школы».*

© Коллектив авторов, 2020
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2020
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2020

УДК 902.01

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11601

Н.Б. Крыласова^{1, 2}, А.М. Белавин^{1, 2}**ЖИЛИЩА И ПЛАНИРОВКА РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА У ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ***¹ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,

Пермь, Российская Федерация

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,

Пермь, Российская Федерация

В процессе многолетних исследований Рождественского городища, известного по письменным источникам как городок Афкула, получены новые данные об особенностях жилищ: от технологии возведения самих построек до специфики обустройства интерьера, прослежены хронологические изменения в конструкции жилищ, обусловленные сменой археологических культур. Все жилища построены в каркасно-столбовой технике с закладкой поперечных бревен или плах как в пазы стояков, так и между ними. В основании двускатной кровли находились опорные столбы, установленные в 1–3 ряда вдоль условной оси жилищ. Основным материалом для строительства домов служили бревно-кругляк и тесаный брус сечением около 20 см. Технику сооружения деталей интерьера и малых архитектурных форм тоже можно назвать каркасно-столбовой, но здесь основу составляли тонкие (до 10 см в диаметре) колья, вбитые в грунт. Жилища представляли собой прочные долговременные постройки, просторные и вполне комфортно обустроенные, что не соотносится с прежними представлениями о средневековом жилище как об «утепленном шалаше». Данные, полученные при исследованиях восточной части площадки городища, позволяют предполагать, что оно имело радиальную планировку, при которой улицы веером расходились от наиболее высокой части городища в сторону обрыва к р. Обвы, при этом плотность застройки была очень высока. Такая планировка типична для многих средневековых городов.

Ключевые слова: Пермский край, Рождественское городище, эпоха средневековья, жилища, планировка, строительная техника.

N.B. Krylasova^{1, 2}, A.M. Belavin^{1, 2}**DWELLINGS AND THEIR LAYOUT IN THE ROZHDESTVENSKOYE
SETTLEMENT: THE QUESTION OF FINNO-UGRIAN DWELLING
CONSTRUCTION IN THE MIDDLE AGES IN THE PERM PREDURALYE**¹ Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Perm, Russia

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Many years of studies carried out at the Rozhdestvenskoye settlement (known in written sources as the town of Afkula) have revealed new data about special features of the dwellings – from the con-

---

* Работа выполнена в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2 и при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

struction technique itself to peculiarities of the interior. Apart from that, chronological changes in dwelling construction determined by a change in architectural culture have been scrutinized.

All the dwellings were constructed in a wood-frame and post technique with cross logs laid both in post grooves and between posts. At the base of the V-shaped roof there were posts set in 1–3 rows of the dwelling's assumed axis. Round and square logs with a section of about 20 cm were used as basic material for construction. The technique used for making elements of the interior and hardscaping may also be called wood-frame and post, but here it was thin stakes of around 10 cm in diameter driven into the ground that were mostly used as the basis. The dwellings were solid, lasting, spacious and quite cosy, as opposed to popular perceptions of medieval dwellings as some kind of insulated tents.

Information revealed by studies of the eastern part of the settlement site leads us to believe that the layout was radial, with densely built streets fanning out from the higher part of the settlement in the direction of the Obva escarpment. This layout is quite typical of many medieval towns.

Keywords: the Perm Region, the Rozhdestvenskoye settlement, the Middle Ages, dwellings, layout, construction technique.

Изучение средневековых жилищ Пермского Предуралья, представлявших собой наземные постройки, сопряжено с определенными трудностями, главной из которых является культурный слой, не способствующий сохранению органических остатков, включая древесину. Проблемы выделения и интерпретации жилых построек в «сухом» культурном слое обозначены О.Н. Енуковой: интерпретировать постройку как жилую зачастую можно лишь по остаткам отопительного сооружения; в наземных постройках, не имеющих заглубленной части, зафиксировать границы чрезвычайно сложно, необходимы планиграфические наблюдения за изменениями, даже незначительными, в грунте (например примесь кусочков глины), а также за распространением находок [Енукова, 2011]. Другой момент, затрудняющий как реконструкцию облика типичного прикамского жилища, так и выделение остатков жилищ при раскопках археологических памятников, это отсутствие четких представлений об особенностях конструкции, строительной технологии, организации внутреннего пространства дома. На обширной территории Пермского края за период XX в. исследовано всего около трех десятков жилищ ломоватовской и родановской археологических культур [Черных, 2010].

Новые данные об особенностях средневековых жилищ Пермского Предуралья получены при исследованиях Рождественского городища, где только с 2008 по 2019 г. полностью или частично вскрыто 15 жилищ, а с учетом жилищ, изученных в XX в., – 20.

Рождественское городище на р. Обве – один из наиболее масштабно исследованных средневековых памятников Пермского края. Первые раскопки здесь провел в 1897 г. Н.Н. Новокрещенных, в 1981 г. Ю.А. Поляков, в 1985, 1990-х гг. оно исследовалось А.М. Белавиным, в 2008–2012, 2014–2019 гг. – Н.Б. Крыласовой. Здесь вскрыто уже более 4,7 тыс. м².

Памятник выделяется среди других городищ Пермского Предуралья по своей структуре и размерам. Рождественское городище интерпретируется как торгово-ремесленная фактория Волжской Булгарии, сопоставимая с упоминаемым в арабских письменных источниках городком Афкула [Белавин, Крыласова, 2008].

Рождественское городище не предназначалось для обороны сельскохозяйственной округи, которой у него, собственно, и не было – в ближайших окрестностях неизвестно средневековых памятников, за исключением пары невыразительных селищ. Оно находилось в глубине территории в 65 км по р. Обве от главной транспортной артерии – р. Камы. Нижнее течение р. Обвы до начала XX в. являлось судоходным. Устье Обвы защищалось несколькими городищами.

Городище существовало со второй половины IX в. Эта уточненная датировка времени его возникновения (ранее указывался рубеж IX–X вв.) основана на радиоуглеродной дате остатков деревянной конструкции из погребения № 395 Рождественского могильника, сопровождавшего одноименное городище (некалиброванная дата 1180 ± 25 BP (Le-12033), лаборатория ИИМК РАН), изученного в 2019 г. Функционировало городище до середины XIV в., что подтверждается находками ордынских монет.

Со второй половины IX до второй половины XI в. здесь находилось небольшое финно-угорское поселение, занимавшее площадку на мысу, ограниченном логами. В конце XI в. оно было существенно расширено и перестроено по подобию городищ Волжской Булгарии, став крупнейшим средневековым городищем Пермского края, площадь которого составляет более 36 тыс. м², а с учетом площади вала – 38 тыс. м² (3,8 га).

Городище занимает участок коренного берега шириной 256 м, возвышающегося над рекой Обвой на 25 м. С запада и востока площадка ограничена глубокими логами (рис. 1: 3–4), с севера – дугообразным валом шириной 6–12 м в основании, высотой 3,7 м с напольной стороны (рис. 1: 1). Рва вдоль большей части вала визуально не наблюдается. Это связано с тем, что за пределами вала располагался неукрепленный посад с достаточно насыщенным культурным слоем и постройками, примыкавшими к валу. В частности, в 2017 г. за валом изучена постройка, располагавшаяся параллельно ему, которая по конструкции существенно не отличается от жилищ на площадке городища.

За западным (Шиловским) логом (рис. 1: 3) находится небольшое Филипповское городище, защищенное валом шириной 8–14 м в основании, высотой 2,5–3,5 м и рвом шириной 3–5 м, глубиной до 1,7 м. С вала на 4–5 км просматриваются коренной левый берег р. Обвы, правобережная пойма реки и её течение на протяжении нескольких поворотов.

За восточным (Постаноговским) логом (рис. 1: 4) уступ коренного берега плавно изгибается к северу, образуя три мыса, разделенных оврагами: на ближнем к городищу находится мусульманский некрополь, на третьем – языческий могильник.

Таким образом, Рождественский комплекс включает детинец, укрепленный город и неукрепленный посад. А.М. Губайдуллин относит его к распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии [Губайдуллин, 2002, с. 29].

Первоначально раскопкам подвергалась, главным образом, территория вдоль обрыва (раскопы I, II, III, V, VII, рис. 1: 6–10; рис. 2), поскольку р. Обва

периодически меняет русло и существенно подмывает берег. Кроме этого сделан разрез вала и изучены прилегающие к нему участки на площадке городища и с напольной стороны (рис. 1: 2; рис. 2).

В 2010–2019 гг. раскопами и путем геофизической разведки, проведенной И.В. Журбиным [Журбин, 2012], исследован значительный участок восточной части площадки городища, где получены новые данные, позволяющие реконструировать историю его развития. Всего в этой части городища на раскопах I, V, VII, VIII, IX (рис. 2) целиком и фрагментарно исследовано 12 жилищ и одна мастерская, располагавшаяся в логу, прорезавшем площадку памятника; еще четыре жилища и одна постройка в логу выделены на полигоне электроразведки (рис. 3).

Прежде всего при исследованиях в восточной части площадки городища по краю лога были выявлены фортификационные сооружения, относящиеся к разным периодам функционирования поселения, что существенно изменило представления об особенностях развития городища.

Вдоль восточного лога, ограничивающего площадку городища, в 2016 г. выявлены остатки рва шириной до 3 м, который соединялся с севера с разрушенным валом, находившимся в 20 м южнее существующего. Очевидно, эти сооружения связаны с первоначальным поселением, основанным во второй половине IX в. В XI в. ров был засыпан, площадка выровнена, и вдоль восточного лога построены жилища, расположенные почти вплотную друг к другу, торцом к логу, образуя своеобразную защитную стену (рис. 3). В XII в. жилища сгорели при пожаре, который, судя по углистым прослойкам на разных раскопах, бушевал по всему городищу. После городище было вновь отстроено, вдоль восточного лога установили частокол из толстых бревен (рис. 1: 5), но площадка, где прежде располагались жилища, не застраивалась, возможно, использовалась для содержания скота.

Планомерные раскопки в восточной части площадки городища позволили тщательно и детально изучить остатки жилой застройки XI–XIII вв. Исследования показали, что перед строительством жилищ культурный слой, связанный с более ранними постройками, срывался до материка. Строительная площадка выравнивалась, разнообразные углубления (канавки, небольшие хозяйственные и столбовые ямы) засыпались слоем глины. Но большие ямы (кладовки, ямы-подпечья) обычно использовались вновь – их подравнивали, иногда частично закапывали, чтобы сократить размеры новой ямы, устанавливали новую деревянную облицовку. Очевидно, это было вызвано тем, что на месте больших и глубоких ям (иногда более 2 м) со временем неминуемо возникал провал, поэтому логично было переоборудовать их и использовать в интерьере новых построек. Иногда при изучении стратиграфии больших ям удается выделить до пяти строительных горизонтов, связанных с жилищами разного времени и периодическими ремонтами.

По результатам проведенных исследований удалось определить основные характерные черты жилищ и особенности строительной техники. Предваритель-

ные выводы опубликованы в серии статей [Крыласова, 2016, с. 57–69; Крыласова, Белавин, 2016]. На основе отработанной здесь методики выделения жилых построек пересмотрены данные проводившихся ранее исследований.

Жилища представляли собой прочные долговременные постройки из качественного лесоматериала, что удалось определить по остаткам обугленного дерева в столбовых ямах – бревно (кругляк) и тесаный брус 0,2 м и более в поперечнике, более тонкие тесаные бруски и жерди, плахи, доски колотые и тесаные, колья. Анализ 16 образцов угля из раскопок разных лет на Рождественском городище, проведенный в Лаборатории термических методов анализа ПГНИУ на основе авторской методики анализа археологических остатков угля с целью определения пород древесины, показал, что в качестве основного строительного материала использовалась древесина хвойных пород деревьев – преимущественно ели и сосны, в меньшей степени – пихты. Древесина лиственницы, которая обладает очень высокой устойчивостью к грибковым заболеваниям и другим биологическим поражениям, а под длительным воздействием воды приобретает твердость камня, использовалась в качестве материала для облицовки дна глубоких хозяйственных ям. Среди образцов также выделена осина, связанная с одной из жердей, использованных в качестве лаг в основании дощатого настила. Очевидно, что основным материалом для жердей и кольев являлась свежая поросль на заброшенных полях и вырубках, в которой преобладали береза и осина. Из лиственных пород дерева представлены также береза и липа, которые использовались в качестве дров и для изготовления разнообразной деревянной утвари [Опыт определения пород древесины..., 2019].

Учитывая традицию местных жителей украшать все, чем они пользовались (даже орудия труда), дома, безусловно, тоже имели декоративное убранство, как, к примеру, в Новгороде и других городах с «мокрым» культурным слоем, где сохранились детали такой отделки.

Ширина жилищ в среднем составляла 7–9 м (но есть и шириной 10–12 м), длина – 14–20 м, площадь – 70–280 м². Отмечено, что обычно ширина и длина жилищ соотносятся в пропорции 1:2. По периметру жилищ зафиксированы столбовые ямы, следовательно, они были построены в каркасно-столбовой технике с закладкой поперечных бревен или плах как в пазы стояков, так и между ними (иногда отмечается попарное расположение несущих столбов стен). Стены утеплялись завалинками [Крыласова, 2020]. В одном из жилищ вдоль торцевой стены, где располагался вход с тамбуром, наблюдалась конструкция, связанная с остатками галереи (рис. 4).

В основании двускатной кровли находились опорные столбы, установленные в 1–3 ряда вдоль условной оси жилищ. Вопреки устоявшейся точке зрения о примитивности каркасно-столбовых построек по сравнению со срубом, следует отметить, что тяжесть кровли в них приходится на столбы каркаса, вертикальные или дополняемые раскосинами, а заполнение пустот между ними несет лишь изолирующую функцию, но не работает на сжатие. Поэтому

для покрытия кровли мог использоваться тес, и даже с учетом толщины снежного покрова в зимнее время у такой конструкции оставался большой запас прочности. В отличие от сруба, такая техника позволяла возводить просторные, вполне комфортно обустроенные (по тем временам), возможно, иногда даже двухэтажные жилища. В одном из сгоревших жилищ (1/IX) в верхних слоях заполнения в углистом слое зафиксированы остатки разрушенной печи. Основываясь на принципах, разработанных для реконструкции древнерусских жилищ, развал печи в заполнении постройки, залегающий между прослойками горелого дерева, которые соотносятся с межэтажными перекрытиями и кровлей, может являться признаком наличия как минимум двух уровней. Это позволяет предполагать существование на Рождественском городище двухэтажных строений (рис. 4).

В интерьере жилищ вдоль длинных стен располагались нары шириной ~2 м, у торцевых стен и перегородок фиксируются основания пристенных лавок шириной до ~1 м. Между нарами настился тесовый пол на лагах из жердей, который иногда покрывался слоем глины. Следует отметить, что (судя по стратиграфии) обычно при возведении дома всегда сооружался тесовый пол, который в процессе эксплуатации постройки частично покрывался слоем глины (иногда обожженной) – на площадках у печей, в помещениях у входа, отделенных перегородкой, где предположительно мог содержаться скот. Поэтому выводы прежних исследователей, которые выделяли границы наземных построек по границам глинобитного пола, могут быть ошибочными. Вдоль условной оси жилищ выделяются остатки печей на ямах-подпечьях, игравших роль кладовок [Крыласова, 2015], иногда дополнительные очаги. В некоторых случаях они были сдвинуты к одной из стен, а иногда фиксируются небольшие отопительные устройства в районе нар. Кроме кладовых ям, расположенных под печами, иногда сооружались отдельные хозяйственные ямы либо на одной оси с отопительными устройствами, либо под нарами. Все они имели четкую прямоугольную форму, стенки и дно облицовывались досками.

При строительстве деталей интерьера и других малых архитектурных форм (завалинки, галереи, мостки) применялся стандартный прием – в грунт вбивались (или вкручивались) колья диаметром 4–10 см, расположенные парными рядами, между которыми укладывались жерди, тонкие бревна или плахи, образующие стеночки, служащие опорами для нар и прочих настилов; такими же кольями фиксировались доски в облицовке стенок ям.

На городище выделено несколько жилищ, построенных в традициях, характерных для ломоватовской археологической культуры – с канавками по всему периметру. В частности, в 2019 г. на раскопе VIII под культурным слоем мастерской медника и жилища 3/VIII были выявлены остатки жилища (4/VIII), финальный этап функционирования которого по радиоуглеродной дате может быть отнесен к середине – второй половине XI в. (некалиброванная дата 960 ± 25 BP (Le-12038), лаборатория ИИМК РАН). Жилище было по

всему периметру окружено канавками, вдоль стен прослеживались конструкции, связанные с основанием нар. Жилища, возведенные в XI в. на завершающей стадии ломоватовской культуры, иногда еще сохраняли характерные для нее дренажные канавки вдоль стен, но в них проявляются и новые элементы – перегородки, разделяющие внутреннее пространство, печи, элементы мебели – столы, полки и пр. В жилищах, построенных позднее конца XI в., традиция обязательного сооружения канавок исчезает; лишь иногда небольшие канавки выкапывали только в тех местах, где в этом была действительная необходимость.

Предварительные выводы о планировке восточной части Рождественского городища опубликованы [Крыласова, 2018], но исследования 2018–2019 гг. на раскопе VIII неподалеку от вала позволяют их несколько скорректировать. Жилища на основной части площадки располагались рядами, вытянутыми перпендикулярно реке, параллельно Постанововскому логу, ограничивающему площадку городища с востока (всего на изученном участке прослеживается три таких ряда), были ориентированы по линии ВСВ – ЗЮЗ параллельно реке. Но в предвальной части площадки ориентировка жилищ была иной – по линии ЗСЗ – БЮВ примерно параллельно валу. Жилище 1/VIII и жилище 2/VIII, окруженное по периметру канавками, располагались с восточной стороны параллельно друг другу; западнее находились мастерская медника, которая одновременно служила жилищем мастеру и его семье, и жилище 3/VIII, также расположенные параллельно друг другу. Жилища 1–2/VIII предварительно датируются XI–XII вв., а мастерская медника, частично перекрывающая жилище 2/VIII, и одновременное ей жилище 3/VIII – XII – началом XIV в. Упомянутое ломоватовское жилище X–XI вв. с канавками по периметру (4/VIII), выявленное ниже мастерской медника и жилища 3/VIII, располагалось перпендикулярно валу (рис. 3). Поскольку в этой части городища исследованы разновременные постройки, судить о наличии и направлении рядов пока преждевременно.

Судя по расположению рядов жилищ, выявленных на основной части площадки, не исключено, что городище имело радиальную планировку, при которой улицы веером расходились от наиболее высокой части городища в сторону обрыва к р. Обве. Такая планировка типична для многих средневековых городов.

Жилища располагались очень близко друг к другу на расстоянии в среднем 1–2 м, а в одном случае два жилища даже имели одну общую стену.

Задние торцевые стены жилищ восточного ряда, обращенные к логу, образовывали своеобразную защитную стену, которая выполняла оборонительную функцию вместо располагавшегося здесь ранее рва и появившегося позднее частотола.

В пространствах между жилищами во всех случаях были обустроены деревянные мостки, поднятые над землей на опорах. Есть основания полагать, что эти пространства были отгорожены и, с одной стороны, использовались в качестве подсобных хозяйственных помещений, а с другой стороны, обеспечивали допол-

нительную теплозащиту жилым постройкам. Хозяйственных дворов и пристроев у жилищ не было, за исключением одного жилища в восточном ряду (1/IX), имевшего пристрой с двумя большими хозяйственными ямами (рис. 4) [Крыласова, Белавин, 2017, с. 67–71]. Предположительно, в зимнее время скот могли содержать в передней части домов, отделенной перегородкой от жилого помещения.

Между крайним восточным и вторым параллельным ему рядом жилищ прослеживается промежуток шириной 3–4 м, который мог использоваться для прохода, а возможно, при необходимости и для проезда. Но следов мостовой здесь не выявлено. Возможность использования указанного промежутка как проезда между домами, в принципе, исключает факт наличия деревянного тротуара, поднятого над землей на опорах из колев, который вел от тамбура жилища 1/IX в восточном ряду между жилищами второго ряда по направлению к мастерской, находившейся в логу.

Западнее, за пределами лога, выделен еще один параллельный ряд жилищ (рис. 3).

В логу, который, предположительно, был засыпан в XIII в., располагались две мастерские. Одна из них, расположенная южнее, изучена в период раскопок 2011–2012 гг. Это была многопрофильная мастерская, основным назначением которой являлось производство металлических изделий. Большое количество очажных конструкций и универсальное назначение мастерской позволяют предполагать, что в ней работало более десятка ремесленников, специализирующихся в разных ремеслах [Крыласова, Подосенова, 2015, с. 27–41]. Вторая постройка, судя по аномалиям, не менее насыщенная очажными конструкциями, прослеживается на полигоне электроразведки 2010 г. В отличие от жилищ, вытянутых параллельно реке, эти постройки имели противоположную ориентировку, подчиненную рельефу (они находились между бортами лога). Обустройство этих построек на дне глубокого лога (до 3,5 м) фактически обращало их в землянки. Вероятно, стремление построить мастерские в углублении обусловлено соображениями пожарной безопасности. Аналогично в углублении, образованном на месте естественного водостока (или еще одного засыпанного оврага), располагалась металлургическая мастерская в западной части площадки городища (раскоп 7, рис. 1: 7) [Белавин, Крыласова, 2009, с. 6–21].

Переносить полученные результаты на остальную часть площадки городища и считать, что вся она имела такую же скученную застройку, пока преждевременно. На городище, безусловно, должны были быть проезды для подвоза грузов, какое-то открытое пространство (площадь) для торга и собраний. Учитывая, что значительную часть населения составляли мусульмане – выходцы из Волжской Булгарии, не исключено наличие здесь мечети.

Тем не менее, полученные на Рождественском городище данные демонстрируют, что оно было устроено как типичный средневековый городок с плотной застройкой, обусловленной ограниченными размерами площадки в пределах оборонительных сооружений, узкими улочками. Но при этом жи-

тели городища не ограничивали себя в размерах жилищ, которые соответствовали достаточно высокому социальному статусу богатых (судя по материалам Рождественского могильника) ремесленников и торговцев, составлявших основную часть населения. Полученные данные демонстрируют существенное отличие планировки Рождественского городища от планировки финно-угорских городищ Пермского края. Его планировку можно считать более «городской», имеющей признаки, характерные для средневекового градостроительства.

Библиографический список

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афкула) в Пермском крае // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. – Казань: АНРТ, 2009. – № 2. – С. 6–21.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань: ИИ АН РТ, 2002. – 232 с.

Енукова О.Н. Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3–2 (19). – С. 42–49.

Журбин И.В. Геофизические исследования планировки и оборонительных сооружений Рождественского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГГПУ, 2012. – С. 306–312.

Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник ПНЦ. – 2016. – № 3. – С. 57–69.

Крыласова Н.Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2015. – № 10. – С. 125–137.

Крыласова Н.Б. Планировка внутреннего пространства Рождественского городища // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур: сборник материалов междунар. науч. симпозиума, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова, г. Уфа, 6–7 декабря 2018 года / под общ. ред. А.И. Уразовой. – Уфа: Мир печати, 2018. – С. 125–135.

Крыласова Н.Б. Посидим на завалинке (один вечер из жизни средневекового городка) // На пути открытий в жизни и науке: сборник научных статей и воспоминаний к юбилею ученых-археологов Иванова Владимира Александровича и Обыденновой Гюльнары Талгатовны. – Уфа: БГПУ, 2020. – С. 78–86.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Жилища средневекового Прикамья // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию юбилею Ф.Ш. Хузина. – Казань: ИА АНРТ, 2016. – С. 67–71.

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2015. – № 4. – С. 27–41.

Опыт определения пород древесины методом сканирующей электронной микроскопии (по материалам Рождественского городища в Пермском крае) / И.Г. Мокрушин, М.П. Красновских, П.А. Иванов, О.Ю. Каменщиков, Н.Б. Крыласова, А.Н. Сарапулов // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: ПГГПУ, 2019. – Вып. XV. – С. 33–42.

Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. – Ижевск: УдГУ, 2010. – 160 с.

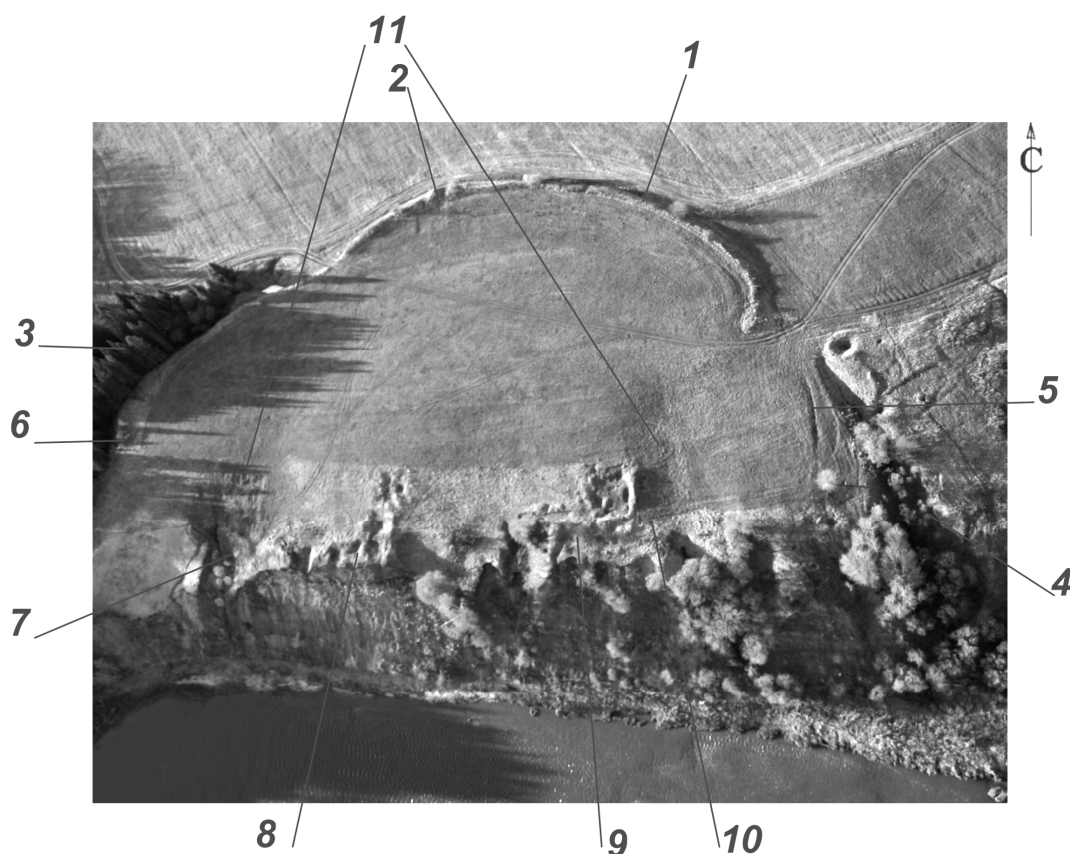

Рис. 1. Рождественское городище, снимок 2011 г. с дельтолета:

1 – вал; 2 – разрез вала и раскоп IV; 3 – западный Шиловский лог; 4 – восточный Постаноговский лог; 5 – канавка в основании частокола, конец XII – начало XIV в., установленного вдоль восточного лога; 6 – раскоп VI; 7 – раскоп VII; 8 – раскопы II–III; 9 – раскоп I; 10 – раскоп V; 11 – засыпанные в XIII в. лога, в которых располагались металлургические мастерские

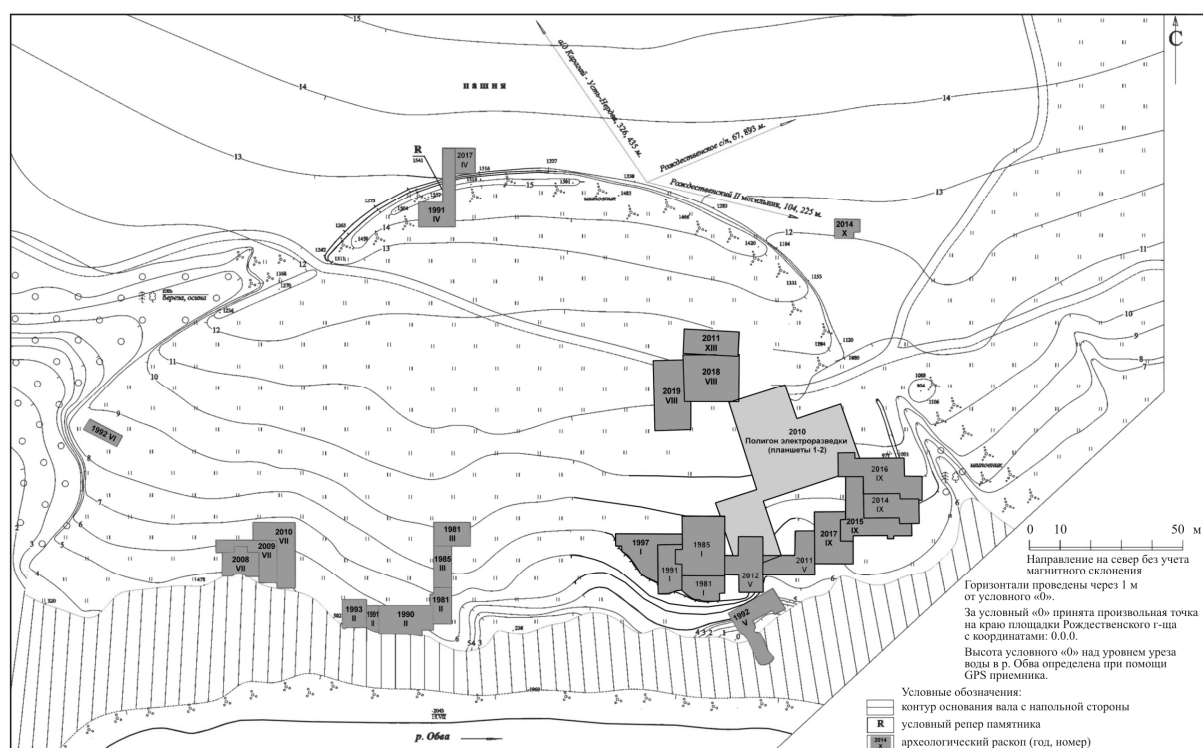

Рис. 2. Ростовское городище, топографический план с указанием раскопов и полигона электроразведки (планшеты 1–2)

Рис. 3. Ростовское городище, снимок 2018 г. с квадрокоптера: расположение выявленных жилищ и мастерских в восточной части площадки

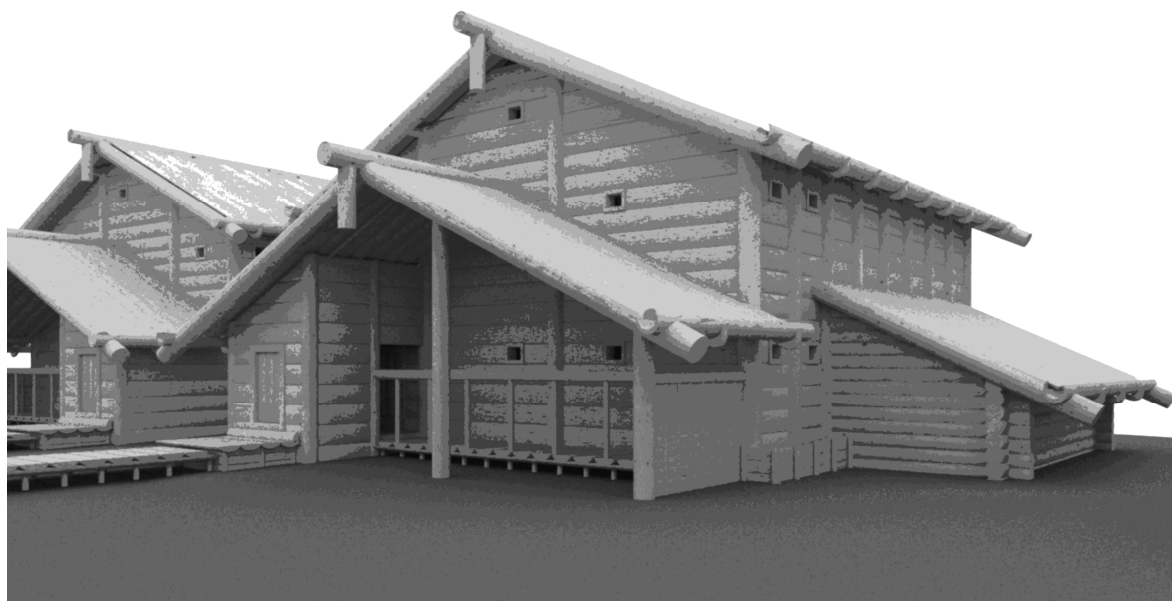

Рис. 4. Рождественское городище, пример реконструкции двухэтажного жилища 1/IX (графическая реконструкция М.П. Трофимова)

УДК 902.01

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11602

К.В. Моряхина**КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ
И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УКРАШЕНИЙ РУК)***

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Рассматриваются контакты между населением Пермского Предуралья и Волжской Булгарии на примере импорта украшений рук и влияния болгарской ювелирной традиции на ремесло Пермского Предуралья. Начиная с XI в. в Пермском Предуралье появляются изделия, изготовленные в подражание болгарским. В XIII в. появляются своеобразные местные варианты перстней, в которых заметно влияние болгарских техник.

Ключевые слова: украшения рук, Пермское Предуралье, Волжская Булгария, ювелирное дело, импорт.

K.V. Moryakhina**CONTACTS OF THE POPULATION OF THE PERM CIS-URAL AND
VOLGA BULGARIA (BY THE MATERIALS OF RINGS AND BRACELETS)**

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

This article examines the contacts between the population of the Perm Cis-Urals and the Volga Bulgar on the example of the import of hand ornaments and the influence of the Bulgarian jewelry tradition on the craft of the Perm Cis-Urals. Since the XI century. in the Perm Cis-Urals, there are products made in imitation of the Bulgar ones. In the XIII century. original local variants of rings appear, in which the influence of the Bulgar techniques is noticeable.

Keywords: hand jewelry, Perm Cis-Urals, Volga Bulgaria, jewelry, import.

Безусловно, Волжская Булгария оказала значительное влияние на Пермское Предуралье: на пермских памятниках встречаются болгарские вещи, развивалось ремесло, под влиянием болгарских мастеров велась торговля при посредничестве Волжской Булгарии. Контакты населения Пермского Предуралья и Волжской Булгарии фиксируются по различным материалам, в том числе по украшениям рук. Можно выделить три направления взаимодействия: импорт, подражание болгарскому импорту, появление нового варианта изделий.

Импорт. На раннебулгарских памятниках встречаются типичные для Пермского Предуралья браслеты – дровые овальные в сечении: с уплощением на концах, с приостренными концами, с кружковым орнаментом [Казаков, 1992, рис. 62: 8]. Украшения попадают, скорее всего, вследствие миграции части финно-угорского населения Пермского Предуралья в Поволжье.

---

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Начиная с X в. болгарские вещи появляются на памятниках Пермского Предуралья. В это время были в «моду» перстни «салтовского» типа – цельнолитые, с каменной или стеклянной вставкой, закрепленной четырьмя захватами. Первоначально такие перстни изготавливались на территории салтово-маяцкой культуры. Со временем такие перстни вошли в «моду», и наряду с импортными вариантами стали появляться изделия, изготовленные в подражание, которые имели ряд особенностей (цвет вставки, насечки на шинке или вставке). В Пермском Предуралье перстни «салтовского» типа встречаются как импортные, так изготовленные местными мастерами. Причем импортные были не только на территории салтово-маяцкой культуры, но и на территории Волжской Булгарии. Так, на Баяновском могильнике был обнаружен перстень с гравировкой на камне «Нет Бога, кроме Аллаха». Данный перстень, вероятно, происходит именно из Волжской Булгарии.

В XI в. в Пермское Предуралье из Волжской Булгарии попадают кованые перстни с круглым щитком, украшенным зерносканным декором (2 экз.; Рождественское городище, Агафоновский II могильник). Такие перстни не получили распространение в Волжской Булгарии [Руденко, 2015, с. 160], но были восприняты пермскими мастерами и изготавливались в подражание (см. ниже).

В конце XI – начале XIII в. в Волжской Булгарии стали популярными серебряные кованые перстни с чеканным или гравированным рисунком, выделенным чернью. Всего на территории Волжской Булгарии было обнаружено 95 экз. [Руденко, 2015, табл. Б]. Изделия встречаются в незначительном количестве в Удмуртском, Пермском и Северном Предуралье, Зауралье. В Пермском Предуралье обнаружено шесть таких перстней:

- с прямоугольным щитком и растительным орнаментом (рисунок: 2; Рождественское городище);
- с прямоугольным щитком и рисунком из переплетенных геометрических фигур в виде диагонального креста (рисунок: 3; Рождественское городище);
- с прямоугольным щитком и рисунком из сдвоенных трилистников (рисунок: 4–5; Саламатовское I городище, Калинское селище);
- с шестиугольным щитком и рисунком в виде крина, вписанного в круг (Плотниковский могильник);
- с овальным щитком и рисунком из симметрично расположенных трилистников, разделенных линией из насечек (Плотниковский могильник).

Перстни были атрибутированы как импортные, поскольку представляют типичные образцы болгарского ювелирного дела [Руденко, 2015, с. 61] – гравировка на перстнях с тонким щитком, линейное обрамление щитка на перстнях с прямоугольником черни, в который вписан рисунок, орнамент в виде галочки или трилистников на шинке. Стоит также отметить, что данные типы перстней из всего многообразия были наиболее распространенными в Волжской Булгарии.

К болгарскому импорту XI–XII вв. можно отнести серебряные плетеные браслеты (рисунок: 12; Агафоновский II могильник, местонахождение у с. Верх-Язьва). Браслеты свободно сплетены из шести проволок, окончания раскованы для их скрепления.

Подражание болгарскому импорту. Болгарское ювелирное искусство в XI–XIII вв. было на высоком уровне развития и являлось образцом для подражания для соседних территорий (Предуралья и Зауралья), которые вели транзитную торговлю с Волжской Булгарией. К.А. Руденко, изучая болгарские украшения из серебра, пришел к выводу: изделия редко встречаются за пределами Волжской Булгарии, и в большинстве своем предметы, которые исследователями были атрибутированы как болгарские, таковыми не являются. Данные украшения были изготовлены под влиянием болгар или при их участии и имеют ряд особенностей: своеобразие формы и орнамента, сочетание черни и зерносканного декора, чернь используется для оформления фона, использование золочения [Руденко, 2015, с. 81].

Детальное рассмотрение серебряных перстней, обнаруженных в Пермском Предуралье, и сравнение их с украшениями, происходящих из раскопок болгарских поселений, позволило выделить ряд изделий, которые можно отнести к категории «подражание». Так, указанные выше серебряные кованые перстни с зерносканным декором и перстни с чернением пермскими мастерами изготавливались в подражание болгарским параллельно с появлением привозных изделий. Причем количество изделий, изготовленных в подражание, превалирует над импортными, – 10 перстней с чернением, шесть перстней с зерносканным декором.

Перстни с зерносканным декором (рисунок: 1; могильники Аверинский II, Агафоновский II, Рождественский, Степаново Плотбище), изготовленные местными мастерами, отличаются более низким качеством: зернь неровная, сканная проволока заменена на торсированную. Фон между пирамидками зерни покрыт золочением, что не характерно для болгарского ювелирного дела. Такие перстни в Пермском Предуралье встречаются в XI–XII вв., в то время как в Волжской Булгарии изготавливались только в XI в.

Технике чернения, вероятнее всего, пермские мастера обучались у болгарских, вместе с этим перенимая и типичные образцы болгарских ювелирных изделий. Обнаруженные в Пермском Предуралье перстни с чернением, изготовленные в подражание, весьма разнообразны:

- с овальным щитком и волнообразным орнаментом (рисунок: 7; селище Телячий Брод);
- золотой с прямоугольным щитком и растительным орнаментом (Антыбарский могильник);
- с прямоугольным щитком и рисунком в виде креста, пересекающего круг (рисунок: 6; Саламатовское I городище, Плотниковский могильник);

– с прямоугольным щитком и рисунком из переплетенных геометрических фигур в виде диагонального креста (рисунок: 11; Плотниковский могильник, Рождественское городище);

– с шестиугольным щитком и рисунком в виде трилистника, вписанного в круг (Плотниковский могильник)

Визуально на первый взгляд перстни напоминают болгарские украшения. Но пермские изделия отличаются более низким качеством нанесения декора, наличием золочения, своеобразием орнамента (отличаются детали). Так, на рассматриваемых перстнях отсутствует линейное обрамление по краям щитка типичное для болгарских изделий, все пространство щитка перстня могло быть занято орнаментом, имеется орнамент на шинке в виде трех треугольников [Моряхина, Сарапулов, 2017].

Появление нового варианта перстней. В Пермском Предуралье в XIII в. появляется своеобразный вариант перстней, в котором произошло сочетание болгарской (техника изготовления) и древнерусской (орнамент) традиций. Щиток перстней имеет овальную форму, изготовлены из серебра путем ковки. Орнамент нанесен при помощи гравера. Данные перстни имеют два варианта оформления щитка:

– незамкнутая плетенка (5 экз.; рисунок: 8–9; могильники Плотниковский, Телячий Брод). По краю щитка имеется бордюр в виде рубчатой ленточки. Шинка по бокам от щитка украшена треугольниками. Фон покрыт золочением;

– две пересекающиеся рубчатые линии, покрытые золочением (3 экз.; рисунок: 10; Плотниковский могильник). В пространстве между линиями с четырех сторон выгравированы завитки, залитые чернью. По краю щитка располагается бордюр.

Несмотря на схожесть техники изготовления с болгарской, имеется существенное отличие – при декорировании изделий используется сочетание чернения и золочения, что не типично для болгарских [Брюхова, Подосенова, 2015]. Орнаментальный мотив, скорее всего, был заимствован от новгородцев, где встречаются перстни с изображением плетенки [Седова, 1981, рис. 51]. Наложение двух традиций связано с общекультурной ситуацией: падением Волжской Булгарии и в связи с этим усилением русского влияния на Пермское Предуралье.

Аналогичные перстни встречаются в вымской культуре на Жигановском могильнике в погребениях XIII в. [Савельева, 2010, рис. 142: 6], на памятниках бассейна р. Тобол. Вероятно, они имеют общий центр изготовления.

Таким образом, установившиеся контакты между населением Волжской Булгарии и Пермского Предуралья сыграли не только важную роль в торговле, но и в развитии пермского ювелирного дела. Влияние болгарского ремесла можно проследить не только по украшениям рук, но и височным кольцам, подвескам. Стоит отметить, что это влияние началось в период рассвета

Волжской Булгарии и сохранилось после ее падения, что, соответственно, указывает насколько значимо оно было для пермских мастеров. Но при этом влияние не было всеобъемлющим, поскольку основная масса украшений изготавливалась по традиционной схеме.

Библиографический список

Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 33. – С. 304–311.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

Моряхина К.В., Сарапулов А.Н. Булгарские перстни с чернью на памятниках Пермского Предуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2017. – Вып. VII. – С. 52–56.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. – Казань: Заман, 2015. – Т. II. – 528 с.

Савельева Э.А. Жигановский могильник. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2010. – 456 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X– XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

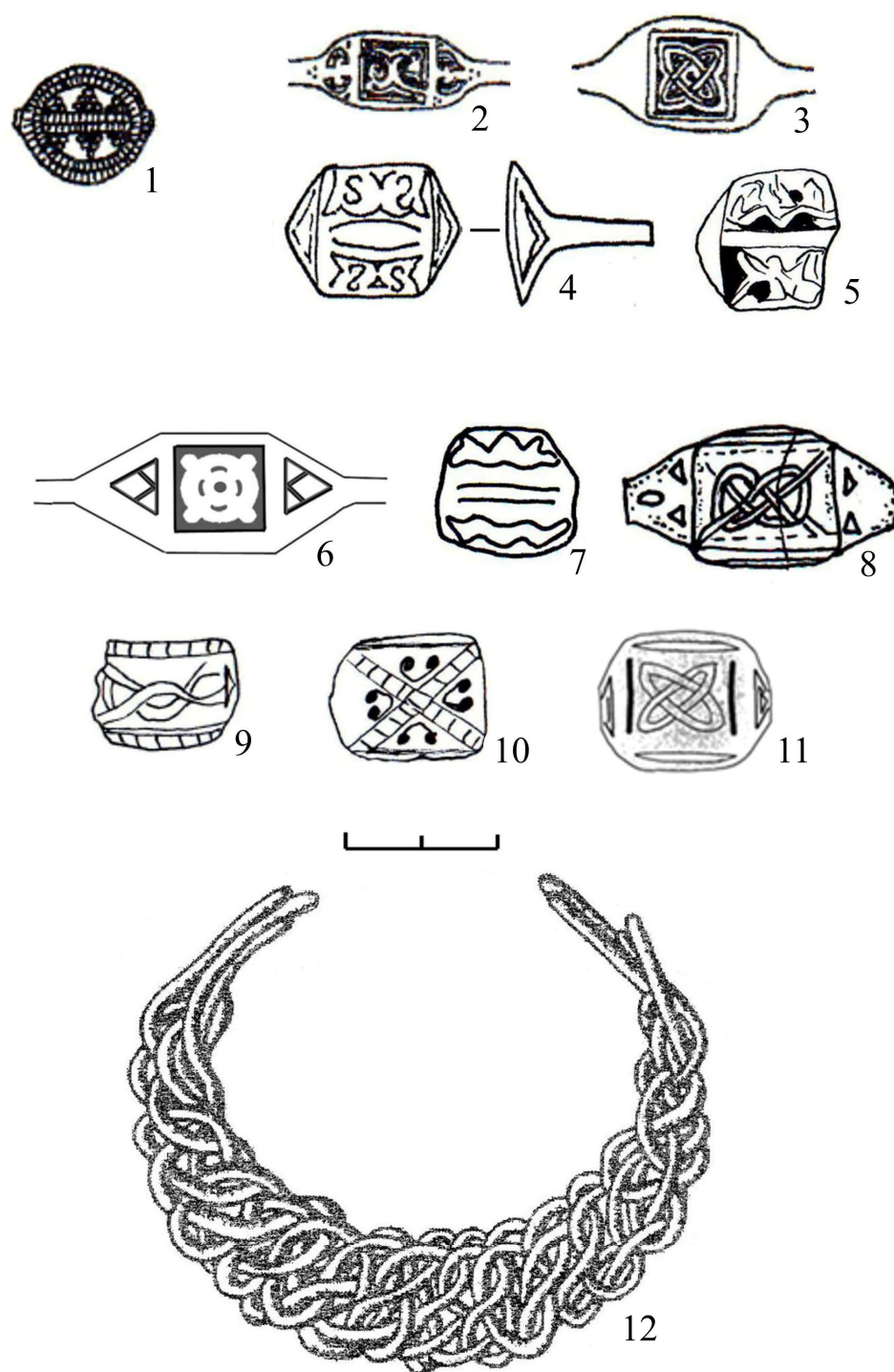

Рис. Перстни, обнаруженные в Пермском Предуралье:

1 – Рождественский могильник; 2, 3 – Рождественское городище;
4, 6 – Саламотовское I городище; 5 – Калининское селище; 7, 8 – могильник
Телячий Брод; 9–11 – Плотниковский могильник; 12 – местонахождение
у с. Верх-Язьва

УДК 902.01

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11603

**А.Н. Сарапулов¹, Ю.А. Подосенова^{1,2},
О.Ю. Каменщиков³, И.Г. Мокрушин³**

НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕСТОВ НА РОДАНОВОМ ГОРОДИЩЕ В ПЕРМСКОМ КРАЕ*

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

² Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Пермь, Российская Федерация

³ Пермский государственный научно-исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация

Статья посвящена анализу двух интереснейших находок – тельных крестов, обнаруженных на Родановом городище в 2020 г. Один крест был сделан из многокомпонентной латуни, другой – с желтой выемчатой эмалью – из оловянно-свинцовой бронзы. Очевидно, что кресты имеют древнерусское происхождение и могут быть датированы XI–XII вв. Вероятнее всего, эти изделия проникли на территорию Верхнего Прикамья по Сухоно-Вычегодскому пути через посредничество вымского и вычегодского населения Северного Предуралья.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, Роданово городище, крест, эмаль, бронза, Древняя Русь.

**A.N. Sarapulov¹, Y.A. Podosenova^{1,2},
O.Yu. Kamenshikov³, I.G. Mokrushin³**

FINDS OF MEDIAEVAL CROSSES AT RODANOVO GORODISHE (PERM KRAI)

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

² Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Perm, Russia

³ Perm State University, Perm, Russia

The article presents an analysis of two fascinating finds, the crosses found in 2020 at Rodanovo Gorodishche. One of the crosses was made of multicomponent brass. The other one, with yellow champlevé enamel, was made of leaded bronze. The crosses are obviously of ancient Russian origins and can be dated back to 11–12 c. The artefacts are most likely to have got to the Upper Kama region by the Sukhona-Vycheгда way through the agency of the Vym's and Vycheгда's population of the Northern Cis-Ural region.

Keywords: Perm region, Rodanovo Gorodishe, cross, enamel, bronze, Ancient Rus'.

Роданово (Полютово) городище находится в Юсьвинском районе Пермского края, на высоком (25 м) правом берегу Камского водохранилища, в самой древне Городище, в 300 м к югу от места впадения реки Городищенки в реку Каму, в 7 км северо-восточнее посёлка Пожва. Площадка городища овальной фор-

---

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

мы. С юга и севера ее ограничивают овраги, с востока резкий обрыв к р. Каме. С западной части площадку памятника дугой огибает вал и ров, хорошо читаемые с напольной стороны. До начала 90-х гг. XX в. площадка городища распахивалась и использовалась под огороды. Культурный слой памятника ежегодно разрушается береговой абразией и осыпается в р. Каму (от 0,5 до 1,0 м в год).

О городище известно с XVIII в. Впервые изделия разного назначения, обнаруженные на городище, были опубликованы А.А. Спициным в самом начале XX в. [Спицин, 1902, табл. XIX, 8; XXIV, 27; XXV, 9].

В советское время исследования данного района проводила экспедиция Государственной академии истории материальной культуры. В 1932 г. А.В. Шмидтом на городище были заложены два пробных раскопа [Разведочные работы А.В. Шмидта на Пермской платформе Средне-Волгостроя (переписка и отчеты)]. В 1935 г. еще один пробный раскоп (40 м²) заложил Н.В. Прокошев. В раскопе был обнаружен клад украшений из 34 предметов, завернутый в бересту [Отчет Н.А. Прокошева об археологических работах на строительстве Камской ГЭС в 1935 г. на Каме и Чусовой по Открытому листу № 42]. В 1936–1937 гг. работы на городище были продолжены М.В. Талицким. Всего было вскрыто 700 м² [Талицкий М.В. Отчет по обследованию археологических памятников бассейна р. Иньвы (правый приток Камы) Кудымкарского округа Пермской области].

В 1951 г. была опубликована обобщающая работа М.В. Талицкого, посвященная Верхнему Прикамью в X–XIV вв., основанная на материалах раскопок Роданова городища. Автором был полностью раскрыт культурный комплекс памятника болгарского времени (X–XIV вв.) в Верхнем Прикамье. Описаны остатки жилищ разного времени, остатки ям-кладовок, фортификационные сооружения, а также проанализирована материальная культура (керамический комплекс, орудия труда, предметы вооружения, украшения). На основании раскопок Роданова городища была выделена родановская археологическая культура [Талицкий, 1951].

В связи с аварийным состоянием памятника раскопки на городище были возобновлены в 2016 г. и по настоящее время проводятся на сохранившемся участке в предвальной части памятника под руководством А.Н. Сарапулова. За этот период времени (2016–2020 гг.) вскрыто 358 м² площади городища. В итоге общая изученная часть памятника составляет более 1000 м².

В изучаемой предвальной части памятника была обнаружена бронзолитейная и ювелирная мастерская, в пределах которой зафиксирована серия очагов, производственных и углежогных ям, остатки каменного горна. В культурном слое в пределах мастерской были обнаружены бракованные изделия, следы производства и сырье (шлаки, литники, сплески металла, металлический лом, серебряные, латунные, бронзовые, свинцово-оловянные слитки и т.д.), сопутствующий инструментарий (фрагменты форм-изложниц, глиняных и каменных литейных форм, фрагменты цилиндрических тиглей и т.д.)¹. Обнаружение в пределах мастерской

---

¹ Публикация, посвященная исследованию ювелирной мастерской, обнаруженной на городище Роданово в подготовке к печати.

большого количества бракованных изделий, относящихся к элементам поясной гарнитуры, позволило сделать выводы о том, что одной из специализаций мастерской являлось изготовление элементов поясных наборов – поясных накладок и наконечников [Крыласова, Подосенова, Сарапулов, 2019, с. 56–72].

Следует отметить, что масштабы литейного производства, наличие среди находок форм-изложниц, слитков, весовых гирек различных типов позволяют предполагать, что здесь существовало крупное товарное производство, направленное не только на изготовление отдельных категорий изделий, но и на изготовление слитков из цветных металлов, возможно, поставлявшихся не только внутри Пермского Предуралья, но и за его пределы.

Среди комплекса находок, обнаруженных на городище, выделяются изделия, поступившие, вероятно, через древнерусские территории, и изделия древнерусского происхождения. Это фрагмент булавы киевского типа, шиферные пряслица, костяная флейта скандинавского типа, костяной кистень, монеты центрально-европейского происхождения, костяная бусина, отдельные типы костяных гребней и расчесок, куски янтаря прибалтийского происхождения.

При проведении полевых археологических изысканий на памятнике в августе 2020 г. были обнаружены находки двух раннехристианских тельных крестов древнерусского происхождения.

Один из крестов был обнаружен (рисунок: 1) в обрушившейся весной 2020 г. береговой части городища (данную часть планировали исследовать летом 2020 г.), поэтому он фигурирует как подъёмный материал. Крест криноконечный с рельефными дугами в средокрестии. В центре средокрестия – небольшой орнамент округлой формы. Внутри креста узор в виде линии, идущей по всему контуру изделия с тремя лепестками, вписанными в трехчастные концы лопастей креста. Оглавие в виде плоского ушка. Обратная сторона гладкая.

Крест выполнен из многокомпонентной латуни (результаты РФА-анализа: Cu – 81,9 %, Zn – 6,5 %, Sn – 1,2 %, Pb – 10,4 %) с помощью литья в двустороннюю двухчастную форму.

Прямых аналогий данному кресту в литературе не обнаружено. Трехлепестковая форма лопастей была характерна для крестов с XI–XII вв. По несложному оформлению центральной части средокрестия в виде простого круга крест можно датировать именно этим периодом, но не исключены и более поздние периоды.

Второй крест (рисунок: 2) был обнаружен в культурном слое сектора G на VII горизонте (–0,72 м) как раз в пределах периферийной части мастерской, в слое, датирующимся XI в. Крест круглоконечный двухсторонний с расширяющимися концами с парными и центральным выступом на каждом конце лопасти. В центр средокрестия вписан круг. Круглые и прямоугольные углубления заполнены эмалью: на одной из сторон – желтого цвета, на другой стороне – зеленого (?). Оглавие креста в виде плоского ушка.

Основа креста отлита в двухчастной двусторонней форме из оловянно-свинцовой бронзы (результаты РФА-анализа: Cu – 66,9 %, Pb – 25,2 %, Sn – 5,9 %, ост. Fe, As, Sb <1 %). Эмаль выемчатая (результаты СЭМ МРС-анализа: Cu – 2,51 %, P – 2,05 %, Ca – 2,46 %, Fe – 7,83 %, Pb – 47,17 %, Si – 1,48 %, Sn – 4,93 %, O – 31,46 %).

В отличие от предыдущего креста, прямые аналогии данному изделию известны хорошо. Они в большом количестве обнаружены в памятниках домонгольского периода с разных территорий Руси и датируются XI–XII вв. [Беленькая, 1976, с. 88, рис. 1: 1; Даркевич, Пуцко, 1981, с. 223–224, рис. 2: 1; Захаров, 2004, рис. 337: 1–4; Макаров, 1991, с. 13, рис. 1: 5; Муравьева, 1999, с. 22; Мусин, 2000, с. 180, рис. 108; Недошивина, Николаева, 1997, табл. 103–30; Рябинин, 1986, с. 74, табл. IV – 24; Седов, 1988, табл. L-21; Седова, 1981, с. 52, рис. 80: 9; Кайль, Нечитайло, 2006, № 134–161; Кутасов, Селезнев, 2010, с. 137]. Центром изготовления подобных крестов мог являться Киев [Мальм, 1968, с. 113–117, рис. 1: 1; Кутасов, Селезнев, 2010, № 240–254], где их изготовление подтверждено обнаружением мастерской [Сагайдак, Сергеева, Михайлов, 1997, с. 117–120; Кутасов, Селезнёв, 2010, с. 137].

Единичные находки аналогичных крестов-тельников с выемчатой эмалью также были обнаружены на территории средневековых памятников Пермского Предуралья – Елевском, Михалевском могильниках и бывшей Гайнской волости (рисунок: 3–5) [Спицын, 1902, табл. VIII, с. 1]. Исследователи считают, что, попав на новую территорию, эти изделия включались в состав женского убора как простые украшения-обереги без определенной христианской смысловой нагрузки [Белавин, 2000, с. 150; Головчанский, Мельничук, 2018, с. 102–103].

Появление древнерусских крестов-тельников с выемчатой эмалью на территории Пермского Предуралья следует связывать с XI в. В это время, как отмечают исследователи, на территорию Пермского Предуралья проникают изделия древнерусского происхождения, которые концентрируются в основном в его северной части и в бассейне р. Иньвы [Белавин, Крыласова, 2017, с. 285; Белавин, Оборин, 1986, с. 63–75]. Это подковообразные фибулы, бубенчики, орнитоморфные подвески западных форм, пластинчатые кресала новых форм, верительный знак – подвеска и т.д. [Белавин, Крыласова, 2017, с. 285]. Безусловно, такая концентрация свидетельствует о западном пути проникновения изделий древнерусского происхождения, о чем также неоднократно писали исследователи [Головчанский, Мельничук, 2018, с. 103]. С какой именно территории приходят к нам рассматриваемые изделия, восстановить затруднительно. Кресты-тельники с выемчатыми эмалями являлись, пожалуй, одними из самых популярных и широко распространенных групп изделий в XI–XII вв. И если ещё в 1960-х гг. было известно всего четыре типа таких изделий [Мальм, 1968, с. 113–117], то в настоящее время их насчитывается более четырех десятков типов (судя по разным каталогам музейных или

частных коллекций). Г.П. Головчанский и А.Ф. Мельничук предполагают проникновение этих изделий из Новгородских земель или областей Костромского Поволжья по Сухоно-Вычегодскому пути, о чем может свидетельствовать состав вещей муромско-мерянского типа и приладожского происхождения (XI–XII вв.), зафиксированных в Михалевском и Елевском могильниках [Головчанский, Мельничук, 2018, с. 103]. О таком пути попадания древнерусских изделий может свидетельствовать и обнаружение западноевропейских денариев, находки которых на территории Пермского Предуралья увеличиваются практически с каждым полевым археологическим сезоном, и концентрируются они также на севере (материалы Роданова городища, могильника Степаново Плотбище (Питерского) и т.д.). Основные пункты с находками таких монет расположены вдоль Сухоно-Вычегодского водного пути, берущего свое начало от Ладожского Озера и протянувшегося до Уральского хребта [Археология Республики Коми, 1997, с. 657].

Несомненно, проникновение изделий древнерусского происхождения на север Пермского Предуралья происходило через посредничество населения Северного Предуралья (вымского и вычегодского), в материальной культуре которого уже с XI в. выделяется мощный древнерусский пласт изделий [Археология Республики Коми, 1997, с. 657], в том числе и предметов XI–XII вв. с христианской символикой [Археология Республики Коми, 1997, с. 673, рис. 2].

Таким образом, обнаруженные на Родановом городище кресты имеют древнерусские истоки и попали на изучаемую территорию вместе с другими изделиями северорусского и южнорусского происхождения XI–XII вв. через Северное Предуралье.

Библиографический список

- Археология Республики Коми. – М.: Изд-во «Дик», 1997. – 758 с.
- Белавин А.М. Камский торговый путь. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье в X–XI вв. // Поволжская археология. – 2017. – Вып. 1 (19). – С. 284–297.
- Белавин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в XXIII вв. // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1986. – С. 63–75.
- Беленькая Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмоскovie // Советская археология. – 1976. – № 4. – С. 88–99.
- Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Христианская символика в археологических древностях эпохи средневековья в Пермском Приуралье // Вестник Пермского университета. История. – Вып. 1 (40). – С. 101–111.
- Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978) // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 226–228.

- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 392 с.
- Кутасов С.Н., Селезнёв А.Б. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. – М.: Изд-во «Издатели», 2010. – 320 с.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2019. – Вып. 1 (44). – С. 56–72.
- Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. – 1991. – Вып. 205. – С. 11–21.
- Мальм В.А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. – М., 1968. – С. 113–117.
- Муравьева А.Н. Энколпионы и кресты-тельники XI – начала XVI вв. из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. – Владимир: Изд-во ГВСИАиХМЗ, 1999. – 27 с.
- Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX –X IV вв. Погребальный обряд и христианские древности // Тр. ИИМК РАН. – СПб., 2000. – Т. V. – 270 с.
- Недошивина Н.Г., Николаева Т.В. Предметы христианского культа // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – 368 с.
- Отчет Н.А. Прокошева об археологических работах на строительстве Камской ГЭС в 1935 г. на Каме и Чусовой по Открытому листу № 42 // Рукописный архив ИИМК РАН. – Фонд 2, дело № 29.
- Разведочные работы А.В. Шмидта на Пермской платине Средне-Волгостроя (переписка и отчеты) // Рукописный архив ИИМК РАН. – Фонд 2, ар. № 127, дело № 8, 1932.
- Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – 160 с.
- Сагайдак М.А., Сергеева М.С., Михайлов П.С. Дослідження Київського Подолу // Археологія і дослідження в Україні 1993 року. – Київ, 1997. – С. 117–120.
- Седов В.В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. – М.: Наука, 1988. – С. 63–67.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. – М.: Наука, 1981. – 197 с.
- Спицын А.А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – № 26. – СПб., 1892.
- Талицкий М.В. Отчет по обследованию археологических памятников бассейна р. Иньвы (правый приток Камы) Кудымкарского округа Пермской области // Рукописный архив ИИМК РАН. – Фонд 35, дело 71.
- Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. – № 22. – М.-Л., 1951. – С. 4–58.

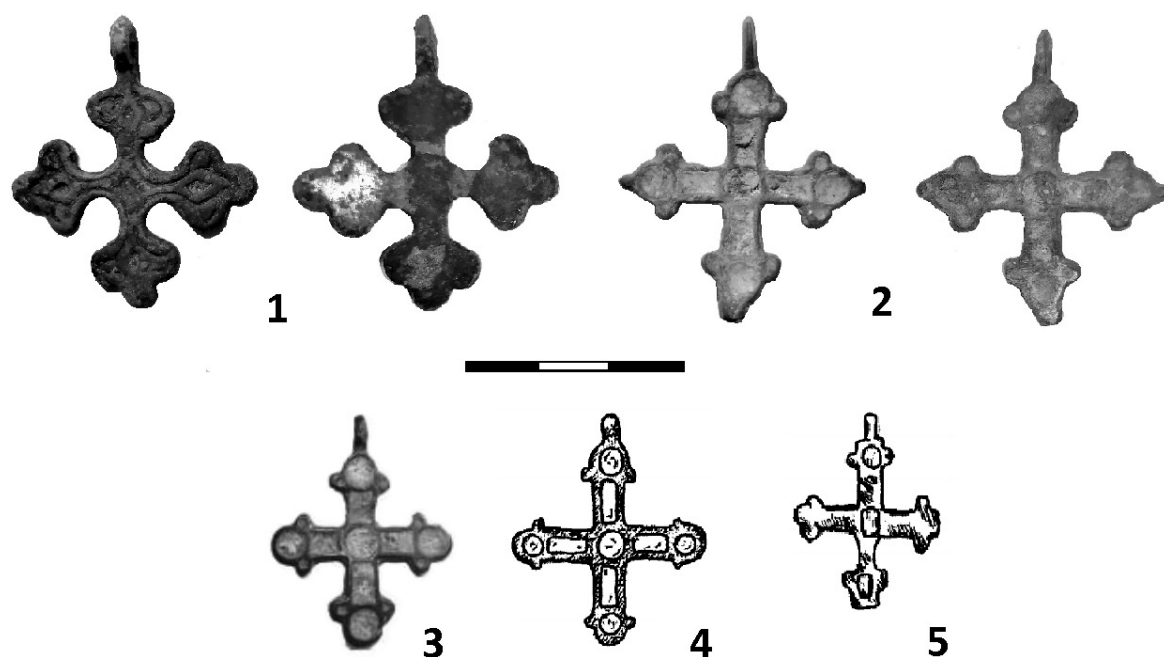

Рис. Кресты-тельники с территории Пермского Предуралья:

1, 2 – городище Роданово, 3 – д. Михалева [фото по: Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2017], 4 – д. Елева [иллюстрация по: Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., 2018], 5 – Гайнская волость [иллюстрация по: Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., 2018].

1 – многокомпонентная латунь, 2 – свинцово-оловянная бронза и эмаль;

3–5 – бронза, эмаль; 3–5 – без масштаба

УДК 903: 550.3

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11604

М.Г. Иванова

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЖИЛИЩ НА ПЛОЩАДКАХ ГОРОДИЩ БАССЕЙНА Р. ЧЕПЦЫ

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Ижевск, Российская Федерация

Основные результаты, полученные при междисциплинарных исследованиях укрепленных поселений бассейна р. Чепцы, состоят в открытии новых структурных частей городищ; реконструкции планировок всех структурных частей поселений и хронологии их формирования; оценке геометрических параметров и конструктивных особенностей оборонительных сооружений; углубленного изучения вещевого материала и системы жизнеобеспечения. К существенным достижениям можно отнести результаты в изучении планировки площадок городищ.

Систематические раскопки большими площадями на городище **Иднакар** IX–XIII вв. выявили, что жилища занимали центральную часть внутренней и средней площадки, расположены рядами от мыса к валу, южную и северную части – производственные и хозяйственные сооружения. Территорию внешней части, в отличие от внутренней и средней площадок с устойчивым сочетанием жилищно-хозяйственных комплексов, занимали хозяйственно-производственные сооружения при наличии единичных построек малой площади с небольшими очагами.

При исследованиях городища **Учкакар** основная задача заключалась во внедрении современных методик, ориентированных на получение максимума информации при раскопках минимальных площадей. Поэтому, в первую очередь, основное внимание уделено комплексным геофизическим измерениям (электро- и магниторазведка, георадарная съемка) площадок и линий обороны. В результате междисциплинарных исследований выявлены четыре структурные части: мысовая (ограничена внутренней линией укреплений, нивелированной в древности), средняя и внешняя (ограничены укреплениями, выраженными в рельефе), напольная (за пределами внешнего вала), прослежен процесс постепенного расширения обитаемой территории городища с новой линией обороны, аналогично с динамикой развития городища Иднакар. При минимальных раскопках ключевых участков поселения комплексные измерения позволяют полагать, что жилая зона располагалась преимущественно на средней части, хотя, скорее всего, первые жилища были сосредоточены на мысу. На внешней части и за пределами вала, по всей вероятности, были локализованы преимущественно хозяйственно-производственные сооружения.

С целью выявления общих тенденций и характерных особенностей формирования планировочной структуры проведены геофизические исследования городищ **Весьякар, Садейкар и Гурьякар**. Несмотря на различную степень сохранности культурных напластований, археологические исследования, дополненные геофизическими данными, позволяют оценить основные закономерности планировки городища Весьякар, условно выявить «производственную» и «жилую» части поселения и прогнозировать их границу. Рядовую застройку подтвердили материалы городища Гурьякар и Садейкар.

Обширные источники, полученные с использованием в археологии новых методов, в значительной мере расширили возможности детального изучения, интерпретации объектов и реконструкции площадок городищ, тем не менее следует признать, что для конкретизации структуры жилого пространства требуются дальнейшие исследования с детальным анализом и осмыслением вещевых коллекций, данных археоботаники и археозоологии.

УДК 623.11

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11605

А.М. Губайдуллин**О РАННИХ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ**

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация

Рассматриваются ранние укрепленные поселения Волжской Булгарии, которые возникли в X–XI вв. на территории этого государства. Письменные источники и археологические материалы позволяют проследить время появления и характер средневековых городищ в регионе Среднего Поволжья на первоначальном этапе развития булгарской городской культуры и государственности. Здесь рассматривается сложная картина развития градостроительства. Сюда входят как осознанный выбор места для будущих поселений, так и способы их защиты. Несмотря на небольшое количество известных на сегодняшний день памятников фортификации, мы имеем представление об основных типах оборонительных сооружений того времени. Их кажущаяся простота не должна вводить в заблуждение, так как для рассматриваемого хронологического периода они были достаточны. Основываясь на них, булгарская фортификация прошла затем быстрый путь развития от «простых» крепостных конструкций к более сложным. Это утверждение касается и самого градостроительства в целом.

Ключевые слова: археология, средние века, Волжская Булгария, городища, фортификация.

A.M. Gubaidullin**ABOUT THE EARLY FORTIFIED SETTLEMENTS
OF THE VOLGA BULGARIA**

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the early fortified settlements of the Volga Bulgaria, which arose in the X–XI centuries on the territory of this state. Written sources and archaeological materials make it possible to trace the time of appearance and the nature of medieval settlements in the Middle Volga region at the initial stage of development of the Bulgar urban culture and statehood. The complex picture of the development of urban planning is examined here. This includes both the non-random choice of the place for future settlements, and the ways to protect them. Despite the small number of currently known fortification monuments, we have an idea of the main types of defensive structures of that time. Their apparent simplicity should not be misleading, since for the chronological period under consideration, they were sufficient. Based on them, the Bulgar fortification then followed a rapid path of development from simple fortress structures to more complex ones. This statement applies to the city planning itself as a whole.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, Volga Bulgaria, ancient settlements, fortification.

В процессе изучения укрепленных поселений, в том числе и памятников военного зодчества, любого народа и государства важную роль играют сообщения письменных источников. В них отражены не только происходившие истори-

ческие события, но и приводятся некоторые сопутствующие им краткие описания, касающиеся населенных пунктов и их оборонительных сооружений. К ним относятся наиболее ранние сведения по укрепленным поселениям Волжской Булгарии, отраженные в арабо-персидских источниках. Например, о Булгарском государстве появляются сообщения в арабских письменных документах еще практически со времени становления его в Среднем Поволжье. К ним можно отнести сообщение среднеазиатского географа Абу-Абдаллаха Мухаммада ал-Джайхани, писавшего в первые десятилетия X в. [Заходер, 1967, с. 37], а также сведения из письма хазарского кагана Иосифа в Кордовский халифат, датирующегося серединой – второй половиной X в. В последнем, в частности, приводятся такие сведения: «Они живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах» [Коковцов, 1932, с. 98–99]. Эти данные относятся к середине – второй половине X в., однако они подтверждаются археологически и в наше время. В свою очередь, посетивший Волжскую Булгарию в первой половине XII в. арабский путешественник Абу-Хамид Мухаммад ал-Гарнати писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба» [Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу, 1971, с. 30]. Его современник, знаменитый арабский географ Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси в своем сочинении указывал, что в стране булгар «...находится город Сабун. Это укрепленный город, [расположенный] на вершине горы...» [Коновалова, 1999, с. 192]. Для написания своей работы автор заимствовал сведения из более ранних источников, что также свидетельствует о наличии на территории Волжской Булгарии укрепленных городов, различающихся по своим типам и расположению на местности. Нам сейчас сложно идентифицировать и локализовать этот памятник, но само упоминание такого укрепленного поселения является интересным фактом.

Проведенные археологические экспедиции с 60-х гг. XX в. и по настоящее время существенно дополнили имевшиеся сведения по булгарским укрепленным поселениям раннего времени. Были исследованы разнотипные памятники как по социальному статусу, так и по расположению на местности, а также по количеству и характеру имевшихся оборонительных линий. Наиболее примечательно, что многие булгарские городища этого хронологического периода относятся к неподчиненным рельефу местности. Они имели подквадратную или округлую в плане форму. Здесь, таким образом, мы видим непосредственное влияние рельефа на тип любого укрепленного поселения во время его основания. Подобные городища домонгольского периода, примыкающие одной стороной к обрыву или краю террасы, являются наиболее ранними по времени возникновения. Большинство булгарских поселенческих памятников такого типа датируются не только домонгольским периодом, но и первой его половиной, а точнее X–XI вв. По-видимому, такие планировочные особенности могут являться одним из датирующих факторов при определении времени возникновения того или иного укрепленного поселения. У схожих городищ форма укреплений состояла в основ-

ном из исходящих углов¹. Обычно их величина равняется 150–160 градусам, а расстояние между изломами колеблется, как правило, от 20 до 60 м. Данный военно-инженерный расчет использовался применительно к каждому отдельно взятому городищу. Все зависело от рельефа прилегающей местности, так называемой «эспланады», а также более отдаленной. Все это, однако, нисколько не свидетельствует о присутствии в такой планировке кочевнических традиций. Известно, что по правилам строительства фортификационных сооружений на ровной местности должны строиться «правильные» по форме крепости и крепостные постройки. Такая конфигурация всегда являлась наиболее оптимальной для их обороны [Бусмар, 1818, с. 159].

В качестве одних из показателей типов городищ раннего периода истории Волжской Булгарии можно привести укрепленные поселения, расположенные как на территории Закамья и Предкамья, так и Предволжья.

Наибольшее количество известных булгарских памятников находится на территории Закамья. Одно из них – Танкеевское I городище, расположенное на левом берегу р. Старая Рывина правого притока р. Утка. Памятник занимает подчетырехугольный мыс коренной террасы. Его площадь составляет 6 га. Линии укреплений городища состоят из двух валов и двух рвов. Укрепленное поселение датируется только домонгольским периодом, причем оно возникло не позже второй половины X в. Во время археологических раскопок памятника Т.А. Хлебниковой были выявлены остатки ранних оборонительных сооружений. Они представляли собой ров шириной 5–6 м и глубиной – 2,7–2,8 м, а также два ряда частокола из бревен диаметром 10–20 см, которые располагались вдоль эскарпа и контрэскарпа на расстоянии от края последних 1,2–1,5 м. Зафиксированы и следы насыпи небольшого вала из материковой желтой глины с внутренней стороны рва. Как считала исследователь, их строительство датируется второй половиной X в. По наблюдениям Т.А. Хлебниковой, эта система укреплений в конце X – начале XI в. была перестроена путем засыпки рва и сноса частокола, а также переноса оборонительной линии на новое место, что, тем самым, расширило площадку поселения [Хлебникова, 1964, с. 67–68].

Коминтерновское II городище также находится в левобережье р. Камы. Оно расположено на краю высокой обрывистой террасы высотой 16–18 м. С трех сторон поселение ограждено линией обороны ломаной формы в виде двух валов и двух рвов. В настоящее время площадь памятника составляет около 3,5 га (ранее памятник занимал территорию в 4,48 га), так как он ежегодно разрушается водохранилищем. Судя по найденному в процессе исследований археологическому материалу, Коминтерновское II городище возникло не позже начала – первой половины X в. и существовало до середины – второй половины XIII в. Сама планировка памятника несет в себе традиции довольно раннего времени,

---

¹ Исходящий угол – угол укрепленной линии, направленный во внешнюю сторону.

к которым относятся как строительство укрепленных поселений на ровной местности, так и расположение их у края террасы, берега или обрыва.

Следующее укрепленное поселение, городище «Девичий городок», располагалось на возвышенной надлуговой террасе левого берега р. Камы и датируется XI–XII вв. К нашему времени оно уже полностью разрушено Куйбышевским водохранилищем. Площадь, занимаемая им, составляла около 0,8 га. Его укрепления состояли из вала шириной 10–12 м и высотой до 1,5 м и рва глубиной 1 м и шириной 6–7 м. В линию обороны входили и округлые бастионообразные выступы в виде четырех возвышений [Старостин, 1985, с. 34–41]. Тип укреплений «Девичьего городка» довольно интересен. Судя по аэрофотоснимку, сделанному до разрушения памятника Куйбышевским водохранилищем, в северо-западном углу городища существовал тип проезда, получивший в военно-инженерной науке римлян название *clavicula* [Буйских, 1991, с. 97]. Он также имеет ранние аналогии на городищах Средней Азии, а также позднеантичных крепостях и представляет собой принцип, при котором концы вала заходят друг за друга, тем самым образуя относительно небольшой коридор – тип перибола. В этом месте линия вала, подходя с востока, поворачивала под тупым углом внутрь площадки памятника, тогда как с запада вал также под таким же углом был повернут в противоположную сторону, тем самым образовывался коридор шириной до 4 м и длиной до 10 м. Кроме того, место данного проезда располагалось в непосредственной близости от края террасы, со стороны р. Камы, т.е. в дополнение к искусственным сооружениям для защиты ворот городища была использована и так называемая «естественная фортификация». Также аналогии этому городищу имеются и среди отдельных раннесредневековых угорских городищ Южного Урала и Зауралья [Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, с. 439; Генинг, Евдокимов, 1969; Чиндина, 1991, с. 146].

Регион Предкамья являлся одной из важных территорий, входивших в Булгарское государство. К наиболее ранним укрепленным поселениям, возникшим здесь, относятся Казань, основанная как самый северный форпост Волжской Булгарии не позже конца X – начала XI в., Елабужское «Чертово» городище – XI–XIII вв. и Рождественское – XI–XIV вв. Все они являлись передовыми военными пунктами в Предкамье того периода времени. По-видимому, данные поселения несли также и торгово-административные функции.

Их оборонительные сооружения были изучены археологически довольно хорошо, что позволило определить основные тенденции развития фортификации в регионе для такого рода памятников. У Казани крепостные конструкции представлены двумя типами и хронологически разделяются на самые ранние, относящиеся ко времени основания укрепленного поселения, и поздние, возведенные во второй половине домонгольского периода. Вскрытие наиболее ранних фортификационных сооружений Казани Ф.Ш. Хузиным и А.Г. Ситдиковым позволило полнее представить их облик [Хузин, 1997/1998, с. 133; Хузин, 2000, с. 17–18; Ситдиков, 2000, с. 26–28]. По-видимому, с напольной стороны они имели вид

тыновой ограды с боевой площадкой позади, а вдоль крутых склонов мыса стоял частокол, так как там не требовалось создание серьезных дополнительных укреплений кроме эскарпирования склонов.

Следующий памятник – Елабужское «Чертово» городище. По результатам археологических исследований М.М. Кавеева и автора статьи можно реконструировать имевшиеся здесь крепостные сооружения в виде тыновой ограды с боевой площадкой позади, которые представляли собой укрепления внешней ограды поселения [Кавеев, 1984, с. 20–21]. Как же выглядели внутренние крепостные сооружения Елабужского городища раннего периода времени – на сегодняшний день неизвестно из-за отсутствия археологических данных.

Рождественское городище, расположенное на выступе левобережья р. Обвы, правого притока р. Камы, являлось, по-видимому, главным центром продвижения и болгарского влияния к северо-востоку от основных территорий государства. Оно состоит из двух частей – собственно Рождественского, а также Филипповского городищ, разделенных глубоким логом. С напольных сторон они были ограждены валом и рвом [Белавин, Крыласова, 2008, с. 6–7, 79, 82]. Структура вала Рождественского городища была выявлена в ходе археологических раскопок А.М. Белавина. Он включал в себя два разновременных строительных периода. Время сооружения первого было отнесено исследователями к X в., а его разрушение – к концу XI – началу XII вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 80–81].

В регионе Предволжья также существуют несколько укрепленных поселений, которые возникли еще в ранний домонгольский период. К ним, например, относится «Муромский городок» (Валыньское городище), располагающийся на территории Самарской Луки, образованной петлей р. Волги. Охватываемая им площадь – около 100 га. Городище находится в верховьях «Яблоневого оврага» и вписано в систему его ответвлений. Поселение занимает три смежные площадки, объединенные единой системой укреплений, т.е. относится к сложномысовому типу. Сохранность оборонительных линий памятника довольно плохая, что затрудняет их анализ. Однако, благодаря проведенным археологическим исследованиям, удалось выявить наиболее ранние укрепления X в., представлявшие собой ров и остатки стены в виде двух параллельных канавок, заполненные глиной [Васильев, Матвеева, 1986, с. 170].

Принимая во внимание имеющиеся данные по общей фортификации городищ раннего домонгольского времени, можно представить, что укрепленные поселения в X–XI вв. имели крепостные стены в виде частоколов или тыновых оград. В свою очередь на примере археологических исследований Болгарского городища можно утверждать, что тогда же в болгарской военно-инженерной науке стали применяться и столбовые конструкции, часто двухрядные с внутренней забутовкой.

Военно-инженерное дело Волжской Булгарии на начальном этапе основывалось на достижениях фортификации многих народов и достигло высокого

уровня развития, что позволило создать свою собственную школу. Свидетельством тому служат остатки валов и рвов, которые «...до сего дня стоят в твердости непоколебимой» [Рычков, 1770, с. 25].

Библиографический список

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – 603 с.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры) / отв. ред. С.Д. Крыжицкий. – Киев: Наукова думка, 1991. – 160 с.

Бусмар Г.-И. Общий опыт фортификации или науки военного укрепления с атакою и обороною крепостей в котором обе сии науки объяснены одна другою для употребления всех военных людей. – СПб.: Типография Н.И. Греча, 1818. – 326 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. – 232 с.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв. н.э.) // Вопросы археологии Урала. – Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1969. – Вып. 8. – С. 102–127.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР / отв. ред. Г.А. Кошеленко. – М.: Наука, 1985. – 496 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – М.: Наука, 1967. – 212 с.

Кавеев М.М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. – С. 18–27.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 184 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Восточная литература, 1999. – 254 с.

Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. – 137 с.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. – СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1770. – 189 с.

Ситдигов А.Г. Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С. 22–40.

Старостин П.Н. Об остатках башен «Девичьего городка» // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – С. 34–41.

Хлебникова Т.А. Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 году // Итоговая научная сессия Казанского института языка, литературы и истории АН СССР за 1963 г.: тезисы докл. – Казань: КИЯЛИ АН СССР, 1964. – С. 66–68.

Хузин Ф.Ш. Новые открытия Казанского Кремля (предварительное сообщение о раскопках 1997 года) // Tatarica. – Казань: Институт истории АН РТ, 1997/1998. – № 1. – С. 133–137.

Хузин Ф.Ш. Новое в археологии древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С. 12–21.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1991. – 184 с.

УДК 902/904

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11606

К.А. Руденко**О РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА
ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ**

Государственный институт культуры, Казань, Российская Федерация

Рассматриваются вопросы, связанные со становлением и развитием ювелирного дела волжских булгар. Этот процесс приходится на X в. До 960-х гг. волжские булгары были в политическом отношении подчинены хазарам, а их территория входила в состав хазарского государства. Это подтверждается сведениями письменных источников X в. Несомненно, были и экономические связи. Уточнить данное положение, используя археологические материалы, непросто. До середины X в. у нас есть только предметы из языческих некрополей волжских булгар: Танкеевского и Тетюшского могильников, функционировавших в первой половине X в. Поселения этого времени не обнаружены. Поэтому о характере булгарского ювелирного ремесла этого периода мы можем высказывать только предположения. Даже о том, что могли производить булгарские ювелиры в этот период самостоятельно, мы не имеем ясного представления, поскольку значительная часть изделий имеет широкое распространение на памятниках Восточной Европы в это время. Учитывая центры ювелирного производства у хазар, доля их продукции была достаточно существенной. Несмотря на то что через территорию волжских булгар в X в. проходили значительные потоки серебряных монет из мусульманских стран Востока, и, очевидно, булгарские торговцы принимали участие в посреднических операциях, но, судя по археологическим данным, особого воздействия на развитие булгарской экономики до 960–980-х гг. они не оказали. Следы собственного ювелирного производства зафиксированы на II Биярском и I Измерском селищах не ранее 960-х гг. Они в основном связаны с изготовлением медных и бронзовых украшений поясного гарнитура, а также костюма. Разгром Хазарии и ее ремесленных центров ускорили развитие булгарского ювелирного дела. Начало массового производства серебряных и золотых украшений в Волжской Булгарии приходится на конец X в. – первую половину XI в.

Ключевые слова: Волжская Булгария, ювелирное дело, Хазария, торевтика, чернь, зернь, золочение, ювелирные изделия.

K.A. Rudenko**ABOUT THE EARLY STAGES OF THE FORMATION
OF JEWELRY IN VOLGA BULGARIA**

State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation

The article discusses issues related to the formation and development of the jewelry production of the Volga Bulgaria. This process occurs in the 10th century. The Volga Bulgars were politically subordinate to the Khazars, and their territory was part of the Khazar state, until the 960s. This is confirmed by information from written sources of the 10th century. Undoubtedly, there were also economic ties. It is not easy to clarify this position using archaeological materials. Until the middle of the 10th century, we only have items from the pagan necropolises of the Volga Bulgars: the Tankeevka and Tetyushi burial grounds, which functioned in the first half of the 10th century. The settlements of this time have not been found. Therefore, we can only make assumptions about the nature of the Bul-

gar jewelry craft of this period. We do not even have a clear idea of what the Bulgar jewelers could have produced during this period on our own, since a significant part of the products is widespread at the monuments of Eastern Europe at that time. Considering the centers of jewelry production among the Khazars, the share of their products was quite significant. Despite the fact that significant flows of silver coins from the Muslim countries of the East passed through the territory of the Volga Bulgars in the 10th century, and, obviously, the Bulgar traders took part in intermediary operations, but, judging by the archaeological data, a special impact on the development of the Bulgar economy until 960–980s they didn't. Traces of our own jewelry production were recorded in two settlements (Bilyarsk II and Izmeri I), dating back to the period not earlier than the 960s. They are mainly associated with the manufacture of copper and bronze jewelry for a belt set, as well as a costume. The defeat of Khazaria and its craft centers accelerated the development of the Bulgar jewelry production. The beginning of mass production of silver and gold jewelry in Volga Bulgaria falls on the end of the 10th century – the first half of the 11th century.

Keywords: Volga Bulgaria, jewelry, Khazar, toreutics, niello, granulation, gilding, jewelry.

Ювелирное дело Волжской Булгарии давно привлекает внимание ученых. Интерес к нему усилился в конце XX – начале XXI в. в связи с расширением региональных исследований в области средневековой торевтики в целом и ювелирного дела в частности. Подпитывает это и ряд инноваций в научных штудиях, где акценты смещаются от иллюстративно-культурной парадигмы к технолого-вещеведческой. Если в первом случае ювелирные изделия и торевтика в целом рассматривались как элемент этнокультурного пространства (в археологическом, культурологическом или искусствоведческом понимании), нередко с использованием элементов систематизации (формально-типологической, с изучением морфологии артефактов), то во втором случае внимание исследователя сосредотачивается на технических параметрах – составе металла, технологиях изготовления, на основании которых строятся классификационные схемы. При этом последнее направление может быть расширено и включено в привычную этнокультурную форму.

Не останавливаясь здесь подробно на историографии вопроса (это тема отдельного исследования), а также обсуждения результатов техно-вещеведческих штудий, стоит рассмотреть сюжет, который в какой-то момент «выпал» из поля зрения специалистов, занимавшихся средневековой торевтикой Волго-Камья в целом и болгарской в частности. Это генезис производства болгарских ювелирных изделий.

В настоящее время мы достаточно хорошо представляем ассортимент изделий, которые производили болгарские ювелиры в домонгольское время – в X – начале XIII в. [Казаков, 1991, с. 113–140; Руденко, 2011, 2015]. Однако хорошо датированных археологических материалов, относящихся к начальному периоду формирования болгарского государства в X в., у нас крайне мало. Так, ювелирные изделия начала этого столетия представлены только артефактами в погребальном инвентаре Танкеевского, Тетюшского и, отчасти, Больше-Тиганского могильников. Единственное известное поселение рубежа IX–X вв. в Малом Иерусалимском овраге (раскопки П.Н. Старостина) следов ювелирного производ-

ства не имеет, как, собственно, каких-либо ювелирных украшений в числе находок из культурного слоя, комплексов жилых и хозяйственных построек [Старостин, 2007, с. 90–95].

Формирование селительной структуры на территории проживания болгар на Волге со второй четверти X в. привело к возникновению разнообразных форм организации сельских, а впоследствии и городских поселений и складыванию ремесленной прослойки формирующегося социума. Однако археологических данных, по которым можно было бы уловить суть происходящего в этой сфере, у нас нет. На поселениях, где проводились стационарные раскопки и имеются находки X в. (Билярское, Булгарское Суварское, городища, Измерское, Старокуйбышевское IV–V селища) не выявлено ни одного закрытого комплекса (жилища или хозяйственной постройки) этого времени (с узкой датой X в.), в котором содержались бы ювелирные изделия из драгоценных металлов или же имелись следы ювелирного производства.

Е.П. Казаков выделяет обширный пласт предметов мелкой художественной пластики из подъемного материала с I–IV Семеновского и I Измерского селищ в Татарстане и Головкинского в Ульяновской области – бронзовые и медные накладки, пряжки, наконечники ремней, то есть детали поясных гарнитуров, которые он датирует второй половиной X – первой половиной XI в. по аналогиям из могильников этого времени Марийского Поволжья [Казаков, 1991, с. 122–140]. Также в подъемном материале с I Измерского селища имеются находки, свидетельствующие о имевшем место изготовлении здесь некоторых типов бронзовых поясных накладок [Казаков, 1991, с. 55, рис. 19: 2]. Следуя публикациям учёного, В.В. Мурашева выделила группу украшений поясного гарнитура «волжско-болгарского центра», соотнеся их с находками с древнерусских памятников, при этом разделив его на несколько этапов, из которых отметим два первых – раннеболгарский (первая половина X в.) и развито-болгарский (вторая половина X в.) [Мурашева, 2000, с. 92–93].

Первый этап она обозначила материалами из Танкеевского могильника [Казаков, 1992, с. 288, рис. 95], что вполне логично, поскольку болгарских поселений, за единственным исключением в Булгаре, мы пока не знаем. Однако в публикациях о Танкеевском могильнике и обобщающих тематических статьях, касающихся этого вида артефактов, нет точной статистики по материалу, из которого они сделаны, дается лишь общее замечание: «бронзовые или серебряные, часто с позолотой», а из технологических характеристик упоминаются литьё и штамповка¹ [Казаков, 1992, с. 161–168].

Этот аспект представляется нам важным, поскольку речь идет о самом насущном для такого рода деятельности моменте – сырьевой базе. Напомню, что полиметаллические руды на территории, которую занимали в первой половине

---

¹ Кстати, такая же ситуация и с описанием накладок из подъемного материала с болгарских I Семеновского и I Измерского селищ более позднего времени [Казаков, 1991, с. 131].

X в. булгары на Волге – Ульяновское Поволжье и пойма Волги с небольшим участком прибрежной зоны в районе Тетюши-Маклашеевка, – отсутствуют.

В настоящее время у нас нет четкого понимания того, что именно из ремесленной продукции, которая обнаружена в погребальных комплексах раннебулгарских могильников, могли изготавливать сами булгары в первой половине X в., а что было импортным. Как следует из стилистического анализа орнаментов на украшениях поясного гарнитура, проведенного В.В. Мурашевой, отдельной «булгарской» традиции, в отличие от «хазарской» и «исламской», не существовало, а булгарский центр производства украшений поясного гарнитура диагностирован по «синтезу традиций хазарской торевтики, постсасанидских и исламских традиций» [Мурашева, 2000, с. 92]. Не особо понятно, как это могло произойти в начале X в., поскольку, судя по тем же раннебулгарским могильникам, вплоть до второй половины X в. язычество отнюдь не сдало свои позиции [Халикова, 1986, с. 60], а ислам являлся по сути религией части булгарской элиты. Отсутствие археологических следов ремесленной деятельности, связанной с обработкой цветных металлов в начале X в., ввиду отсутствия выявленных поселений этого времени, делает данное утверждение гипотетическим.

Добавим, что аналогичная ситуация в аргументации сложилась и с выделением группы «раннебулгарской торевтики». Это пять серебряных блюд и чаша с позолотой и чернью, декорированные гравированными схематичными рисунками людей, птиц и животных, а также орнаментами с растительными и геометрическими мотивами, также выполненными довольно небрежно. Найдены они были в XIX – начале XX в. в Пермском крае и Западной Сибири. Атрибутируя как «булгарские» эти артефакты, Б.И. Маршак и поддерживавшая его Н.В. Фёдорова ссылаются именно на смешанность изобразительных стилей [Федорова, 2003, с. 140–141; 2003, с. 138–153]. Датированы эти изделия X–XI вв. [Федорова, 1991, с. 7; 2003а, с. 64–65, кат. 27, 28]. Когда речь идет о первой половине X в., то, как мы показали выше, у этого утверждения нет никаких оснований.

Безусловно, не нужно сбрасывать со счетов проходивший в X в. через булгар поток монетного серебра в Северную Европу и в древнерусские земли. Восточные монеты могли быть для булгар сырьём по производству серебряных поделок, но дело в том, что большая часть монет шла через булгар транзитом [Нунан, 2004, с. 302–303], а в 960–970-е гг. этот поток и вовсе был блокирован, и монетное серебро шло в Скандинавию через Древнюю Русь [Ковалев, 2017, с. 133]. При этом, по мнению известного нумизмата Т.С. Нунана, «Саманидский импорт в процентном отношении ко всему импорту из исламского мира достигает своего пика около 96 % в 940–950-х годах» [Нунан, 2004, с. 293]. Впрочем, он же создал весьма впечатляющую иллюзию, опираясь только на данные нумизматики. Он писал: «Торговля Волжской Булгарии с Саманидской Средней Азией в X в. была гигантской <...> Ежегодно миллион или более серебряных дирхамов перевозилось на Север <...>. Волжская Булгария тоже стала исключительно богатой в этот же пери-

од и превратилась из хазарского придатка в одно из самых больших государств Европейской России» [Нунан, 2004, с. 299]. Анализ археологического материала с болгарских памятников X в. последний тезис не подтверждает.

Если мы рассмотрим хорошо исследованные болгарские археологические объекты, то в отношении нумизматических материалов получим такую картину. Находки серебряных дирхемов X в. на Билярском городище отсутствуют, хотя на II Билярском селище найдено несколько обрезков и целый дирхем второй половины X в. (рисунок: 20, 21), а также клад дирхемов начала XI в. [Беговатов, 2005, с. 31–42]. В середине XIX в. в окрестностях Билярска было найдено 30 восточных серебряных монет [Руденко, 2011, с. 148, табл. 6, № 1]. На Булгарском городище обнаружено несколько кладов дирхемов X в. [Руденко, 2011, с. 146–147, табл. 5, № 3, 12, 24]. Клад серебряных дирхемов X в. найден на Суварском городище, при этом в культурном слое такие находки не выявлены. Малое распространение серебряных дирхемов на болгарских памятниках X в., как и кладов, не позволяет видеть в монетном серебре тот самый источник, который мог быть основой формирования болгарского ювелирного дела в этот период. Но вместе с тем монетное серебро могло стимулировать его развитие во второй половине X в.

К периоду второй половины X – первой половины XI в. относятся выявленные Е.А. Беговатым следы производства бронзовых накладок, аналогичных находкам с Измерского селища на II Билярском селище, тигли, металлургические горны [Беговатов, 2001, с. 151–151, рис. 5: 3]. Это пока единственное место производства ювелирных изделий этого времени на болгарских памятниках, зафиксированное при раскопках. Сами накладки представлены несколькими типами (рисунок: 1–11). Это изделия сердцевидной формы (рисунок: 10, 11), круглой формы с двумя выступами в верхней части (рисунок: 9). Аналогичные им встречены на I Измерском [Казаков, 1991, с. 130, рис. 44: 36, 37] и Остолоповском селищах XI–XII вв. Накладка восьмёрковидной формы с килевидным окончанием и с декором из двух кринов (рисунок: 7) по форме аналогична измерским, а точная ее аналогия в серебре найдена при раскопках V Малополянского селища в Татарстане [Казаков, 1991, с. 130, рис. 44: 27, а, б]. Стандартны накладки квадратной, сердцевидной и подтрапиевидной формы (рисунок: 1–6, 8). Близкие им изделия также имеются на Измерском I селище [Казаков, 1991, с. 130, рис. 44: 47, 76, 77]. Серия литых бронзовых пуговиц (рисунок: 13–17) также характерна для находок с Измерского селища [Казаков, 1991, с. 115, рис. 40: 34, 35, 53–55]. Серебряный перстень (рисунок: 18) датируется XI в. и был привозной [Руденко, 2015, с. 381, кат. 79]. Серьга (рисунок: 19) узкой даты не имеет.

Судя по опубликованным данным, культурный слой на II Билярском селище не делится на горизонты, как на Билярском городище, а образует единый пласт, в верхней части нарушенный глубокой распашкой, где по всей глубине обнаружены находки, датирующиеся преимущественно с начала XI и до начала XIII в. Хотя исследователь по аналогиям предположил нижнюю дату отложе-

ния культурного слоя в конце X – начале XI в. [Беговатов, 2001, с. 153], но сравнение с закрытыми комплексами из раскопок Остолоповского селища и из стратиграфического слоя этого памятника [Руденко, 2019, с. 95–110], где обнаружены аналогичные накладки, позволяет датировать их не ранее первой половины XI в.

Украшения и детали поясного гарнитура конца X – начала XI в., производившиеся булгарами, отличаются от того, что использовалось несколькими десятилетиями ранее. Более того, к последней трети X в. полностью выходят из употребления некоторые типы украшений, например, литые и составные серьги, в том числе «салтовского типа», литые серьги с граненым грузиком, «булаво-видные» подвески с зернью и т.п. изделия [Казаков, 1992, с. 176–177, рис. 63: 5–24]. Перестали встречаться наборные пояса «южно-уральского» типа, со специфическими литыми серебряными накладками, распространение которых Е.П. Казаков связывает с передвижением мадьярского союза племен в конце IX в. на запад [Казаков, 1992, с. 169]. Показательно и то, что из 72 типов бронзовых поясных накладок, выделенных Е.П. Казаковым по материалам Семеновских и I Измерского селищ, только три типа (4 %) находят аналогии или «близки» накладкам из Танкеевского могильника [Казаков, 1991, с. 133–135].

Анализ булгарских вещевых кладов выявил комплекты ювелирных украшений из драгоценных металлов, сформировавшихся не ранее XI в. [Руденко, 2011, с. 155]. То есть местное производство и распространение на государственной территории Волжской Булгарии серебряных и золотых украшений с использованием скани и зерни, а также из серебряной проволоки произошло в течение этого столетия. Вероятно, тогда же начались и опыты с чернением серебряных украшений. Без сомнения, данные техники были известны булгарам и ранее, но никак не воплощались в собственном производстве. Бытовали у булгар и привозные серебряные изделия, декорированные подобным образом, но в малом количестве. Отметим, что техника золочения, распространенная в Прикамье и в Хазарии, не нашла применения в булгарском ювелирном деле.

В чем причина такого своеобразного развития булгарского ювелирного дела в X в.? Вплоть до разгрома Хазарии в 965 г. булгары находились в политической зависимости от хазар. Хотя экономический потенциал Хазарии оценивают по-разному, тем не менее формирование особого художественного хазарского стиля в предметах торевтики [Фонякова, 2010] уже не оспаривается. Хазары чеканили собственную серебряную монету, вполне успешно освоили многие ремесленные технологии, распространенные в византийских провинциях в Причерноморье, а также у мусульманских мастеров-торевтов Средней Азии, особенно в производстве ювелирных изделий и украшений, например чернение и позолоту, а также выпуск накладок, отлитых по восковой модели с использованием матрицы [Мурашева, 2000, с. 10,14]. Показательно, что в пределах Хазарии в IX в. получил распространение и оригинальный урало-

венгерский стиль, где сложилась особая иконография и дизайн [Федорова, 2003а, с. 16–17].

Таким образом, генезис болгарского ювелирного дела проходил, с одной стороны, в рамках прикамской традиции, связанной с базовыми этническими компонентами ранней Волжской Булгарии [Казаков, 1992], а с начала X в. – хазарской, синкретичной в своей основе. При этом в первую очередь развивалось несложное по технологии изготовление деталей и украшений поясного/уздечного гарнитура, некоторых элементов костюма и прически из меди и бронзы, а также, вероятно, из низкопробного серебра. Высокотехнологичные изделия из серебра высокого качества и, возможно, из золота в Волжской Булгарии начали производиться только в конце X в., а в основном в XI столетии.

Библиографический список

Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья: материалы всерос. науч. конф. (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / отв. ред. В.И. Завьялов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – С. 148–159.

Беговатов Е.А. Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X–XI веков (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды) // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды: материалы II Всерос. конф. / науч. ред. К.А. Руденко. – Казань: Школа, 2005. – С. 31–42.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Татарск. кн. изд-во, 1991. – 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 335 с.

Ковалев Р.К. О роли руссов и волжских болгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X – начале XI в. // Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / отв. ред. А.С. Щавелев. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 496 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 136 с.

Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сборник статей памяти проф. И.В. Дубова / ред. А.Н. Кирпичников. – СПб.: Изд-во ун-та, 2004. – С. 256–313.

Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. – Казань: Заман, 2011. – Т. I. – 256 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. – Казань: Заман, 2015. – Т. II. – 528 с.

Руденко К.А. Новые данные о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. – 2019. – № 6. – С. 95–110.

Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология Евразийских степей: материалы Учредительного междунар. конгресса / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – Т. II. – С. 90–95.

Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный металл из Среднего Приобья: Новые находки. Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока. – Л.: ГЭ, 1991. – С. 5–10.

Федорова Н.В. Торевтика Волжской Булгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / ред. А.М. Белавин. – Пермь: ПГПУ, 2003. – Вып. III. – С. 138–153.

Федорова Н.В. Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. – Салехард – СПб., 2003а. – С. 9–18.

Фонякова (Чувило) Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII–X вв.: по материалам художественной металлообработки. – Казань: ИИ АНТ, 2010. – 168 с. (Bibliotheca tatarica).

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во ун-та, 1986. – 160 с.

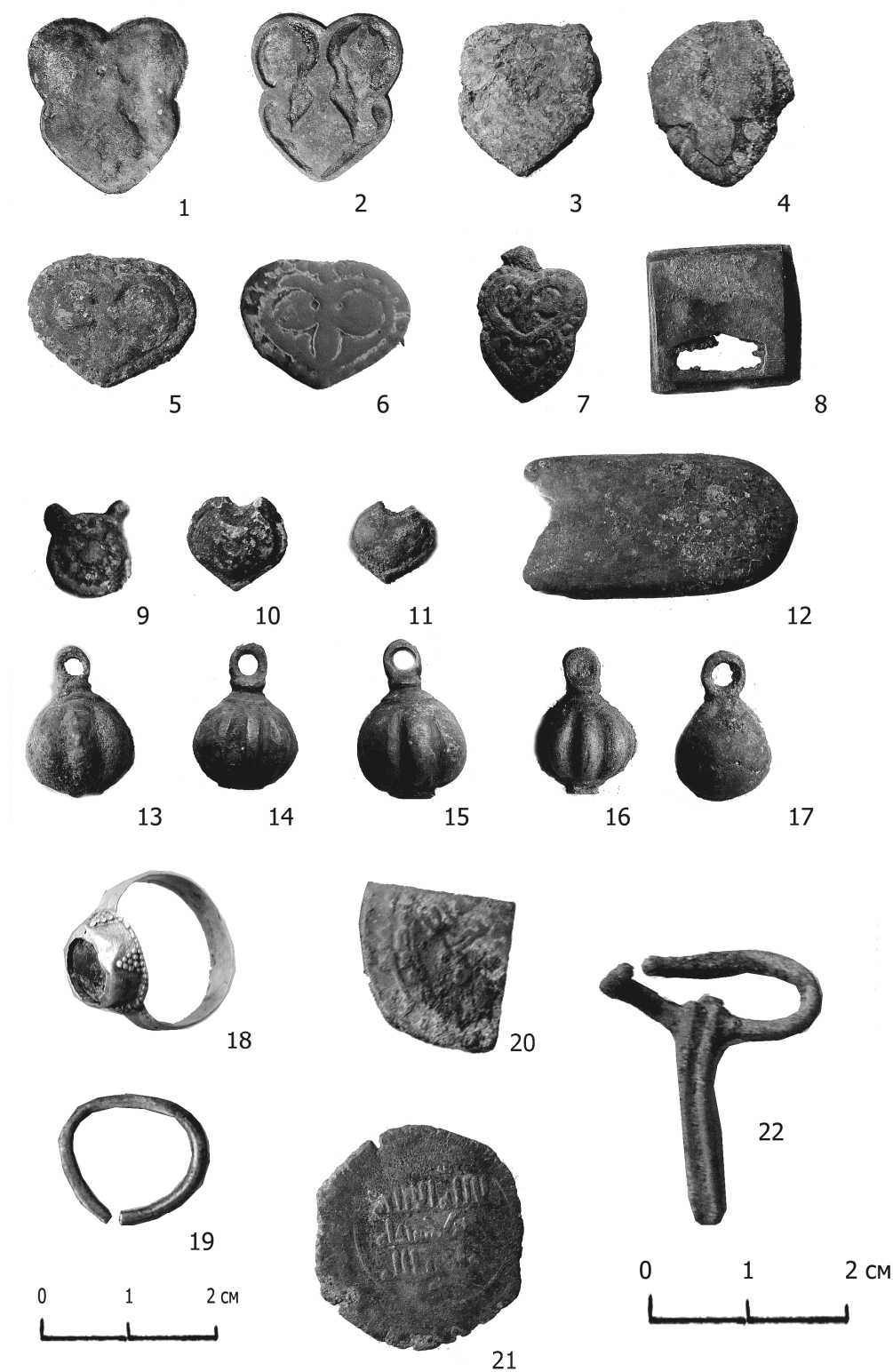

Рис. Билярское II селище. Раскопки Е.А. Беговатова 2000–2001 гг.
 Изделия из цветных металлов. 1–11: поясные накладки; 12 – наконечник ремня;
 13–17: пуговицы; 18 – перстень со вставкой; 19: серьга; 20, 21: монеты X в.;
 22 – сьюлгма. Собрание Билярского государственного историко-археологического
 и природного музея-заповедника

УДК 902/904

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11607

З.Г. Шакиров**ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОМ ТИПЕ АМУЛЕТОВ ИЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ,
ИНОГДА НАЗЫВАЕМОМ АНТРОПОМОРФНЫМ
ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТЕНГРЕ**

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация

Рассматривается проблема интерпретации категории археологических находок, которые увязываются со средневековьем на территории Волжской Булгарии. Антропоморфные изображения, имеющие давнюю традицию схематизированных изображений человека, в различных вариациях, как правило, носят гипотетический характер. Подвески, не несущие графически однозначной смысловой нагрузки начертаний (надписи и изображения), требуют анализа в длительной исторической ретроспективе. На сегодня нет четких оснований говорить, что антропоморфные подвески являются олицетворением бога Тенгре.

Ключевые слова: археология, культовые артефакты, средневековье, Волжская Булгария, амулеты, антропоморфные находки, Тенгре.

Z.G. Shakirov**ONCE AGAIN ABOUT ONE TYPE OF AMULETS FROM VOLGA
BULGARIA SOMETIMES CALLED THE ANTHROPOMORPHIC
IMAGE OF TENGRE**

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

The paper deals with the problem of interpretation of archaeological findings that are associated with the middle ages on the territory of Volga Bulgaria. Anthropomorphic images, which are schematized images of a human in various variations, usually are hypothetical in nature. Suspensions that do not carry an unambiguous semantic load of graphics (inscriptions and images) require analysis in a context of historical retrospective. As for today, there is no solid grounds to qualify anthropomorphic suspensions as a representation of the Tengre god.

Keywords: archeology, cult artifacts, middle ages, amulets, anthropomorphic finds, Tengre.

Соотнесение ряда археологических предметов непонятного назначения с «культовыми» является одной из проблем использования археологических данных при изучении древних обществ, в том числе при изучении духовной культуры.

К амулетам Волжской Булгарии традиционно относят широкий спектр изделий, отражающих языческие воззрения и представления, испытывавшие смешение культур, влияние мировых религий и др. Природные и искусственные, изготовленные из разных материалов амулеты носили функции оберегов и помощников.

В нашем случае хочется остановиться на одной категории находок, чаще всего это подквадратные или подтрапециевидные с ромбовидным навершием изделия. В основании навершия или непосредственно в навершии – отверстие

для шнура (рис. 1). Находки этой категории часто интерпретируются как антропоморфные изображения.

Расположение сквозного канала выше центра тяжести, а также наличие вертикальных плоскостей симметрии позволяет относить выделяемые изделия к подвескам с симметричным телом [Леммлейн, 1950, с. 150, 163].

Рассматриваемые нами подвески с территории Волжской Булгарии известны в публикациях со следующими интерпретациями:

1. По мнению И.А. Закировой, это мусульманские подвески-амулеты и разделители четок, появление связано с исламизацией болгарского общества [Закирова, 1988, с. 234, рис. 103: 14–15]. Говоря о копировании с арабских образцов, она ссылается на пример бронзового амулета с астральными символами и магическими знаками, найденного на Царевском городище [Федоров-Давыдов, 1974, с. 130–131] (рис. 4: 1).

В нашем случае непонятен тезис о постепенном упрощении в форме, потому что на домонгольских амулетах надписи на сегодняшний день неизвестны. К сожалению, И.А. Закирова, приводя сведения о различных материалах для их изготовления, не привела ссылок на коллекции, датировку.

2. Г.М. Давлетшин говорит, что плоские костяные амулеты являются отражением сильно стилизованного антропоморфного существа... Эти амулеты с известной долей осторожности можно считать миниатюрными изображениями Тенгре [Давлетшин, 1990, с. 58, 80, рис. 16].

В этом случае, если с мнением о сильно стилизованном антропоморфном отображении еще можно согласиться, так как подобные примеры хорошо иллюстрируются и в других культурах, начиная с первобытной эпохи, то с предположением, что циркульный орнамент – атрибут Тенгре – в нашем случае слабо доказуем, он отсутствует на изделиях из янтаря (рис. 1: 11), металлов (рис. 1: 12) и не обязателен на подвесках из кости (рис. 1: 1). Солярное значение циркульного орнамента – часть весьма дифференцированной символики, уходящей своими корнями в глубокую древность. Циркулярный символ известен в орнаментах многих народов мира, обозначая солнце, свет, горение, тепло, огонь, возникновение огня [Грач, 1966, с. 32].

3. К.А. Руденко при анализе изделий из кости и рога выделяет амулеты, представленные подвесками с ромбическим ушком, с основным местом распространения в пределах Волжской Булгарии. Датируются X–XIII вв., но могли использоваться и позже – в XIV в. [Руденко, 2005, с. 74, табл. 14: 275–280]. Интерпретация К.А. Руденко, основанная на предыдущих версиях и личном анализе коллекций, выверена и корректна.

Нами при анализе биярских амулетов из кости с так называемым ромбовидным навершием установлено, что коллекция памятника, в сравнении с другими, является самой представительной (более 40 экз.) [Пальцева, Шакиров, 2012, с. 54–55]. Навершием отличается находка из янтаря с раскопа 2018 г. на площадке внутреннего города Биярского городища (рис. 1: 11). Отличие навершия, вероятнее всего, связано со спецификой материала, из которого сделана подвеска.

Близкой по форме, но отличной по декору является оригинальная трапецевидная пластина с ромбическим выступом из Пермского Приуралья. В навершии отсутствует отверстие для шнура [Белавин, Крыласова, 2008, с. 399, 457, рис. 195] (рис. 1: 13).

Говоря о геометрии (прямоугольник, ромб, трапеция с вариациями наверший), в том числе и рассматриваемых подвесок, можно сказать, что она является простейшей для антропоморфных изображений, а потому характерна для многих общностей и культур, начиная с первобытности.

Например, в эпоху энеолита-бронзы антропоморфные скульптуры из камня с территории Крыма (лишь несколько скульптур имеют декор) интерпретируются как составные элементы святилищ либо часть идеологической атрибутики различных культур [Тощев, 2007, с. 87–92, рис. 40–42] (рис. 2).

Что касается подвесок, помимо слабовыраженных антропоморфных черт, симметричное тело изделий позволяло наносить на плоскостях магические и культовые изображения, а также надписи. Схожие формы мы видим у представителей древнейших цивилизаций (рис. 3: 1, 2). С появлением монотеистических религий удобная форма подвесок стала основой для нательных образков у христиан, а у мусульман для благопожелательных надписей (рис. 3: 3, 4).

В золотоордынское время на похожих по форме подвесках помимо благопожелательных текстов отмечаются изображения магических квадратов [Федоров-Давыдов, 1974, с. 130–131; Лапшин, 2016, с. 189; Кубанкин, 2019, с. 449] (рис. 4). Находки изображений магических квадратов (не только на подвесках) на территории Улуса Джучи относятся к городской культуре и фиксируются во всех крупных районах оседлости, за исключением Болгара. Районами заимствования могли быть Средняя Азия или (и) Закавказье [Пигарев, Скисов, 2007, с. 244].

На основании анализа литературы и вышесказанного можно выдвинуть следующие положения о рассмотренной категории предметов (рис. 1: 1–12) с территории Волжской Булгарии:

- отсутствует на раннебулгарских могильниках;
- является маркером в основном домонгольских поселенческих памятников Волжской Булгарии, где имеет достаточно унифицированную форму;
- изготавливалась в основном из кости, реже из свинца и янтаря;
- о местном производстве могут свидетельствовать находки заготовок;
- главным способом использования магической силы амулетов было ношение на теле;
- твердых оснований интерпретировать амулеты-подвески как изображение Тенгре на сегодня нет.

Библиографический список

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.

Валиев Р.Р. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях Куркульского селища I в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2009 г. – Казань: НФ МА РТ ИА АН РТ, 2011. – 118 л.

Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // Археологические памятники раннего железного века / КСИА. – 1966. – Вып. 107. – С. 28–32.

Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (Домонгольский период, X – нач. XIII вв.). – Казань: Татарское книжное издательство, 1990. – 192 с.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 220–243.

Кубанкин Д.А. Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища // Генуэская Газария и Золотая Орда. – Казань – Кишинев, 2019. – Т. 2. – С. 443–462.

Лапшин А.С. Археологические исследования на Водянском городище // Археологические открытия 2014 года. – М.: Институт археологии РАН, 2016. – С. 188–191.

Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИА. – 1950. – Вып. XXXII. – С. 157–172.

Пальцева Д.У., Шакиров З.Г. Изделия из кости и рога средневекового Биляра // Проблемы археологии и истории Татарстана: сборник статей / отв. ред. проф. Ф.Ш. Хузин. – Казань, 2012. – Вып. 3. – С. 37–65.

Пигарев Е.М., Скисов С.Ю. Магический квадрат в городской культуре Золотой Орды // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сборник. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 5. – С. 238–246.

Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века» 25–28 сентября 2003 года, Казань – Яльчик. – Казань: РИЦ «Школа», 2005. – С. 67–97.

Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. – Запорожье: Изд-во Запорожского НУ, 2007. – 304 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – С. 130–131.

Худяков А.В. Отчет об археологических раскопках на Билярском городище (раскоп XLIV) в 2017 году. – Казань: НФ МА РТ ИА АН РТ, 2018. – Т. I. – 251 л.

Худяков А.В. Материалы к отчету об археологических раскопках на Билярском городище (раскоп XLIV) в 2018 году [Электронный ресурс]. – Казань, 2020. – URL: https://www.christies.com/lotfinder/lot_details.aspx?intObjectID=5385524&lid=1 (дата обращения: 05.10.2020).

Antik Yazar [Электронный ресурс]. – URL: <https://antikyazar.com/antik-misir-mezarliginda-3-600-yillik-kolyeler-ve-muskalar-bulundu/> (дата обращения: 05.10.2020).

Barakat Gallery [Электронный ресурс]. – URL: <https://i.pinimg.com/originals/62/f3/e7/62f3e764550058d06cd02ba4b2e8ab7e.jpg> (дата обращения: 07.07.2020).

Los Angeles County Museum of Art [Электронный ресурс]. – URL: <https://collections.lacma.org/node/205328> (дата обращения: 07.07.2020).

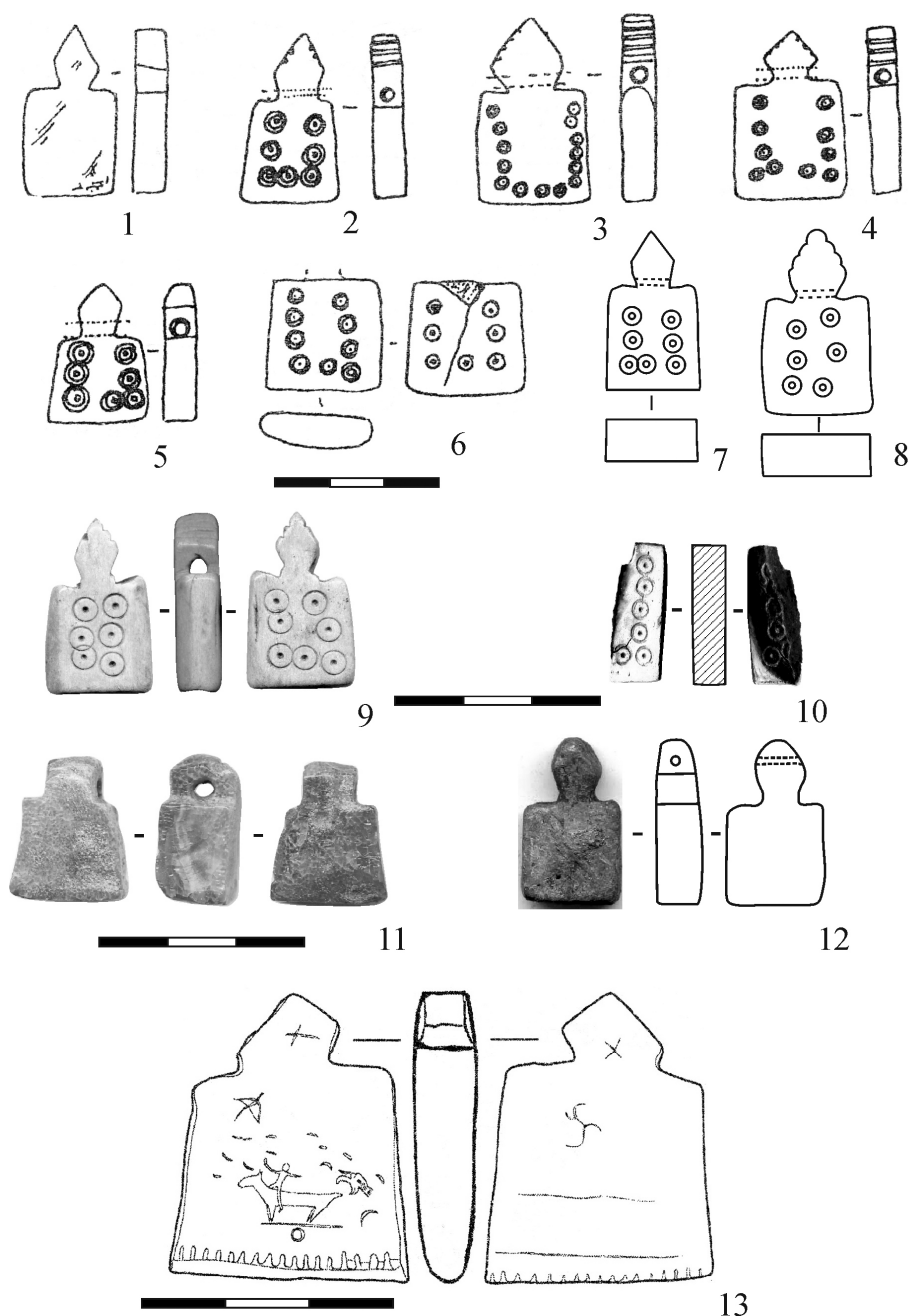

Рис. 1. Подвески-амулеты: кость (1–10, 13), янтарь (11), свинцово-оловянистый сплав (12). Болгарское, Билярское городища: 1–5 – АКУ-85/13, Остолоповское селище 6 [Руденко, 2005]; Билярское городище: 7 – ГМТР 5427-58, 82 (АА-52), 8 – ГМТР 5427-58-75 (АА-52/2) [Пальцева, Шакиров, 2012], 9 – БГИАиПМЗ 44-18/408, 10 – БГИАиПМЗ 44-18/522 [Худяков, 2020], 11 – БГИАиПМЗ 44-17/370 [Худяков, 2018]; Куркульское селище I: 12 – Кс. I-09/360 [Валиев, 2011] Рождественский комплекс: 13 [Белавин, Крыласова, 2008]

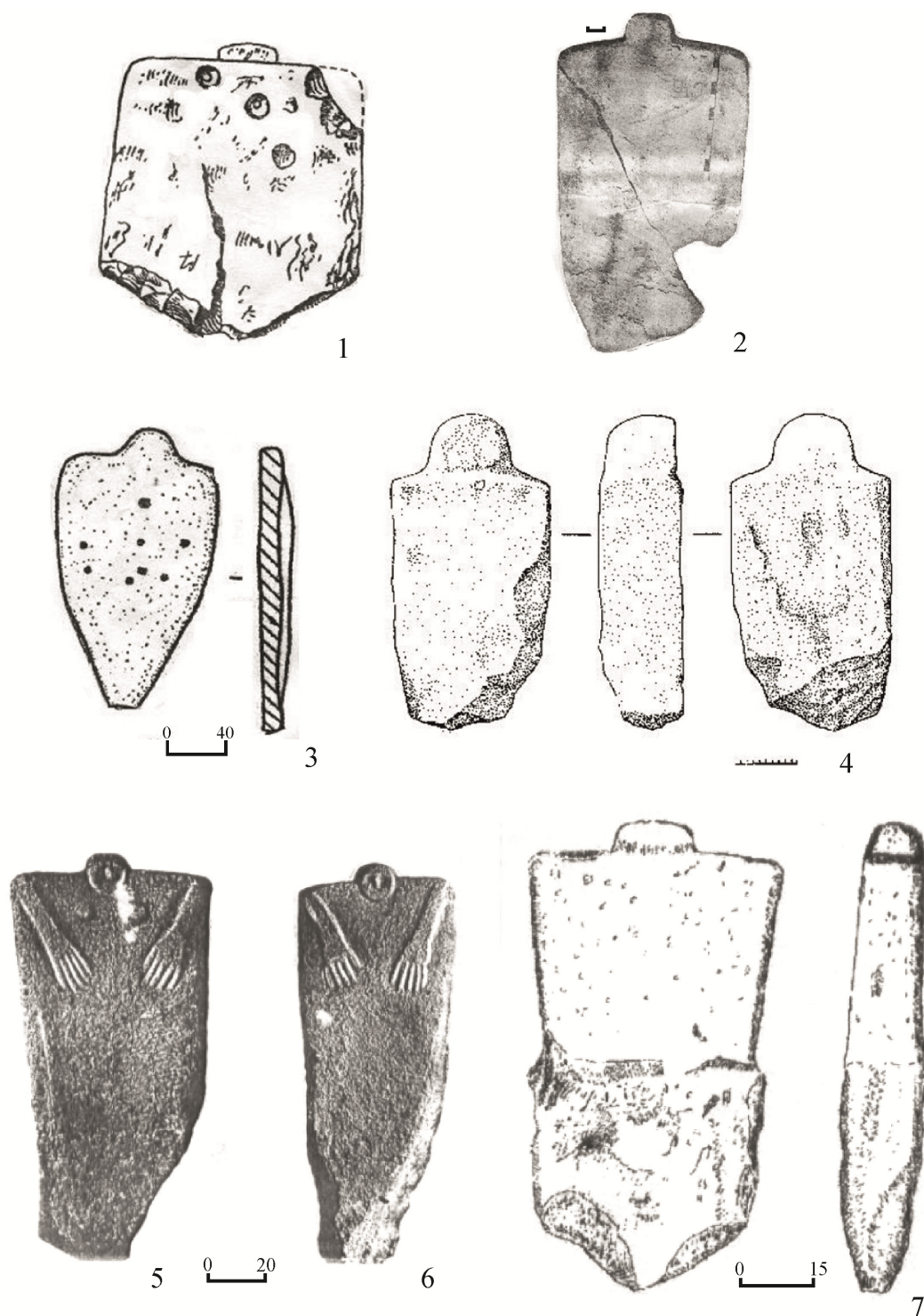

Рис. 2. Стеллы, Крым, эпоха энеолита-бронзы:
 1 – Чокурча; 2 – Ильичево; 3 – Луговое; 4 – Крыловка, к. 17, насыпь;
 5–6 – Тиритака; 7 – Заветное [Тощев, 2007]

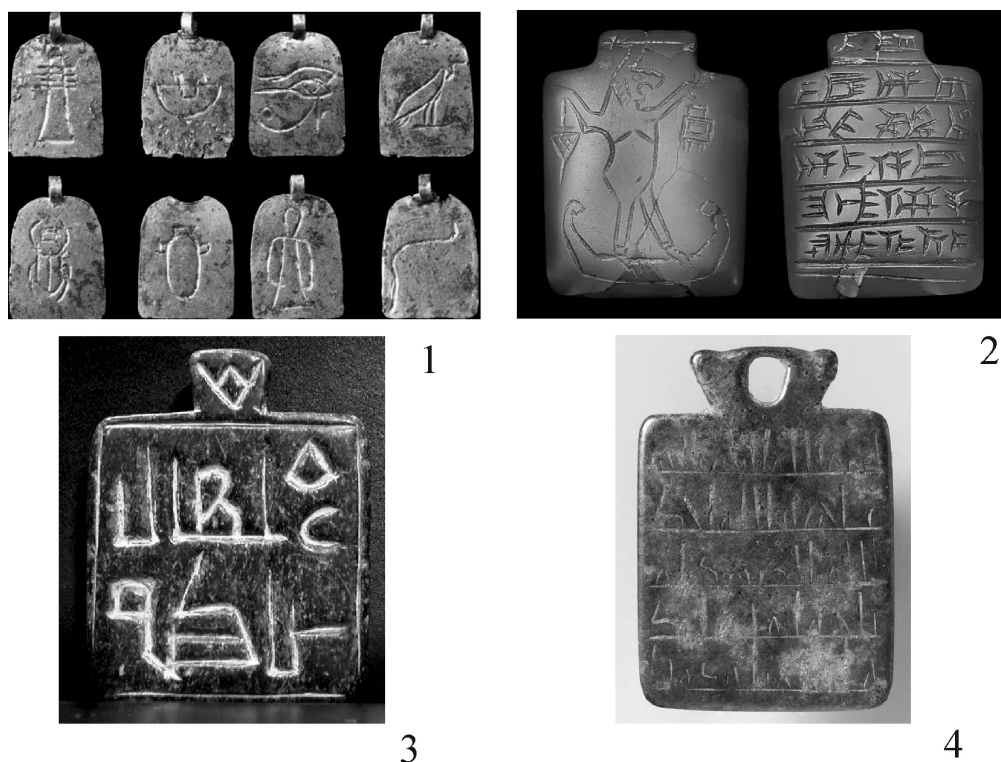

Рис. 3. Подвески-амулеты: 1 – Египет, 17-я династия (с 1580 г. до н.э. до 1550 г. до н.э.) (<https://antikyazar.com>); 2 – Месопотамия, Ново-Ассирийское время (VIII–VII вв. до н.э.) (<https://www.christies.com>); 3 – Испания (VIII–X вв.) (<https://i.pinimg.com>); 4 – Центральная Азия (X–XIII вв.) (<https://collections.lacma.org>)

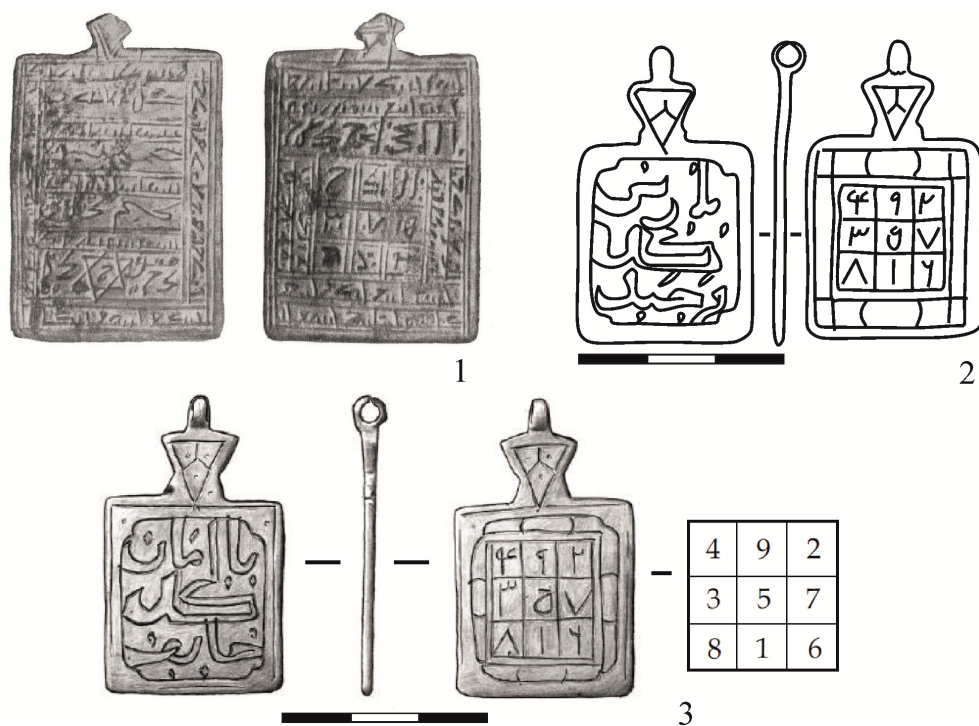

Рис. 4. Подвески-амулеты: 1 – Царевское городище [Федоров-Давыдов, 1974]; 2 – Увекское городище [Кубанкин, 2019]; 3 – Водянское городище [Лапшин, 2016]

УДК 902/904 "04/14"

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11608

Д.Ю. Бадеев**РАННИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
С ТЕРРИТОРИИ ДОМОНГОЛЬСКОГО БОЛГАРА**

Институт археологии РАН, Москва, Российская Федерация

Археологические исследования последних лет к западу, юго-западу от Соборной мечети Болгара позволили выявить металлургический комплекс, который соотносился с ранним периодом существования города (X – начало XI в.). В раскопах было зафиксировано четыре сыродутных металлургических горна подземного (тигельного) типа. Горны раннего Болгара имели схожую форму и устройство с сыродутными горнами лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры. Площадка металлургического комплекса занимала западную периферию раннего Болгара. На площадке металлургического комплекса, кроме горнов, были зафиксированы участки, где производилось обогащение руды и ее дробление. Всего с таких участков было собрано более 200 кг руды, которая имела различную степень подготовки к плавке. Увеличение территории города и возведение новой оборонительной линии XI–XII вв. приводит к смещению металлургического района на запад и юго-запад, где были выявлены горны иного типа устройства. В золотоордынский период на месте раннего металлургического комплекса развивается ремесленно-торговый район Болгара. Существование крупного металлургического комплекса на западной окраине Болгара X – начала XI в. позволяет утверждать, что экономическую основу раннего города составляла не только торговля, но и значительное по объему металлургическое производство.

Ключевые слова: Волжская Булгария, средневековый город, ремесло, металлургический горн, ремесленно-торговый район.

Badeev D. Yu.**EARLY METALLURGICAL COMPLEX FROM THE TERRITORY
OF THE PRE-MONGOL BOLGAR**Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Archaeological research in recent years to the west, southwest of the Cathedral mosque of Bolgar has revealed a metallurgical complex. It belonged to the early period of the city's existence (10th – early 11th centuries). Researchers found 4 metallurgical furnaces, which are of the type buried in the ground (structure to the crucible or melter). The furnaces of the early Bolgar had a similar shape and structure to the furnaces of the forest-steppe variant of the Saltovo-Mayak culture. The site of the metallurgical complex occupied the Western periphery of the early Bolgar. Also on the site of the metallurgical complex, were recorded areas where ore was prepared and crushed. The total weight of the ore was more than 200 kg. The ore had various degrees of preparation for processing. The increase in the city's territory in the 11th – 12th centuries leads to the shift of the metallurgical district to the west and southwest. Here, metallurgical furnaces of a different type of device were identified. In the Golden Horde period, on the site of an early metallurgical complex, the craft and commercial district of Bolgar developed. The existence of a large metallurgical com-

plex (10th – early 11th centuries) suggests that the economic basis of the early city was not only trade, but also a significant amount of metallurgical production.

Keywords: Volga Bulgaria, medieval town, craft, metallurgical furnaces, craft and commercial district.

До недавнего времени не было выявлено ремесленных комплексов, датированных X в. Новые данные о развитии ремесла в Болгаре X – начала XI в., предоставили археологические исследования, которые проводились в 120–160 м к западу и юго-западу от Соборной мечети – раскопы CLVI, CLXII, CLXXVI, CLXXIX и CXСII. От края верхней надпойменной террасы и далее на юг были выявлены остатки четырех сыродутных металлургических горнов подземного (тигельного) типа различной степени сохранности и относящиеся к ним предгорновые ямы (рис. 1).

Дневная поверхность горнов и предгорновых ям располагалась в нижней части напластований домонгольского слоя VI. Стоит отметить невысокое содержание индивидуальных находок и керамики в прослойках и объектах, связанных с VI слоем. Среди этих находок необходимо выделить две серебряные монеты X в. – местное подражание дирхема Наср бен Ахмеда Самани (определение канд. ист. наук Д.Г. Мухаметшина), фибулы (сюльгамы), имеющие завершения в виде завернутых в трубочку «усов» длиной более полутора диаметров кольца, данный тип фибул по материалам Подболотьевского, Кривозерского и Лядинского могильников датируется в рамках X – XI вв. [Вихляев и др., 2008, с. 146–147; К вопросу о мордовском населении..., 2014; Воронина, 2007, с. 19–20], зонные гагатовые бусы, стеклянные бусы-«лимонки» и лимоновидные многочастные пронизки желтого и темно-синего цвета, а также бусы непрозрачного стекла с рельефным глазчатым орнаментом и бусы «овалах», которые, по материалам с территории Восточной Европы, имеют датировки IX – начала XII в. [Полубояринова, 1988, с. 151–155]. Данный набор находок по аналогии с материалами восточноевропейских памятников датируется в рамках второй половины IX – началом XI в. Керамический материал характеризуется доминированием фрагментов и сосудов I общebolгарской группы при наличии единичных находок фрагментов лепной посуды ломовско-ломоватовского типа, сосудов II и XI этнокультурной группы (по Т.А. Хлебниковой) [Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 204, 206–208].

В данной части городища слой VI располагался непосредственно на погребенной почве, которая была представлена серой супесью. Процесс почвообразования на этом участке можно связать с преобразованием – распахкой незначительного по мощности доболгарского слоя VII, на что указывает характер распределения фитоцитов и валового фосфора, а также присутствие незначительного количества обломков керамических сосудов середины – второй половины I тыс. н.э. [Гольева, 2014, с. 214–215, рис. 2, 3]. Сам домонгольский слой VI представлен серией прослоек с высоким содержанием железного шлака и руды. Данный слой в районе расположения горнов на раскопах CLVI (г), CLXII

(2011 г.), CLXXVI, CLXXIX (2012 г.), СХСII (2016–18 гг.) характеризуются прослойками коричневой, темно-коричневой и серой супесями, насыщенными золой и углями. По верхней границе данного слоя располагаются прослойки серо-зольной (белесой) и желтой супесей с единичными включениями углей и кальцинированных костей животных, которые подстилала тонкая прослойка темно-коричневой супеси с углями, включениями мелких шлаков и руды. Прочих находок, как и керамического материала, эта прослойка практически не содержала, что позволило некоторым исследователям Болгара рассматривать ее в непосредственной связи со слоем пожара 1236 г., допуская, что после пожара вся площадь уничтоженного города была засыпана слоем речного песка [Полубояринова, 2003, с. 106; Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 202–203]. На некоторых участках раскопов CLXII, CLXXIX и СХСII прослойки серо-зольной (белесой) и желтой супесей разделялись на два горизонта, между которыми располагалась прослойка коричневой (серой) супеси с единичными углями. Эти прослойки отличались невероятно высоким содержанием фитолитов – более 20 тыс. шт. и валового фосфора – свыше 5 % [Гольева, Коваль, 2020]. Общая мощность слоя VI достигала на отдельных участках раскопов CLXII (2011 г.), CLXXVI, CLXXIX (2012 г.), СХСII (2017–18 гг.) 30–40 см. Можно предположить, что образование данных прослоек связано с процессом подготовки руды для ее дальнейшей плавки в горнах. Так, на границе раскопов CLXII (2011 г.), CLXXVI, CLXXIX (2012 г.) рассматриваемые прослойки перекрывали обширное пятно мелкодробленой железной руды, общий вес которой превышал 10 кг, а в раскопе СХСII (2017 г.) вес скопления дробленой руды размером с лесной орех достиг 51 кг 700 г [Бадеев, Коваль, 2017, с. 72]. Вероятно, на площадках вблизи металлургических горнов устраивали костры для обжига руды, чтобы повысить температуру горения в них могли добавлять большое количество соломы, отсюда высокое содержание фитолитов, а в процессе обжига выделялся фосфор, который, как и сера, в больших количествах содержался в местном сырье – в болотной (луговой) руде.

С начальным периодом существования города на раскопах CLVI (г), CLXII (2011 г.), CLXXIX (2012 г.), СХСII (2016, 2018 гг.) связаны металлургические объекты для производства кричного железа – сыродутные горны с предгорновыми ямами, площадки скопления железной руды (бурый железняк), подготовленной к выплавке, а также значительное количество железного шлака, прослойка которого на отдельных участках достигала мощности 10 см. Всего на исследованной территории (раскопы CLVI (г), CLXII, CLXXVI, CLXXIX и СХСII) было выявлено четыре горна подземного (тигельного) типа разной степени сохранности. Данного типа горны на Болгарском городище были выявлены впервые.

Наилучшую сохранность имел горн (сооружение № 6), зафиксированный в раскопе CLXXIX (2012 г.) [Коваль, 2012, с. 59, 60, рис. 104, 161, 163, 259–262]. Горн был обнаружен при зачистке поверхности материка, в форме пятна неправильной формы, которое было вытянуто по оси юго-запад – северо-восток. Сооружение было углублено в материк. Сам горн для плавки железа представлял

собой керамический колбообразный тигель (рис. 2: 1, 2). Диаметр верхней части колбы-тигля 27 см, высота 50 см, он был впущен в материковую яму глубиной до 65 см. Снаружи тигель горна был обложен мелкозернистым материковым песком, выполнявшим роль футеровки. Расстояние от колбы-тигля до стенок ямы составляла 10–15 см. Песчаная засыпка и материковые стенки ямы прокалились до красного цвета в ходе использования горна. Материковые стенки горновой ямы были прокалены до ярко-красного цвета на толщину 5–10 см. Зафиксирован также один воздуходувный канал, который располагался с юго-западной стороны тигля, в 20 см от его дна. Диаметр отверстия в тигле под воздухопроводный канал 3–5 см. Канал имел длину около 40 см и выходил на уровень дневной поверхности горна. В предгорновой яме, которая располагалась к юго-востоку от горна, было собрано 1806 кусков железного шлака. Основная часть ямы (сооружение № 10) была исследована в раскопе CIV (1989 г.), где в плане имела неправильную форму, зафиксированные размеры составили 210 × 180 см, глубина до 120 см, заполнение многослойное: в верхней части «углистые прослойки перемежаются с песчаными и со слоями шлака, иногда красного цвета» (т.е. руды – *прим. авт.*); в средней части располагались «предматериковая глина и грунт из нижнего горизонта V слоя»¹; «на дне ямы – шлаки» [Полубояринова, 1989, с. 17, рис. 2: 10, 19, 20]. Устройство отводного канала для шлака не было исследовано, так как сам горн был законсервирован для дальнейшей музеефикации, а северо-западная стенка предгорновой ямы (соор. № 10), на которой размещался выход канала, осталась на стыке двух раскопов CIV (1989 г.) и CLXXIX (2012 г.).

Устройство отводного канала было установлено на примере еще одного горна, который был выявлен в раскопе СХСII 2017–2018 гг. Здесь основная часть горна (сооружение № 24) [Бадеев, Коваль, 2017, с. 92–93, рис. 220, 221, 231–235, 238, 239] была уничтожена подвалом начала XX в., сохранилась лишь нижняя его часть, которая посредством канала для отвода шлака (длиной 50 см, шириной 20–32 см, высотой 8–18 см, с наклоном в 20°) соединялась с предгорновой ямой (сооружение № 22), верхняя часть которой была нарушена тем же объектом начала XX в. (рис. 2: 3). На стенке предгорновой ямы отводной канал был представлен пятном трапецевидной формы (размеры 40×20×22 см). Сама предгорновая яма располагалась к северу от горна, в плане имела овальную форму, вытянутую по оси север – юг. Зафиксированные размеры ямы составили 233×160 см, глубина ямы достигала 125 см (рис. 3). Стенки ямы практически отвесные, дно плоское, неровное. В придонной части ямы располагалась прослойка железного шлака с углями и единичными включениями серой супеси. Мощность данной прослойки достигала 30 см. Общая масса железного шлака из заполнения предгорновой ямы составила 88 кг. Верхняя часть заполнения ямы образована

¹ Исследования на раскопах CLXXIX и СХСII позволяют рассматривать «нижний горизонт V слоя» раскопа CIV в качестве прослоек домонгольского слоя VI.

прослойкой светло-серой супеси с единичными включениями песка и углей (по своей морфологии соответствует переотложенному почвенному слою), которая в свою очередь перекрыта прослойкой желтой супеси с золой и единичными включениями серой супеси и углей. Схожая по составу и структуре прослойка присутствовала в предгорновой яме горна с раскопа CLXXIX (2012 г.). Плохую сохранность имел и третий аналогичный горн с предгорновой ямой, который был выявлен в стенке ямы № 23 на раскопе CLXXVI [Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 206].

Исследования еще одного подобного горна были проведены на раскопе CLVI (г) (2011 г.). Здесь в ходе охранных работ при строительстве «Памятного знака принятия ислама» на уровне поверхности материка было зафиксировано два объекта: заглубленный в материк горн – сооружение № 10 и связанная с ним предгорновая яма – сооружение № 9 [Баранов, 2012, с. 27–28, рис. 50, 55–57, 62, 65, 66, 68]. Горн был помещен в яму овальной формы (56×45 см), стенки ямы отвесные, дно ровное, округлое. Заполнение ямы между ее стенками и стенками горна осуществлено мелкозернистым песком, который прокалится и приобрел ярко-красную окраску в результате обжига горна. Зафиксированные размеры тигля-колбы составили: диаметр 25–32 см, высота не менее 50 см. Горн был заполнен подготовленной к переплавке мелкодробленной рудой. Воздуховодного и отводного шлак каналов зафиксировано не было. С юго-востока к горну примыкала предгорновая яма, которая в плане имела овальную форму, размеры 250×220 см. Яма чуть вытянута по оси северо-запад – юго-восток, восточная часть ямы выходила за границы раскопа. Стенки ямы отвесные, дно плоское, ровное. Зафиксированная глубина ямы 120 см. Заполнение ямы многослойное: в верхней части располагались прослойки прокаленной глины и железного шлака, мощностью до 65 см; в нижней части размещалась прослойка «светло-серой плотной супеси с включениями подзола» (мощностью до 85 см), а не дне – прослойка «темно-серой гумусированной плотной супеси» толщиной 2 см. Характер заполнения ямы и содержимого горна свидетельствуют о том, что горн так и не был использован. Наличие железного шлака в верхней части заполнения предгорновой ямы следует связывать с функционированием вблизи еще одного (нескольких?) горна.

Представленные горны конструктивно близки к сыродутным горнам лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Отличительной чертой последних является присутствие двух воздуховодных каналов [Афанасьев, Николаенко, 1982; Афанасьев, 1987, с. 75–80, рис. 48]. Наличие подобных горнов на Болгарском городище представляется вполне закономерным, поскольку носители лесостепного компонента салтово-маяцкой культур, безусловно, принимали активное участие в генезисе болгарских городов на Средней Волге. Датировка горнов может быть проведена как на базе стратиграфических данных и сопутствующих находок, так и по указанным выше аналогиям с территории салтово-маяцкой культуры. Эти основания позволяют уверенно соотносить открытые горны с са-

мым ранним этапом освоения данной территории болгарским населением – первая половина X в. Занимаемая ранним металлургическим комплексом площадь составляет не менее 1 га. В рамках планировочной структуры раннего Болгара комплекс металлургических горнов занимает западную периферию незащищенного посада.

В XI–XII вв. широкое распространение получают металлургические горны наземного типа, наиболее ранние из которых были глинобитными, имели полусферическую форму. Четыре горна данного типа на территории Болгарского городища были выявлены в напластованиях, которые по их стратиграфическому положению были датированы XII в. Располагались эти объекты в 60–80 м к юго-западу от рассматриваемой нами площадки – на раскопе 17 (1949 г.). Горны в плане имели овальную (104×110 см, 110×115 см) или округлую (диаметром 80 см) форму, общая высота горнов достигала 50 см [Ефимова, 1951, с. 131–133, рис. 55; Семькин, 1996, с. 90, 91, рис. 35]. Возможно, к одному из подобных типов горнов относилось сооружение № 21, исследованное в раскопе СХСII (2017–18 гг.). Сооружение состояло из глинобитного горна, частично заглубленного ниже уровня материка и предгорновой ямы (яма № 324) [Бадеев, Коваль, 2018, с. 70–73, рис. 93–97, 99–101, 129, 160, 199]. В плане горн имел округлую форму диаметром до 110 см, стенки слегка наклонные (толщиной до 10 см) сохранились на высоту до 30 см (рис. 3). Дно глинобитное, как и стенки, прокаленное (мощность 5–6 см), имеет небольшой наклон к центру. Верхняя часть сооружения была уничтожена постройкой начала XX в. В заполнении сооружения встречены отдельные куски железного шлака, на дне зафиксирована мощная (до 10 см) угольно-зольная прослойка. В северо-восточной части сооружения был зафиксирован канал, который ориентирован по оси юго-запад – северо-восток и соединял сооружение с предгорновой ямой. В поперечном разрезе канал имел полукруглую форму. Длина канала 60 см, ширина – до 60 см, высота – до 32 см. Стенки канала и дно прокалены до «красного», а частями до «черного». Мощность прокала не более 4 см. Дно канала ровное, без выраженного уклона. Заполнение канала схоже с заполнением сооружения. Предгорновая яма имела округлую форму диаметром 184 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское ровное. Глубина ямы не менее 75 см. Из заполнения ямы происходило две находки – красноглиняное пряслице и обломок железного ножа, а также 103 фрагмента керамических сосудов, подавляющее большинство – керамика I общebolгарской группы. Присутствовало и незначительное количество железного шлака. Нельзя исключать, что объект мог выполнять роль кузнечного горна. В пользу этой гипотезы говорит находка клада железных заготовок – шесть прокованных прямоугольных брусков (размеры 10,5 (12)×1×0,2 см), которые были найдены вблизи объекта (рис. 3: А).

Объект, который можно интерпретировать как кузнечный горн, был исследован в раскопе CLXXIX (2012 г.) – сооружение № 7. Сооружение представляло

собой яму овальной формы (размеры 100 × 30–50 см, расширение объема шло к юго-востоку), стенки которой были обмазаны слоем желтого суглинка (толщиной 10–25 см), внутренняя часть стенок прокалена до ярко-красного цвета, заполнение – серая супесь с золой, углями и кусками обожженной глины (обломками стенок сооружения) [Коваль, 2012, с. 60, 61, рис. 162, 164, 165]. Кузнечные горны подобного типа были зафиксированы на территории домонгольского Билляра: «В неглубокую яму, которая копалась на утрамбованном грунте, вмазывалась глина слоем в 5 см, так что получалась облицованная глиной диаметром 30–35 см» [Халиков, 1976, с. 70]. Как видно, отличие болгарского горна от биллярских заключается в их размерах.

Таким образом, на площадке к западу, юго-западу от здания Соборной мечети для домонгольского Болгара мы можем выделить два основных этапа существования металлургических комплексов: на первом этапе функционировали горны подземного типа в форме тигля (X – начало XI в.), на втором этапе их сменяют горны наземного типа полусферической формы (XI – начало XIII в.). Отдельно следует рассматривать кузнечные горны, дневная поверхность которых была связана с нижней частью домонгольского V слоя.

Исходя из материалов раскопок к югу от площадки исследования – раскопы 12, 15 (по описи раскопов, составленной Т.А. Хлебниковой), производство железа, а также чугуна в первой половине XIV в. возобновляется на рассматриваемой территории (рис. 1). Топография таких изменений в положении района черной металлургии может быть связана с непродолжительным временем существования городских укреплений начала XIII в. (остатками которых являлся так называемый «замошный вал»). Во время их функционирования огнеопасное производство могло быть вынесено за границу укрепленной части города. После взятия города монголами в 1236 г. и как минимум частичного разрушения существовавших укреплений производственные комплексы вновь возвращаются на территорию, где они располагались в XII в. Впрочем, нельзя исключать того, что металлургические производства продолжали существовать в этом районе почти непрерывно с X по XIV в., закрываясь на одних усадьбах и возникая на других.

Библиографический список

Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г. О салтовском типе сыродутного горна // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 168–175.

Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – Вып. 2 / отв. ред. В.В. Седов. – М.: Наука. – 200 с.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп СХСII) в 2017 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 57777–57778.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп СХСП) в 2018 году // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 60837–60839.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. – 2018. – № 2 (24). – С. 270–289.

Баранов В.С. 2012. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на территории Болгарского городища при благоустройстве здания «Памятный знак принятия ислама» за 2011 г. (раскоп CLVI, сектор I–II). – Т. V. Кн. 1–3 // Архив ИА им. А.Х. Халикова АН РТ.

Баранов В.С., Губайдуллин А.М. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. – 2016. – № 2 (16). – С. 193–218.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск: Красный Октябрь, 2008. – 350 с.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы–мокши: конец IX–XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов / отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Наука, 2007. – 164 с.

Гольева А.А. Естественнонаучные исследования на городище Болгар (первые результаты) // Поволжская археология. – 2014. – № 2 (8). – С. 205–229.

Гольева А.А., Коваль В.Ю. Изучение прослоев «песка» на городище Болгар // Российская археология (в печати). – 2020.

Ефимова А.М. Металлургические горны в городе Болгар // КСИИМК. – 1951. – Вып. 38. – С. 128–135.

К вопросу о мордовском населении Верхнего Посурья в X–XI вв. / В.В. Ставицкий, А.В. Ставицкий, А.А. Андреева, П.И. Сафронов // История и археология. – 2014. – № 11 [Электронный ресурс]. – URL: <http://history.snauka.ru/2014/11/1285> (дата обращения: 11.09.2020).

Коваль В.Ю., 2012. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп CLXXIX) в 2012 году / Архив ИА РАН. – Р-1. – № 34698, 34699.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1988. – С. 149–217.

Полубояринова М.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14882.

Полубояринова М.Д. Город Болгар в XIII в. // Русь в XIII в. Древности темного времени / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. – М.: Наука, 2003. – С. 103–107.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. – С. 88–153.

Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города / отв. ред. В.В. Седов. – М.: Наука, 1976. – С. 64–74.

Рис. 1. Расположение металлургических комплексов X – первой половины XIV в. на плане Болгарского городища: 1 – горны подземного типа в форме тигля (X – начало XI в.); 2 – горны наземного типа полусферической формы (XII – начало XIII в.); 3 – кузнечные горны (XI–XII вв.); 4 – горны наземного типа (первая половина XIV в.); 5 – Соборная мечеть (вторая половина XIII–XV вв.)

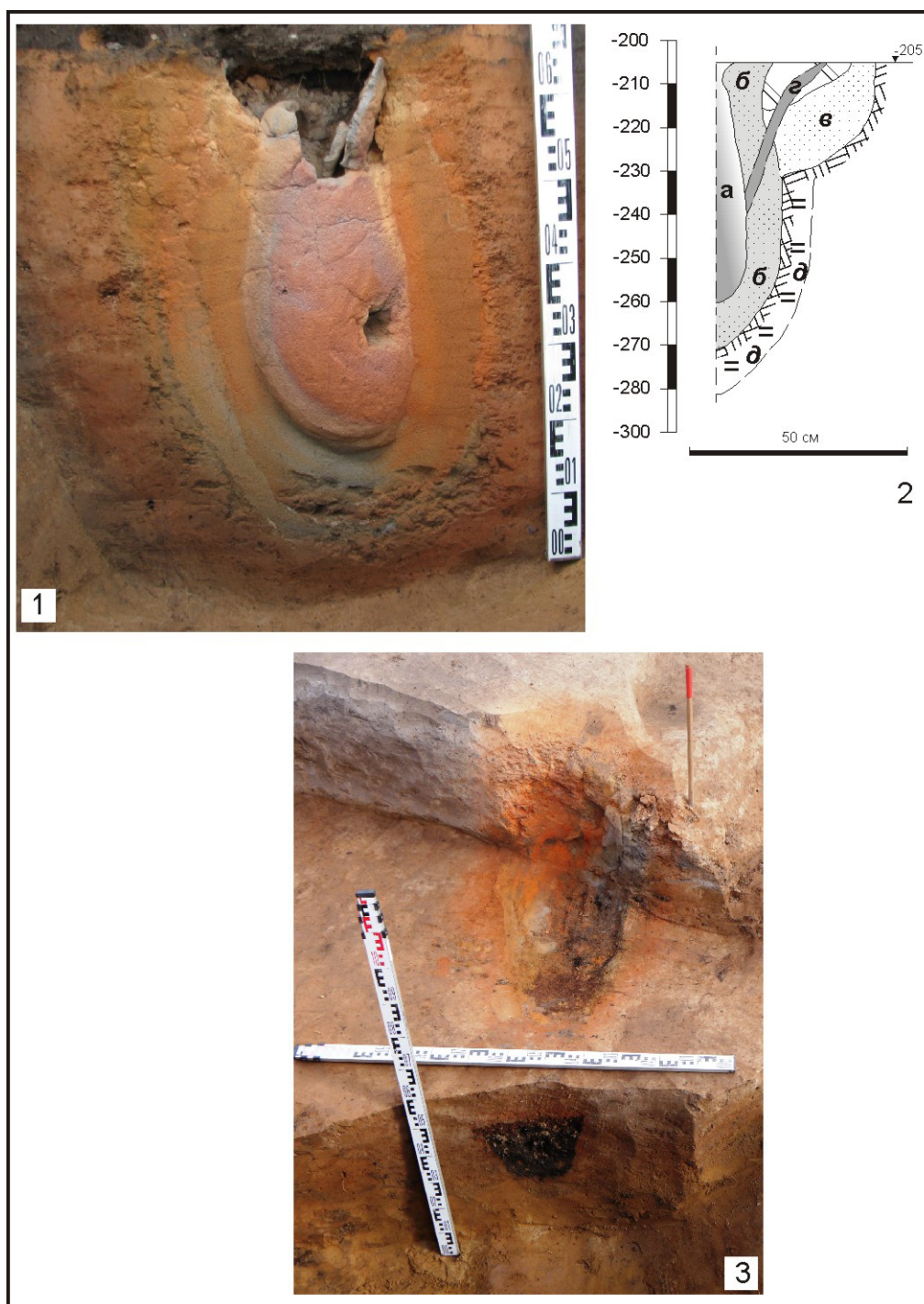

Рис. 2. Metallургические горны X – начала XI в.:
 1, 2 – горн в раскопе CLXXIX – 2012 г.; 3 – горн в раскопе СХСII – 2017 г.

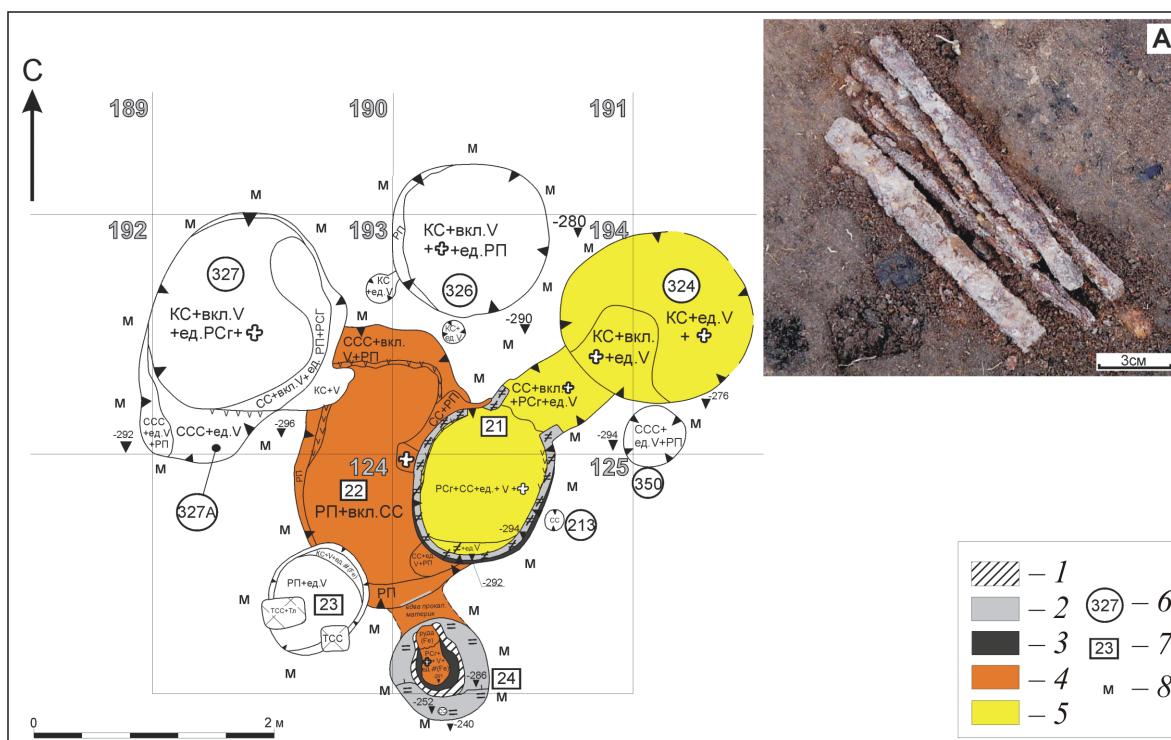

Рис. 3. Metallurgical complexes X–XII vv. (раскоп СХСП – 2017–2018 гг.):

1 – провал до «белого»; 2 – провал до «красного»; 3 – провал до «черного»;
 4 – горн с предгорновой ямой (X – начало XI вв.); 5 – горн с предгорновой ямой
 (XI–XII вв.); 6 – номер ямы (по «Отчету»); 7 – номер сооружения (по «Отчету»);
 8 – поверхность материка

УДК 902

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11609

Д.В. Васильев**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА:
РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Астраханский государственный университет, Астрахань, Российская Федерация

Исполнилось 20 лет с момента начала раскопок на Самосдельском городище в дельте Волги. В статье подводятся итоги работы Самосдельской экспедиции на памятнике, который ассоциируется с остатками средневекового торгового города Саксина, до сих пор известного только по отдельным упоминаниям в средневековых письменных источниках. Кроме того, городище стало известно из-за предположения о локализации на нем остатков последней столицы Хазарии – города Итиля. Рассматриваются аргументы «за» и «против» этой версии, а также производится сопоставление с археологическими реалиями. В частности, городище состоит из трёх частей – на двух берегах Волги и на острове, что совпадает с описаниями Итиля. В нижних слоях городища обнаружены следы тотального пожара, который ассоциировался со временем разрушения хазарского города. Однако в ходе исследований этот слой был датирован XI – началом XII в. Обнаруженные в нижних слоях остатки крепостных стен и двух башен с воротами позволяют предположить, что фортификация возникла именно в хазарский период, на рубеже IX и X вв. Пока для подобного утверждения нет достаточно чётких оснований, кроме предположения о том, что строительство кирпичной крепости могло быть произведено лишь под контролем сильной государственной власти. Это могло произойти либо ещё в период существования хазарского государства, где существовала царская монополия на кирпичное строительство, либо в период становления города Саксина. В таком случае Саксин предстаёт перед нами в виде достаточно развитого государственного образования, в котором существовала сильная центральная власть. Этот вопрос нуждается в дальнейшей проработке, так как известно, что город находился под властью кочевых огузов, которые не могли позволить горожанам сооружать крепостные стены, дабы не ослабить контроль за Саксином.

Ключевые слова: Самосдельское городище, дельта Волги, город Саксин, городская культура, Хазарский каганат, город Итиль, фортификация.

D.V. Vasiliev**TWENTY YEARS OF RESEARCH OF SAMOSDELKA HILLFORT:
RESULTS, PROBLEMS, INTERPRETATION**

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Twenty years have passed since the beginning of excavations at the Samosdelka hillfort in the Volga delta. The article summarizes the work of the Samosdelka expedition on the monument, which is associated with the remains of the medieval trading city of Saksin, which until now was known only from separate mentions in medieval written sources. In addition, the settlement became known due to the assumption of the localization of the remains of the last capital of Khazaria – the city of Itil. The article examines the "pro" and "contra" arguments according to this version, as well as a comparison with archaeological realities. In particular, the settlement consists of three parts – on the two banks of

the Volga and on the island, which coincides with the descriptions of Itil. In the lower layers of the settlement, traces of a total fire were found, which was associated with the time of the destruction of the Khazar city. However, in the course of research, this layer was transferred to the 11th – early 12th centuries. The remains of fortress walls and two towers with gates found in the lower layers suggest that fortification originated precisely in the Khazar period, at the turn of the 9th and 10th centuries. So far, there are no sufficiently clear grounds for such a statement, except for the assumption that the construction of a brick fortress could be carried out only under the control of a strong state power. This could have happened either during the existence of the Khazar state, where there was a tsarist monopoly on brick construction, or during the formation of the city of Saksin. In this case, Saksin appears before us in the form of a sufficiently developed state formation, in which there was a strong central authority. This issue needs further elaboration, since it is known that the city was under the rule of the nomadic Oguzes, who could not allow the townspeople to build fortress walls so as not to weaken control over Saksin.

Keywords: Samosdelka settlement, Volga delta, Saksin city, urban culture, Khazar Kaganate, Itil city, fortification.

В 2019 г. был проведён 20-й по счёту полевой сезон раскопок на Самосдельском городище в дельте Волги. Кроме того, исполнился уже 31 год с момента начала активных исследований на памятнике [Васильев, 2015, с. 190]. Среди ранних находок на городище следует выделить ряд сосудов, имеющих салтовский облик – горшки, кувшины и кружки [Васильев, 2016, с. 420]. Эти находки позволили изначально сделать предположение о локализации последней столицы Хазарии – города Итиля (Атиля) – на Самосдельском городище. В начале 1990-х гг. были организованы разведки и предприняты ограниченные раскопки, был снят топоплан памятника, который показал, что основная часть городища располагается на острове, окружённом со всех сторон пересохшими ныне протоками. Обнаружено ещё две части города – Правобережное и Левобережное селища. Такая картина ещё больше уверила исследователей в правильности интерпретации городища как местоположения города Итиля, так как совпадала с описаниями хазарской столицы. Некоторые авторы (например ал-Масуди) упоминают о наличии трёх частей города, причём центральная располагается на острове и соединяется с одним из берегов реки понтонным мостом. Здесь находился укрепленный дворец царя Хазарии. Похожее описание трех частей или трех городов есть в письме Иосифа [Захoder, 1962, с. 167–202], однако размеры города в нем сильно преувеличены. Установлено, что мощность культурного слоя в центральной части островка достигает 3 м, но быстро убывает к периферии, где составляет всего 0,5–0,3 м.

С 2000 г. начала работать Самосдельская археологическая экспедиция, которая регулярно организуется Астраханским государственным университетом, Институтом этнологии и антропологии РАН и Государственным историческим музеем. За долгие годы Самосдельская экспедиция сложилась в прочный и разнонаправленный научный коллектив, в составе которого трудятся собственно археологи, при этом комплексность исследований обеспечивают привлекаемые узкие специалисты – керамисты, археозоологи, антропологи, материаловеды

(специалисты по металлу, стеклу, кости, камню и пр.). На основе анализа материалов Самосдельского городища к настоящему времени написаны и защищены две кандидатских диссертации – Е.М. Болдыревой на тему «Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв.: по материалам Самосдельского городища» [Болдырева, 2016], а также П.В. Поповым на тему «Керамический комплекс Самосдельского городища IX–XIV вв.» [Попов, 2018]. Анализу и интерпретации результатов исследований на Самосдельском городище посвящена обширная библиография, включающая в себя более сотни наименований.

Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружён высохшими протоками. В настоящее время эта местность располагается на правом берегу Старой Волги. Значительные выходы культурного слоя имеются ниже по течению, где река на повороте подмывает береговой обрыв, в районе паромной переправы. Таким образом, правобережная половина городища состояла как минимум из двух частей – островной центральной и Правобережного Самосдельского селища. В 2005 г. была сделана аэрофотосъёмка городища, которая показала, что в центре острова предположительно находится крепость треугольной формы со стенами, сложенными из обожжённого кирпича. Размеры возвышенности, сформированной развалинами крепости, – 350×350×120 м.

Наличие культурных напластований IX–XIV вв. было выявлено и на левом берегу Старой Волги, на территории села Самосделка, на бэровском бугре. С юга к бугру примыкает территория левобережного Самосдельского селища, где проводились раскопочные исследования в 2018 г. На нём были выявлены остатки юртообразных жилищ, затопленных в результате резкого подъёма воды в Волге, который произошёл ранее XI в. Эту территорию можно считать Левобережным Самосдельским селищем. Здесь же располагается кладбище, синхронное селищу, где были выявлены захоронения, выполненные по мусульманскому обряду [Васильев, 2018, с. 27–29].

Таким образом, Самосдельское городище на правом берегу Волги, Правобережное и левобережное селища, а также грунтовые могильники (остатки ещё одного могильника сопутствуют Правобережному селищу) позволяют определить памятник как Самосдельский археологический комплекс. Общая площадь памятника, известная на данный момент, составляет около 5 км², что для эпохи средневековья является весьма значительной величиной.

Культурные отложения городища перекрыты мощными (доходящими местами до 2 м) отложениями окатанной керамики, речной ракушки, обломков кирпича или речного ила и песка. Это слои затопления, образовавшиеся в ходе двух трансгрессий Каспия – первая представляла собой постепенный подъем уровня воды в море и в реке с начала X по середину XIV в. Лишь с середины XIII по середину XIV в. этот процесс принял характер катастрофы. Вода отступила в XVIII в., о чем свидетельствуют отдельные находки монет этого времени в островной части городища, но снова на короткое время затопила памятник

в XIX в. В середине века на островке возникает рыбзавод с посолочными цехами, прудами для содержания рыбы и сушильнями. Уже в конце XIX в. на островке возникло и существовало до первой четверти XX в. мусульманское кладбище, внешние признаки которого к настоящему времени совершенно стёрлись.

Именно с данным городищем мы и соотносим город Саксин, описываемый арабским странствующим правоведом Абу Хамидом ал-Гарнати в XII в. [ал-Гарнати, 2010, с. 31–33].

В ходе исследований нам пришлось столкнуться с залегающими буквально под поверхностью земли многочисленными конструкциями, сложенными из обломков обожжённого кирпича вторичного использования [Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2003, с. 83–122]. Кирпичные конструкции жилищ образовывали правильную квартальную планировку. На раскопе № 1 ядром планировочной структуры служила небольшая квадратная площадь, которую окружали кирпичные постройки, на раскопе № 3 был раскопан квартал домов и мастерских, также примыкавших к квадратной площади. Примерно такую же планировку мы наблюдаем и на раскопе № 2. Дома квадратной формы имеют схожую внутреннюю планировку. Стены возводились либо из глины и тростника на жердевом каркасе (турлучные), либо были каркасно-глинобитными на широком кирпичном цоколе. Вдоль стен располагаются узкие и короткие суфы-лежанки, обложенные кирпичом и забитые глиной, в суфы встроены небольшие тандыры (печи) для выпечки лепёшек. От тандыров внутри суф проложены короткие кань – дымоходы. В центр пола, как правило, встраивалась жаровня-санда, изготовленная либо из придонной части крупного хума, либо из целого лепного или кругового котла. На начальном этапе исследований мы предполагали, что эти слои датируются домонгольским периодом, поэтому выдвинули предположение, что система отопления в виде суф и канов пришла в Нижнее Поволжье в XII в. из Средней Азии [Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2003, с. 83–122]. Однако анализ находок и монетного материала из заполнения первых 3–4 пластов позволяет уверенно соотнести эти слои и сооружения с XIV в., когда происходит перепланировка развалин старого города и строительство новых сооружений в период правления хана Узбека в Золотой Орде. Этот же период отмечен подъёмом торговли по Волго-Каспийскому торговому пути, о чём говорят предметы импорта в указанных слоях. Слой характеризуется наличием большого числа золотоордынских монет и доминированием золотоордынской круговой керамики.

Ниже располагается слой XIII в., который представляет собой резкий контраст с вышележащим [Васильев, 2010, с. 338–339; Васильев, Яворская, 2011, с. 338–343]. Это слой упадка, длительной стагнации города и обживания руин зданий, разрушенных монголами в ходе внезапного взятия Саксина в 1230-х гг. Некоторые сооружения предшествующего периода были полностью заброшены, наиболее сохранившиеся повторно обживались, но в них радикальным образом менялась планировка. Слои разрушения города, соответствующие времени монгольского нашествия, представляют собой огромное пожарище, которое напол-

нено костями погибших животных и людей. Встречаются случайные, а также индивидуальные и массовые санитарные захоронения этого периода.

Слои XIII и XIV вв. первоначально интерпретировались нами как остатки города Суммеркента. Сведения о городе Суммеркенте в дельте Волги приводит Гильом де Рубрук: «При среднем рукаве (Волги) находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда вода разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нём Ала-ны и Саррацины» [Рубрук, 1957, с. 181]. Очевидно, что вопрос о местоположении Суммеркента нуждается в дополнительной проработке. Во всяком случае на настоящий момент сравнение описания маршрута Рубрука через дельту Волги с природными и географическими условиями расположения Самосдельского городища не позволяет однозначно идентифицировать его как Суммеркент. Скорее всего, город Суммеркент располагался на городище Мошаик на восточной окраине современной Астрахани, а на Самосдельском городище в золотоордынское время продолжал существовать город Саксин, который под таким же именем упоминается в сочинениях восточных авторов XIV в. [Васильев, 2011а, с. 64–72].

Слои расцвета города Саксина соответствуют 4–12-м пластам (примерная глубина от 60 до 240 см от поверхности). Перед нами предстают кварталы города, ведущего комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовецкое хозяйство, процветание которого базировалось на обеспечении активной торговли по Волго-Каспийскому пути. Именно отсюда начинался Волжский торговый путь, сюда прибывали большие корабли с Каспия, товары с которых здесь перегружались на мелкосидящие речные суда. Наиболее активными торговыми агентами Саксина в этот период являются Ширван, Дербент, Мангышлак, юго-западный Прикаспий и Иран в целом. Однако в слоях Самосдельского городища можно встретить импортные изделия буквально со всех концов света – из Византии, Крыма, с Кавказа и из Закавказья, из Сирии, Средней Азии и Афганистана.

Раскоп № 2 демонстрирует существовавшую в Саксине правильную уличную планировку – здесь была прослежена на длину 60 м улица, идущая с юга на север, которую пересекают две перпендикулярных улицы. Ориентировка улиц задана двумя факторами – ориентировкой большого общественного здания (возможно, мечети), а также расположением ворот в крепостной стене к югу от данного участка исследований.

Уверенность наша в том, что именно Саксин локализуется на Самосдельском городище, базируется на сведениях письменных источников – двух сочинений Абу Хамида ал-Гарнати, которые содержат сведения о городе Саксине, причём настолько детализированные, что ошибка здесь практически исключена. Ал-Гарнати помещает Саксин в стране, где имеется «тысяча рек», богатых рыбой, описывает бэровские бугры, характерные для дельты Волги, соляные озёра выше по течению, а также точную ширину реки в районе Саксина [ал-Гарнати, 2010, с. 31–33]. Описывает ал-Гарнати народы, живущие в Саксине – «сорок

племён» огузов, хазар, болгар, сувар, а также множество («тысячи») мусульманских купцов из арабских стран [ал-Гарнати, 2010, с. 31–33]. Уникальной особенностью Саксина является использование «чёрного олова», то есть свинца, вместо серебра в качестве денежного эквивалента. Мы неоднократно писали о множестве находок свинцовых слитков в слоях Самосделки XI–XII вв. [Васильев, Сьянова, 2012, с. 36–42].

Такие точные и детальные совпадения наблюдаемой археологической реальности с материалами письменного источника позволяют нам однозначно локализовать Саксин на Самосдельском городище.

Сложности в интерпретации памятника начинаются в нижних слоях Самосдельского городища, которые соотносятся с уровнями 12–14-го пластов.

Условной границей нижних и средних слоёв является слой пожара, который наблюдается по всей вскрытой поверхности раскопов на одном и том же уровне.

Ниже слоя пожара располагаются сгоревшие турлучные постройки, в том числе многочисленные юртообразные жилища. Выше обнаруживаются остатки турлучных построек, которые перекрываются горизонтом, содержащим сырцово-кирпичные дома, встроенные в правильную уличную планировку. Ниже слоя пожара исчезает лепная керамика с «пышной» орнаментацией, которая связывается с этническим массивом огузов. Видимо, слой пожара знаменует какую-то политическую катастрофу, связанную со взятием города и его сожжением, за которым последовало восстановление его в новом виде под руководством новой экономической и политической силы. Этот слой, как и слой, связанные с монгольским нашествием, содержит костные останки людей, представляющие собой непреднамеренные захоронения. Если в ранних своих работах мы писали о том, что этот слой может быть связан с разрушением города хазарского времени [Васильев, 2011б, с. 36–47], то теперь мы несколько пересмотрели свои взгляды. Обнаруженный в 2018 г. комплекс непреднамеренных погребений в сгоревшем жилище содержал разнообразный материал: от комплекта медных котлов середины XI в. до предметов вооружения – сабли, топора и ледоходных шипов – начала XII в. Таким образом, крупную военную катастрофу Саксина логично будет связать с началом или первой половиной XII в. Между прочим, ал-Гарнати говорит о том, что жители Саксина сражаются на льду реки с нападающими на них врагами. Это значит, что нападения совершались именно в зимний период. Об этом же говорит и наличие ледоходных шипов у одного из погибших. Ахмед ат-Туси сообщает, что Саксин сильно страдает от набегов кыпчаков. В то же время ал-Гарнати, указывая, что Саксин находится в «стране хазар», называет его «городом гузов». Видимо, огузы, осуществляя политическую власть над городом, взяли на себя на каком-то этапе и функцию его защиты от врагов [Васильев, 2015, с. 189–267].

Как бы то ни было, на настоящий момент мы не можем интерпретировать лепную керамику из нижних слоёв иначе, чем собственно хазарскую. Это керамика общетюркского облика – горшки и котлы с витыми ручками, единствен-

ным украшением которых являются тамги и граффити. Известно, что многочисленные хазары составляли часть населения Саксина. Да, в нижних слоях Самосделки не встречается мелкообломочный материал салтовской керамики, она не имела здесь массового распространения. Как уже было указано выше, из слоёв хазарского периода происходит буквально несколько сосудов салтовского облика, которые, видимо, следует расценивать как внутренний импорт в рамках Хазарии. Мы также знаем, что классическая салтовская керамика является посудой донских алан, которая в лепном варианте была воспринята кочевниками каганата и распространилась по большой территории. Возможно, что столица государства была заселена иным этническим компонентом – хазарами (носителями лепной керамики древнетюркского облика) и савирами (изготавливавшими хорошую гончарную посуду общебулгарского облика) [Васильев, 2015, с. 224–226].

Юртообразные жилища, распространенные по территории Хазарии и обнаруживаемые на Дону на салтовских памятниках, видимо, не могут рассматриваться как однозначный признак принадлежности только к культуре Хазарского каганата. Самое позднее и самое большое круглоплановое жилище было обнаружено в слоях XII в., значит, они активно использовались какой-то частью населения Саксина в постхазарский период.

Важным в деле определения внутренней хронологии памятника является вопрос о кирпичном строительстве на Самосдельском городище, а именно о времени его возникновения. Из сочинения Константина Багрянородного мы знаем, что кирпичное строительство в Хазарии являлось царской монополией. Поэтому кирпичные строения на различных памятниках Подонья В.С. Флёров, например, склонен связывать с присутствием там царской (каганской) власти [Флёров, 2011, с. 42–45].

На Самосдельском городище обожжённые кирпичи практически отсутствуют как основной или вспомогательный строительный материал в нижних слоях памятника. Встречается лишь мелкая кирпичная крошка или небольшие обломки в заполнении слоя. Такая картина могла возникнуть в случае наличия кирпичной постройки, которая стояла, выполняла свои функции и не разбиралась.

В более высоких слоях, в слоях XI в. и выше, кирпичные элементы в конструкциях присутствуют в изобилии, однако они носят вспомогательный характер или являются частью отделки. Следует обратить внимание, что кирпичи имеют разный размер – от 30×30×6 см до 18×18×4 см, однако средний размер 22–24×22–24×4 см. При этом бросается в глаза примерно одинаково низкое качество кирпичей, неровность обжига, большое количество бракованных кирпичей, оплавленных и деформированных, что сильно контрастирует, например, с высококачественными кирпичами Саркела или кирпичами эпохи Золотой Орды. Такое явление возникает, когда кирпичи обжигаются не в специальных печах, а в буртах – штабелях, в которых оставлены продухи для циркуляции горячих газов [Гончар, 1958, с. 32–49]. Такие бурты заполняются дровами и углём и

обмазываются снаружи глиной, а затем поджигаются. При таком способе обжига неизбежно большое количество бракованных изделий в результате недожога, пережога, деформации и спекания, что мы и наблюдаем в материалах Самосделки.

Кроме того, анализ состава кирпича позволяет предположить, что тесто для его изготовления замешивалось также непрофессионально – не из полноценной отмученной и промтой глины, а из плохо перемешанного и непросеянного культурного слоя. В составе кирпичей наблюдается огромное количество полос-тей от сгоревшей органики – травы и овечьего навоза, встречаются многочисленные обломки костей животных, а также фрагменты керамических сосудов.

Мы предполагаем, что строительство крепости велось в авральном порядке, с привлечением больших масс населения, не имевшего опыта в изготовлении кирпичей. Мастерам, задававшим размеры, важно было быстро получить большое количество кирпича любого качества.

В 2017 г. [Болдырева, 2018] были впервые обнаружены следы присутствия фортификации в слоях XII в. в виде траншей выборки крепостной стены, которые пересекали раскоп № 2 в центральной части в направлении с ЮЗ на СВ. В 2018 г. остатки крепостной стены были исследованы уровнем ниже. Это было сооружение, возведённое поверх культурного слоя на выровненной площадке. Ширина стены составила около 2 м. Она была сооружена в технике панцирной кладки. Это сооружение было первым, в котором был использован целый полно-размерный кирпич. Кладка выполнена вперевяз на глиняном растворе с последующим оштукатуриванием её снаружи глиной. Внутренний объём стены был заполнен фрагментами кирпича, уложенными на глиняную заливку слоями. Через внутренний объём стены через 3–4 м были выложены кирпичные связи – поперечные стенки между внешним и внутренним рядами кладки. Таким образом, получались кирпичные клетки, которые и заполнялись обломками кирпича на глиняном растворе.

В восточной части раскопа остатки стены упирались в пустое квадратное пятно размером примерно 5×5 м, имевшее выровненную поверхность и лишённую кирпича. С востока от него располагалось подобного рода пятно, образованное фундаментными траншеями, поверх которых располагалось более позднее сооружение. Между этими квадратными пятнами располагалось заполнение улицы шириной около 80 см. Причем именно на этом уровне располагались наиболее ранние слои улицы. Нами этот комплекс интерпретирован как южные крепостные ворота – места установки двух разобранных башен, между которыми находился воротный проём.

Казалось бы, вопрос решён: найдена фортификация, которую мы так долго не могли найти. Однако ситуация осложняется тем, что из заполнения ям ниже крепостных стен происходят мелкие обломки полуфаянсового сосуда с бирюзовой поливой. А это значит, что яма эта датируется как минимум концом XI в., а следовательно, стена, выстроенная поверх ямы, не может иметь отношения

к фортификации хазарского времени. Следовательно, город Саксин также имел фортификацию, возведённую на рубеже XI–XII вв., но существовавшую недолго, так как в 30-х гг. XII в. Абу Хамид ал-Гарнати её уже не наблюдал и не описывал.

В этом утверждении также кроется противоречие. Дело в том, что город Саксин находился под властью огузов и был источником поступления стабильных доходов от торговли. Огузы вели кочевой или полукочевой образ жизни, освоив острова волжской дельты и Волго-Ахтубинской поймы в качестве ресурса для круглогодичного скотоводства. Ал-Гарнати упоминает о «неверных», которые подкочевывают к городу для торговли скотом, при этом цена на скот и мясо резко падает [ал-Гарнати, 2010, с. 31–33].

У любого средневекового города существовал ряд функций, которые он выполнял: функция центра власти, оборонительная функция, функция торгового центра, функция центра ремесла, функция религиозного центра, функция центра культуры, науки и образования. Город Саксин (как, впрочем, и существовавшие позднее города Золотой Орды и ранее хазарский Итиль) выполняли все эти функции, кроме одной – они не являлись центрами власти, центрами принятия решений. Политическая власть концентрировалась в кочевой ставке, а ставка эта приближалась к городу или входила в него лишь в зимний период.

Вряд ли хозяева политической ситуации позволили бы горожанам окружить город стенами. Да и сами тоже вряд ли пошли бы на такой шаг – ведь в противном случае им пришлось бы неоднократно бороться с проявлениями непокорности со стороны горожан.

Кроме того, если вспомнить, что в Хазарии кирпичное строительство было царской монополией именно из-за дороговизны кирпича и технологической сложности его производства, то можно предположить, что если бы жители Саксина пожелали выстроить укрепления, они бы прежде всего возвели глинобитные стены и башни – это гораздо быстрее и менее затратно.

Таким образом, остаётся предположить, что крепостные стены возникли в более ранний период, а мелкие кусочки полуфаянса или фаянса из ямы из-под стены были неправильно интерпретированы. Это должно стать предметом для специального исследования.

Если же предположить, что кирпич был изготовлен в саксинское время, тогда встаёт вопрос: почему он до такой степени фрагментирован? Если у города Саксина была возможность вести кирпичное производство, почему не обжигались новые кирпичи, а использовались обломки старых? Также вызывает критику предположение, что кирпич был привезён в Саксин из развалин стоявшей где-то недалеко хазарской крепости. Отчего же в Саксин в таком случае везли, главным образом, обломки кирпича, а не целые экземпляры?

Кроме того, расширение и продолжение исследований должно ответить на вопрос: как долго существовала крепость, повлияло ли её существование на интенсивность накопления культурного слоя в центре городища? Дело в том, что хорошо заметный на аэрофотосъёмке и снимках со спутника треугольник в цен-

тральной части городища, который интерпретируется как остатки крепости, мог возникнуть в результате активного освоения края острова населением, которое жило здесь скученно в результате затопления окрестных территорий водами Волги. Основная толща культурного слоя накопилась в «треугольнике» не внутри крепостных стен, а уже после их разборки.

В раскопе на левобережном Самосдельском селище зафиксированы затопленные и размытые водой юртообразные жилища, которые оказались в прибойной зоне резко и одномоментно, причём произошло это до XI в., когда в культурный слой еще не откладывались обломки кашинных изделий [Васильев, 2018, с. 27–29]. То обстоятельство, что поселение просто исчезло, а не перешло выше по склону местности, говорит нам о том, что затопление селища совпало с общим упадком городища в постхазарский период. Таким образом, низинные окрестности Самосдельского городища могли оказаться затопленными в результате трансгрессии X в. Дальнейшее поднятие уровня воды в Волге фиксируется на материалах раскопа № 2. Здесь в южной части раскопа дома, разрушенные монголами, оказались размыты водой, а не снесены. Кроме того, в южной части раскопа не обнаружено ни одной золотоордынской монеты, ни одного фрагмента массовой ордынской керамической посуды. Таким образом, до начала XIV в. этот участок раскопа был затоплен поднявшейся водой. Более того, это случилось сразу после нашествия, поскольку здесь непосредственно под слоем затопления обнаруживаются фрагменты неубранных тел убитых в ходе нападения монголов людей.

Итак, мы предполагаем, что в нижних слоях Самосдельского городища существовала кирпичная крепость, которая возникла на самом позднем этапе существования Хазарского каганата. Именно в это время, согласно выводам В.С. Флёрова, город Итиль становится городом в полном смысле этого слова – получает фортификацию. Более того, нижние слои Самосдельского городища свидетельствуют о наличии активной торговли по Волго-Каспийскому пути, поскольку здесь наряду с керамикой местных типов встречаются привозные находки. Более того, город Итиль упоминается в качестве одного из важных портов Прикаспия в лоциях Каспийского моря в X в. [Заходер, 1962, с. 167–170].

Находки хазарского периода, причём происходящие не только с территории Хазарии, но и из Закавказья и Средней Азии, а также радиоуглеродные даты по-прежнему позволяют датировать нижние слои периодом IX–X вв. Таким образом, мы привели противоречивые и сложные моменты во внутренней хронологии Самосдельского городища, лишь дальнейшие раскопки позволят преодолеть эти трудности и разрешить поставленный вопрос: соотносятся ли нижние слои Самосделки с последней столицей Хазарии?

Однако этот вопрос постепенно отступает на второй план, поскольку становится понятно, что в хазарский период история города была краткой, нижние слои в значительной степени перекопаны и труднодоступны для изучения, но перед нами открываются широкие перспективы изучения материальной культу-

ры и истории города Саксина, а на его основе – материальной культуры и истории области Саксин, само существование которых позволяет отодвинуть историю городской культуры в дельте Волги на тысячу лет назад.

Библиографический список

- Абу Хамид ал-Гарнати. Сочинения. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 184 с.
- Болдырева Е.М. Отчет об археологических исследованиях Поволжского отряда Средневековой археологической экспедиции Исторического музея в Камызякском районе Астраханской области в 2017 году. Городище Самосделка. Раскоп № 2. Участок № 3. М. // Архив ИА РАН. – 2018.
- Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища): дис. ... канд ист. наук. – М.: МГУ, 2016. – 250 с.
- Васильев Д.В. Кувшины // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar: кат. выставки / Гос. Эрмитаж. – М.: Изд. дом Марджани, 2016. – С. 420.
- Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе № 2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации: сборник научных статей. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011б. – С. 36–47.
- Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. – 2015. – № 2 (12). – С. 189–267.
- Васильев Д.В. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.) / отв. ред. и сост.: Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин, И.В. Торопицын. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018. – С. 27–29.
- Васильев Д.В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие: материалы Второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящённой памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011а. – Вып. 2. – С. 64–72.
- Васильев Д.В. Результаты изучения слоев золотоордынского времени на Самосдельском городище в дельте Волги (по материалам раскопа № 2) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). – Уфа: Издательство БГПУ, 2010. – С. 338–339.
- Васильев Д.В., Сьянова О.А. Свинцовые изделия из материалов Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред.

А.А. Курапова. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2012. – Вып. 4. – С. 36–42.

Гончар П.Д. Простейшие способы производства кирпича / науч. ред. канд. техн. наук М.М. Наумов; Госплан РСФСР. – М.: Центральное бюро технической информации НИИНСМа АС и А СССР, 1958. – 50 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: в 2 т. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – Т. 1. – 281 с.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. – С. 83–122.

Попов П.В. Керамический комплекс Самосдельского городища IX–XIV вв.: дис. канд. ист. наук. – М., 2018. – 330 с.

Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата: археологическая реальность. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2011. – 260 с.

УДК 902

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11610

В.А. Иванов**КАК КОНСТРУИРОВАЛСЯ «НЕКРОПОЛЬ ГОРОДА БАШКОРТ»**

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Российская Федерация

Автор, опираясь на результаты топографического анализа Уфимских погребений эпохи раннего средневековья (IV–VII вв.), приходит к выводу о том, что они не составляют единого могильника, связанного с городищем Уфа-II («некрополь города Башкорт»), а группируются в два отдельных могильника, оставленные обитателями этого городища: носителями бахмутинской, а затем турбаслинской археологических культур.

Ключевые слова: городище, могильник, Уфимские погребения, бахмутинская, турбаслинская культуры.

V.A. Ivanov**HOW THE "NECROPOLIS OF BASHKORT CITY" WAS DESIGNED**

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russian Federation

The author, based on the results of the topographic analysis of Ufa burials early Middle Ages (IV–VII centuries), comes to the conclusion that they do not constitute a single repository associated with the ancient settlement Ufa-II («necropolis city Bashkort»), and grouped in two separate burial ground left by the inhabitants of this settlement: Bahmutino carriers and then Turbasly archaeological cultures.

Keywords: ancient settlement, burial ground, Ufa burials, Bakhmutino, Turbasly cultures.

Само это понятие – «некрополь города Башкорт» – искусственное и является «ноу-хау» уфимского археолога Ф.А. Сунгатова – составителя и основного автора коллективной монографии, посвященной очередному обоснованию тождества городища Уфа-II и «города Башкорт» [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018]. Десятая глава этой довольно солидной по объему монографии, написанная самим Ф.А. Сунгатовым, так и называется «Городской некрополь». Она посвящена описанию довольно многочисленных разновременных и разнокультурных погребений эпохи раннего средневековья, случайно обнаруженных разными людьми в разное время (начиная с позапрошлого века) на территории современного города Уфы («Уфимского полуострова»). В историографии они известны давно, под общим названием «Уфимские погребения» [Ахмеров, 1970, с. 122–125].

Среди них автор особо выделяет два скопления погребений в южной части города – могильники Уфимский-1 и Уфимский-2 – объявив их «городскими некрополями, т.е. оставленными жителями средневекового города Башкорт» [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 148]. Оба эти

могильника – это также номинация названного автора. Могильник «Уфимский-1» он скомпоновал из погребений, найденных в разное время на юго-западной оконечности «Уфимского полуострова», на территории между мусульманским кладбищем и стадионом «Динамо». Его примерные границы Ф.А. Сунгатов приводит на плане памятников эпохи средневековья Уфимского полуострова в виде трапецевидной фигуры площадью 2×2 км; могильник «Уфимский-2» – это три погребения, обнаруженные на значительном удалении друг от друга в районе устья р. Сутолоки [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 318, рис. 161].

Собственно говоря, выделяя названные «могильники», Ф.А. Сунгатов дает дальнейшее развитие идее своих коллег-предшественников, которые средневековые погребения на южной оконечности Уфимского полуострова разделяют на четыре группы-могильника: Уфимский-1 могильник¹ – это могильники «А» и «Б», Уфимский-2 могильник – это могильник «Старая Уфа-1». И есть еще так называемые Уфимские погребения между стадионом «Динамо» и городищем Уфа-II, обозначенные как могильник «В»² [Бахшиев, Куфтерин, Бахшиев, Гиззатов, 2017]. То есть единого представления ни о количестве могильников, ни об их объемах у исследователей, непосредственно занимающихся предметом, нет. Что не удивительно и в общем-то оправданно, поскольку сами исходные данные об Уфимских погребениях не являются системными.

Долгие годы (фактически до появления самого понятия «некрополь города Башкорт») основным «справочником-путеводителем» по Уфимским погребениям являлись публикации Р.Б. Ахмерова, посвященные этому памятнику [Ахмеров, 1974, 1970, 1951]. В этих статьях автор дает сводку всех погребений эпохи раннего средневековья, найденных на территории г. Уфы, начиная с XVIII в., опираясь при этом на газетные публикации местных краеведов – М.М. Сомова, Р.Г. Игнатьева, М.И. Касьянова.

Какие же эмпирические данные получал Р.Б. Ахмеров (а вслед за ним и мы) из этих публикаций? В 1864 г. в своем пространном очерке «Описание Уфы» М.М. Сомов – педагог Уфимского уездного училища [Роднов, 2013] – писал о том, что «несколько десятков лет тому назад существовали еще в некоторых местах около Уфы курганы или, как их называют здесь, шиханы, воздвигнутые над телами умерших ханов, старшин и беев башкирцами и нагайцами, у которых было в обычае погребать в этих курганах людей, прославившихся воинскими подвигами, во всем вооружении, с конской сбруей и даже с конями. Два подобных кургана находились, например, близ дома нынешнего женского духовного училища², недалеко от семинарии, при разрытии которых найдены некоторые

¹ По Ф.А. Сунгатову.

² На плане названного автора они никак не обозначены.

² На современном плане Уфы – ул. Коммунистическая, 50, 50/2.

серебряные и медные вещи. Ранее же этого, во время построения наместнического дома³ скрыт большой курган, существовавший на том месте, и в нем найдены многие предметы древнего вооружения, как то: копья, стрелы, седельные узоры и проч., из числа которых серебряные и золотые отправлены в кабинет редкостей Екатерины II. Только один из таких курганов, небольшого размера, опавший и несколько попорченный, сохранился и доныне на западной стороне города, близ бойн. Но кому и кем эти курганы были воздвигнуты – неизвестно» [Сомов, 1864, с. 132].

Там же, на территории усадьбы упомянутого архиерейского дома, в 1828 г. случайно было раскопано погребение, в котором «между костями человеческими и конскими и железными вещами, конской сбруе принадлежавшими» была найдена золотая монета византийского императора Феодосия II Юнейшего (405–450 гг.), отправленная в Общество истории и древностей российских и бесследно канувшая в Лету [Труды и летописи..., 1837, с. 138–139].

Далее Р.Б. Ахмеров приводит сообщение Р.Г. Игнатьева о том, что «в 1827 году, когда по вновь утвержденному плану должно было в Уфе провести несколько новых улиц, скрыто до основания много курганов, при чем находили золотые, серебряные, медные и железные вещи, оружие, конские приборы, скелеты, остатки гробов и каменных склепов; что находили ценного, например золото и серебро, которое было чистое, без лигатуры, то расхищали рабочие или брали себе сами домохозяева, все же, что в их глазах не имело цены, бросалось и истреблялось» [Игнатьев, 1883, с. 328]⁴.

Затем в статье Р.Б. Ахмерова приводится краткое упоминание о раскопках «большого кургана», произведенных Р.Г. Игнатьевым в 1867 г. Сам Р.Г. Игнатьев свои раскопки описывал так: «...был мною летом 1867 года, с разрешения начальства, разрыт один, казавший нерасхищенным и имеющий в окружности 29, а в высоту 1 с[ажень] и ширину 2 с[ажени]... На глубине около 5 аршин⁵ с восточной стороны насыпи, оказался верх свода, длиною 5,5 аршин, от окончания которого можно было копать еще в глубину 1 аршина, но далее уже был материк. Входом в склеп было полукруглое устье в 2,5 арш[ина] высоты и склеп был туго засыпан черноземом с глиной» [Игнатьев, 1883, с. 348]. Далее приводится перечень находок, извлеченных из могилы («склепа»): кости нижних конечностей от двух скелетов – женского и детского (?), около десятка серебряных с позолотой скобочек, стеклянная бусина, камушек-вставка от перстня, шесть медных пластинок⁶, три железных полосы (кли-

³ Позже на этом месте был построен архиерейский дом, а еще позже – Дом правительства Республики Башкортостан (ул. Тукаева, 46).

⁴ Подчеркну, что сам Р.Г. Игнатьев при этом ссылается на процитированную выше публикацию М.М.Сомова.

⁵ Чуть более 3,5 м.

⁶ По мнению исследователя, украшавших узду или пояс.

нок?), железная лопата. По мнению исследователя, такие находки «не могут привести ни к какому научному результату» [Игнатъев, 1883, с. 348], и в этом с ним трудно не согласиться.

Заключительная ремарка Р.Б. Ахмерова: «Сведений об остальных археологических памятниках, разрушенных в дореволюционные годы, у нас не имеется. В советский период погребения начали выявляться в связи со строительными работами в городе, начиная с 30-х годов» [Ахмеров, 1970, с. 163].

Ниже автор дает описания погребений, найденных на территории г. Уфы в 1929–1960 гг.: в котловане во дворе дома № 5 по ул. Карла Маркса (женский скелет с деформированным черепом, фрагменты глиняного сосуда, железный нож, шесть бусин, «арбалетовая» фибула, несколько серебряных нашивных бляшек); три погребения – мужское, женское и детское во дворе дома по ул. Ленина, 3 (в женском погребении богатый набор золотых украшений); погребение во дворе дома № 33 по ул. Социалистической (деформированный череп, бронзовый и глиняный сосуды, две пряжки, нож); пять погребений по ул. Пушкина напротив театра оперы и балета, в квартале между ул. К. Маркса и Ленина (бронзовые пряжки, бронзовый браслет, бусина, обломки глиняного сосуда, кости животных); шесть погребений по ул. К. Маркса во дворе дома № 5 и напротив домов № 6 и 8 (в одном из них – детском – серьга, браслеты, стеклянный и глиняный сосуды); погребение на пересечении ул. Фрунзе и Советской (данных о находках нет); три погребения на ул. Аксакова (железное копье и нож, «арбалетовая» фибула, бронзовое зеркало, поясные бляшки); набор вещей (клад?)⁷, состоящий из меча в ножнах, украшенных накладками из золотой фольги, нож, удила, бронзовая пряжка, накладки в виде человеческих личин из золотой фольги, из такой же фольги – накладки прямоугольные и в виде лунницы – по ул. Тукаева [Ахмеров, 1951, с. 162–168].

Можно еще добавить нигде не опубликованную информацию: в сентябре 1967 г. членами археологического кружка исторического факультета БГУ под руководством Г.И. Матвеевой было доисследовано погребение, полуразрушенное во время рытья котлована под фундамент нового корпуса физико-математического факультета БГУ. В погребении найдены левые конечности скелета и железный наконечник копья.

Далее обращаемся к сведениям о находках погребений, совершенных на территории г. Уфы уже после 1970 г., приведенные Ф.А. Сунгатовым. Поскольку автор приводит их полный реестр с описанием, я не буду повторяться и просто назову их «адреса»: погребение на ул. Тукаева (опять-таки в окрестностях бывшей архиерейской усадьбы), разрушенное земляными работами и доисследованное Н.А. Мажитовым в 1981 г. (содержало глиняный сосуд и две подвески с по-

---

⁷ О находках человеческих костей ничего не сказано. Хотя, по сообщению автора, где-то рядом там был найден глиняный кувшин, так что погребение, возможно, и было.

лиэдрическим окончанием⁸); два разрушенных погребения с сосудами турбаслинского типа у здания Башгосдрамтеатра по ул. Тукаева⁹; турбаслинское погребение в сквере у завода «Авангард» по ул. Аксакова (глиняный сосуд, бронзовые браслет, пряжка и подвеска-колокольчик); два погребения турбаслинской культуры на углу ул. Свердлова и Зенцова (серебряная гривна, перстень, несколько янтарных бусин, два глиняных сосуда); на территории стадиона «Динамо»¹⁰ – ограбленное погребение, с фрагментами лепной керамики, двумя бусинами и височной подвеской харинского типа [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 151–152].

Особо привлекают к себе внимание 15 погребений, выявленных «**на территории цитадели города Уфа-II и его посада**» (выделено мной – *авт.*) [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 152]. Если исходить из их «адресов», то найдены были эти погребения во дворах домов по ул. Пушкина, 120–134, по правой (четной) стороне ул. Пушкина¹¹. Тут сразу же возникает вопрос, что же это были за выдающиеся личности, которых удостоили быть погребенными на территории «города Башкорт»? Богатством набора инвентаря они не отличаются (фрагменты глиняного сосуда с ямочным орнаментом, железный нож, бронзовый браслет).

Вместе с тем эти погребения весьма удачно вписываются в топографию городища Уфа-II, известную нам по старым планам г. Уфы. Дело в том, что археологического плана памятника никто не составлял: открыто оно было случайно в 1953 г. при прокладке траншеи для водопровода по ул. Пушкина. К тому времени территория городища уже полтора века как была застроена усадьбами уфимских обывателей и фактически разрушено. Поэтому первые исследователи его – известный уфимский краевед П.Ф. Ищериков и молодой тогда научный сотрудник ИИЯЛ БФ АН СССР Н.А. Мажитов – обследовав разрез траншеи и заложив небольшие (в общей сложности 32 м²) раскопы на площадке памятника, очевидно, не сочли его перспективным для продолжения раскопок, несмотря на то, что в культурном слое памятника, кроме керамики турбаслинского, бахмутинского, кушнареновского типов, были найдены наконечники стрел, пряслица, бусины, бронзовые браслеты, раковины каури и хрустальная парфянская гемма. А поскольку «во многих местах площади городища были обнаружены отдельные кости человека (части черепа, кости ног и др.)», было высказано предположение и о наличии здесь могильника¹² [Ищериков, 1959; Ищериков, Мажитов, 1962].

⁸ Археологам моего поколения такие подвески более известны как «калачевидные» или подвески харинского типа.

⁹ Опять-таки, недалеко от архиерейской усадьбы.

¹⁰ Примыкает к территории архиерейской усадьбы с севера.

¹¹ Дома под № 132, 134 сейчас снесены.

¹² Откуда, надо полагать, вещи и происходили.

Аналогичным образом В.В. Овсянников, в 1990 г. проводивший охранные раскопки на стрелке мыса городища (вскрыто 92 м²), собрал большую коллекцию керамики указанных выше типов, несколько костяных наконечников стрел, накладки лука, бусины, обнаружил шесть хозяйственных ям [Овсянников, 1992]. Но плана городища он также не составлял.

Первоначально мы считали, что самый ранний план городища Уфа-II – это фрагмент топографического плана Уфимской крепости 1745 г., составленный в масштабе 1 дюйм = 10 саженей или, в переводе на метрическую систему, 21,33 м¹³. То есть расстояние от стрелки мыса городища до М-образного вала равно порядка 235–240 м (рис. 1, б). В таком виде этот план был опубликован [Городище Уфа-II..., 2007, с. 63] и М-образный вал был интерпретирован Ф.А. Сунгатовым как образец самобытной школы военной фортификации, созданной насельниками городища Уфа-II (носители турбаслинской культуры) [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 123].

Однако дальнейшее изучение картографических материалов, связанных с городищем Уфа-II, выявило следующие обстоятельства. Во-первых, существует еще более ранний план города Уфы 1732 г., на котором очень четко обозначен мыс городища, находящийся у слияния двух безымянных ручьев, образующих ручей Нагайский, впадавший в р. Белую. Через центральную часть городища, на расстоянии ≈ 150 м от его стрелки, обозначен прямой вал, по которому проходит двойная линия, обозначенная желтым и черным пунктирами (рис. 1, а). Из пояснения к плану следует, что это палисад острога «большого города», полукругом охватывавший городскую территорию. Причем желтым пунктиром обозначен палисад 1732 г., который «был ставлен» на месте более раннего палисада, обозначенного черным пунктиром¹⁴. Больше ничего на площадке городища не обозначено.

Во вторых, М-образные валы (равелины, редуты) хорошо известны в укреплениях пограничных русских крепостей XVI–XVII вв. для размещения артиллерии и организации эффективного обстрела пространства перед укреплением: «...прямолинейные валы позволяли вести лишь малоэффективный фронтальный огонь. Поэтому позднее переходят к земляным укреплениям с бастионами, равелинами (укрепление треугольной формы перед куртиной... Эти фортификационные элементы получили распространение в Европе в XVI–XVII вв. в связи с возросшей мощностью артиллерии осаждающих» [Носов, 2013, с. 211, рис. 185]¹⁵.

¹³ Подлинник плана хранится в Государственном военно-историческом архиве РФ. Его копия, которую удалось увидеть автору этих строк, хранится в фондах Национального музея РБ.

¹⁴ Этот план также хранится в фондах Российского государственного архива древних актов (РГДА) и Государственного военно-исторического архива РФ (ГВИА). Копия – в фондах Национального музея РБ.

¹⁵ Известный российский археолог, д-р ист. наук Г.Н. Белорыбкин, посетивший городище Уфа-II и ознакомившийся со стратиграфией и конфигурацией М-образного вала, сообщил автору этих строк, что точно такие валы он исследовал при изучении фортификационной системы города Пензы XVII–XVIII вв.

В-третьих, хотя сейчас местонахождение прямого вала на площадке памятника установить невозможно, но, судя по адресам погребений, «выявленных на территории цитадели и посада», они располагались как раз на площадке между ним и поздним М-образным валом XVIII в. То есть являлись некрополем самых ранних насельников городища – носителей мазунинской/бахмутинской культуры.

Итак, можно считать, что с одним из Уфимских могильников мы разобрались: это мазунинский/бахмутинский могильник, который располагался к западу от городища Уфа-II, между ним и оврагом, через который проходит сейчас ул. Новомостовая (описанное Ф.А. Сунгатовым погребение по ул. Сайфи Кудашева¹⁶). Этот овраг хорошо просматривается на всех планах Уфы XVIII в. (рис. 2)¹⁷.

Вторым Уфимским могильником (турбаслинской культуры), вероятнее всего, является скопление погребений в районе современного Дома правительства Республики Башкортостан (территория бывшей архиерейской усадьбы), расположенное в 1 км к западу от городища Уфа-II. Относятся ли к нему погребения, найденные по ул. Карла Маркса, рядом с Театром оперы и балета и под зданием Медицинского университета, расположенные в 550–600 м севернее, судить не берусь. Расстояние все-таки внушительное, о нахождении на котором других погребений данных не зафиксировано (рис. 3).

Так же весьма сомнительным представляется существование могильника Уфимского II (по Ф.А. Сунгатову) или Старая Уфа (по И.И. Бахшиеву и др.), представляющего собой фактически три погребения, разбросанных на расстоянии более 400 м друг от друга¹⁸ и в удалении на 1 км к юго-востоку от городища (рис. 3).

Можно на эту тему рассуждать и дальше. Но в качестве примера отсутствия всяческой логики и здравого смысла в идее «некрополя города Башкорт» приведем один пример: Сергиевское кладбище в городе Уфе, основанное в XVIII в. и закрытое для захоронений в начале 1970-х гг., имеет площадь 500×500 м. Южное кладбище этого же города, основанное в начале 1980-х гг. и закрытое для захоронений в 2016 г. имеет площадь 1×1 км. Это какую же «бешеную» скорость вымирания и воспроизводства должно было обеспечить население «города Башкорт»¹⁹, чтобы за 2,5–3 столетия заполнить (по Ф.А. Сунгатову) могильник площадью 2×2 км?²⁰

¹⁶ Одно время ул. Новомостовая называлась ул. Сайфи Кудашева.

¹⁷ Возможно, именно этот могильник имели в виду исследователи городища Уфа-II, растянувшие границы памятника на 600 м к северо-западу от его стрелки [Городище Уфа-II..., 2012, с. 52; 20, с. 103–106], то есть рассматривая его как археологический комплекс.

¹⁸ Будучи уроженцем тех мест (ул. Е. Сазонова), я за всю свою жизнь ни разу не слышал о находках человеческих костей или каких-то древних предметов в этом «околотке».

¹⁹ Напомню, что реконструируемая площадь городища от стрелки до М-образного вала равна 2,5 га.

²⁰ Это только «могильник Уфимский I».

О погребениях на территории имения помещика Новикова (Новиковские), Глумилинских, Дежневских, «Чайка» курганах, как о «указывающих на значение этого поселения (городище Уфа-II – «город Башкорт» – *прим. авт.*) как административного, политического, экономического и пр. центра местного населения (а следовательно, на его городской статус)» [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 158], вообще полагаем говорить излишним. Никакого отношения к указанному городищу они не имеют (кроме хронологии, поскольку относятся, по-видимому, к турбаслинской культуре), поскольку расположены на расстоянии 4 км (Новиковские), 7 км (Глумилинские), 6 км («Чайка») и 13 км (Дежневские) км от этого памятника (рис. 4). Это какое же «перевернутое» мышление нужно было иметь «турбаслинцам», что таскать умерших представителей своей знати (по Ф.А. Сунгатову, это были как раз некрополи знати), долженствующей жить в «городе Башкорт», на такие расстояния для захоронения? Тем более, что и сам автор считает, что «Дежневский курганный могильник, расположенный на северной оконечности Уфимского полуострова, очевидно, приурочен к близлежащим поселенческим памятникам – селищам Тоннельное, Уфимское («Бельские землянки»), Уфимское («Салют»), Ручейное» [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 155].

Одним из признаков «знатности» захоронений в Дежневских курганах являются уникальные артефакты. В частности, бронзовая круглая бляха-медальон с изображением двух византийских воинов (военачальников?) в полной боевой экипировке, найденная в кургане № 103 (раскопки 2005 г.) вместе с серебряным поясным набором и глиняными турбаслинскими сосудами [К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья, 2018, с. 329, рис. 172: 7]. Получается, что это уже вторая подобная бляха, происходящая из турбаслинских погребений – первая была случайно найдена местными жителями в разрушенном строительным котлованом погребении по ул. Егора Сазонова. Правда, там, кроме бляхи, были найдены бронзовая пряжка, железное шило и небольшой глиняный сосуд [Гарустович, Иванов, 2010].

И это действительно уникальный случай, когда **совершенно уникальный артефакт**²¹ найден в двух экземплярах на сравнительно небольшой территории, «микроскопической» в масштабах Евразии археологической культуры²².

Итак, резюмируем:

♦ «сотни курганов и погребений на территории города Уфы», составлявшие «некрополь города Башкорт» – это, конечно, плод гипертрофированной

²¹ Все наши с Г.Н. Гарустовичем попытки найти ему аналогии даже с помощью главного специалиста по византийской торевтике на территории России В.П. Даркевича успехом не увенчались.

²² Острую жалость вызывает только тот факт, что к моменту нахождения бляхи в Дежневских курганах ее предшественница, будучи передана в реставрационную лабораторию Музея археологии и этнографии народов Южного Урала БФ АН СССР, бесследно исчезла. И обе бляхи одновременно никто из археологов никогда не видел.

фантазии Ф.А. Сунгатова. Трудно представить (если бы так было на самом деле), что уфимские обыватели XIX в. (когда Уфа стремительно начала расти в западном направлении) игнорировали бы огромное количество находок всякого рода древних предметов и человеческих костей на своих усадьбах, а дотошные уфимские краеведы ничего бы о них не знали;

♦ из имеющихся для настоящего времени эмпирических данных следует, что к городищу Уфа-II были привязаны два могильника: между первоначальным валом городища (не М-образным) и современной ул. Новомостовой, оставленный первыми насельниками городища – «мазунинцами/бахмутинцами» и оставленный «турбаслинцами» могильник на горе под Домом правительства Республики. Почему стали «турбаслинскими» погребения, раскопанные на Мусульманском кладбище Р.Г. Игнатьевым, если в них не было найдено ни одного предмета, указывающего на их хронологическую или культурную принадлежность, сейчас сказать трудно. Вероятнее всего, эта номинация базируется на ремарке Р.Б. Ахмерова, о том, что «Уфимские погребения и Турбаслинские курганы следует относить к одному времени и одной культуре» [Ахмеров, 1970, с. 168]. Во всяком случае, в своей монографии, посвященной анализу погребальных памятников турбаслинской культуры, Ф.А. Сунгатов объединяет **все погребения** на территории г. Уфы в один могильник, насчитывавший тогда, по его данным, 31 турбаслинское погребение [Сунгатов, 1998, с. 91]. За счет каких грандиозных находок их количество за истекшие 20 лет возросло до «нескольких сотен» – автору этих строк непонятно;

♦ конечно же, никоим образом с городищем Уфа-II не связаны погребения, найденные в разное время на территории Башкирского государственного университета и прилегающей территории. Прежде всего потому, что они относятся к более ранней эпохе²³, и следовательно, относятся к городищу Уфа-IV (ныне полностью заасфальтированной площадью перед памятником Салавату Юлаеву), на котором были найдены фрагменты керамики караабызского и гафурийского типов [Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 122, № 1001].

Итак, что же из себя представлял «городской некрополь» городища Уфа-II как объект археологического изучения? Ровным счетом ничего, поскольку такого некрополя просто не существовало (как и самого «города Башкорт»). Было городище, основанное носителями мазунинской/бахмутинской культуры с соответствующим могильником рядом с ним. Носители турбаслинской культуры, изгнавшие «бахмутинцев» с этого места, возможно, знали об этом могильнике, но своих покойников предпочитали хоронить в другом месте – на возвышенности, расположенной в 1 км к западу. Если придерживаться традиционной номенкла-

---

²³ По личному сообщению археолога Н.Б. Щербакова, в 2018 г. проводившего охранные раскопки на территории столовой БГУ (напротив главного корпуса), там были найдены несколько погребений караабызской культуры. К ним, вероятнее всего, относится и упомянутое выше погребение, найденное в 1967 г. в котловане под фундамент физико-математического факультета.

туры, то первый из означенных могильников может быть назван Уфимским-1²⁴, а второй – Уфимским-2. Разбросанные по территории современного города Уфы (в его южной части) погребения, не составлявшие единого комплекса, очевидно, так и должны называться – Уфимские. Культурная принадлежность многих из них не определяется²⁵. Что касается ранних (караабызских) погребений на территории южной оконечности Уфимского полуострова, то они, вероятнее всего, составляли могильник, относящийся к городищу Уфа-IV. И соответственно должны стать предметом специального изучения.

Библиографический список

- Археологическая карта Башкирии. – М.: Наука, 1976. – 262 с.
- Ахмеров Р.Б. Археологические находки в Башкирии // Советская археология. – 1974. – № 2. – С. 240–248.
- Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. – М.: Изд-во «Наука», 1970. – С. 161–193.
- Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры // КСИИМК. – 1951. – Вып. 40. – С. 125–137.
- Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы / И.И. Бахшиев, В.В. Куфтерин, Р.И. Бахшиев, Д.З. Гиззатов // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. – 2017. – № 1 (15). – С. 52–69.
- Башкирская энциклопедия: в 7 т. – Уфа: Башк. энцикл., 2010. – Т. 6. – 544 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Уникальное произведение позднеантичной торевтики из погребения на Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. – ГУ, 2010. – № 3. – С. 79–89.
- Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – С. 328.
- Ищеригов П.Ф. Городище Уфа-II // Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959. – С. 97–99.
- Ищеригов П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа-II // АЭБ. Т. I. – Уфа, 1962. – С. 140–150.
- К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья / Ф.А. Сунгатов, А.Н. Султанова, А.К. Бахшиева, В.И. Мухаметдинов, Р.Р. Русланова, Е.В. Русланов; составитель и научный редактор Ф.А. Сунгатов. – Уфа: Самрау, 2018. – 335 с.
- Сомов М. Описание Уфы // Оренбургские губернские ведомости. – 1864. – № 23.

²⁴ Поскольку Уфимский могильник караабызской культуры у «Чортова городища» давно известен и прочно вошел в историографию.

²⁵ Вообще, как сообщил мне в личной беседе в декабре 2018 г. ведущий специалист по хронологии восточноевропейских древностей эпохи раннего средневековья Восточной Европы И.О. Гавритухин, в коллекции городища Уфа-II вещей моложе VII в. он не нашел (о находках периода Золотой Орды речи не шло).

Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2006 года / Н.А. Мажитов, Ф.А. Сунгатов, В.А. Иванов, Т.Р. Саттаров, А.Н. Султанова, Е.В. Иванова. – Уфа: ГУП «ГРИ Башкортостан», 2007. – Т. 1. – 160 с.

Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года / Н.А. Мажитов, Р.Р. Тамимдарова, М.Р. Шамсутдинов, Р.Р. Насретдинов, Р.И. Бахшиев, Т.Р. Амекачев. – Уфа: Инеш, 2012. – Т. V, ч. I. – 184 с.

Носов К.С. Русские средневековые крепости. – М.: Эксмо, 2013.

Овсянников В.В. Раскопки городища Уфа II в 1990 году // Башкирский край. – 1992. – Вып. 2. – С. 65–79.

Роднов М.И. Один из первых летописцев города Уфы [Электронный ресурс]. – URL: uraloved.ru (дата обращения: 17.05.2013).

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). – Уфа: Гилем, 1998. – 169 с.

Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. – М.: Унив. тип., 1837. – Ч. 8. – 415 с.

Уфа-II – средневековое городище на Южном Урале. Материалы раскопок 2013 года / И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков, Т.А. Леонова, М.Р. Шамсутдинов, Е.В. Русланов. – Уфа: Инеш, 2013. – 192 с.

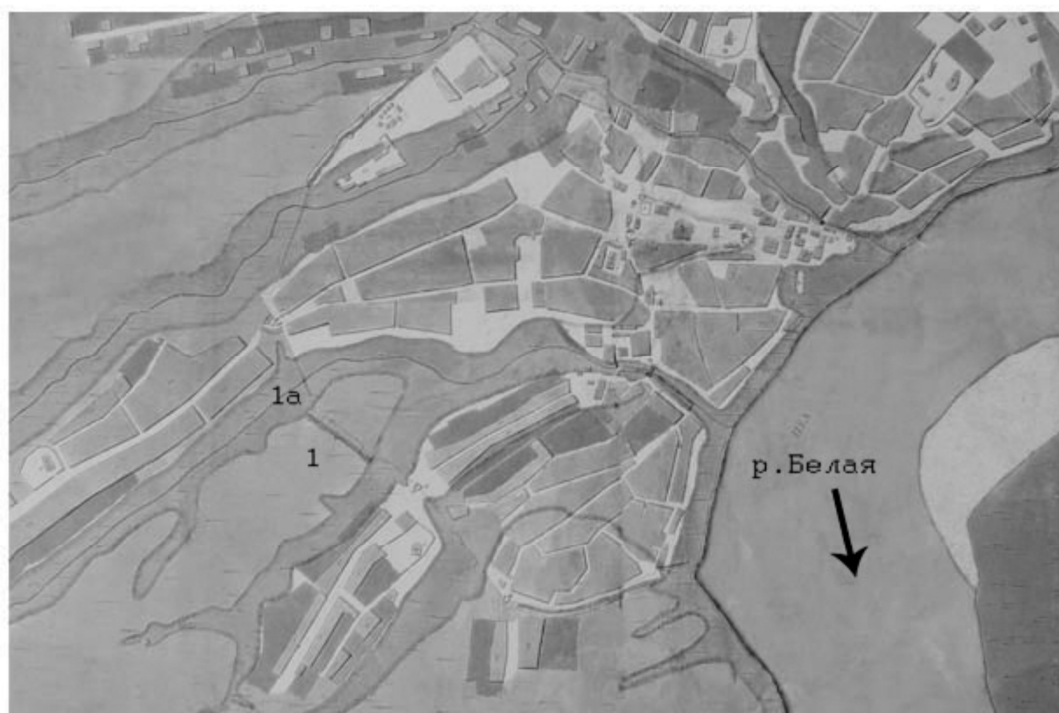
*а**б*

Рис. 1. Фрагменты планов города Уфы с изображением городища Уфа-II:
а – план 1732 г.; *б* – план 1745 г.

Рис. 2. Современная ситуация с городищем Уфа-II (масштаб в правом нижнем углу – 50 м): *A* – предполагаемая территория городища; *B* – М-образный вал XVIII в.; *C* – вероятная граница могильника бахмутинской культуры

Рис. 3. Местонахождение городища Уфа-II и погребений турбаслинской культуры (масштаб в правом нижнем углу – 200 м): *A* – городище Уфа-II и могильник (бахмутинский); *B* – Могильник на архиерейской усадьбе (ул. Тукаева) (турбаслинский); 1 – погребение на ул. Е. Сазонова; 2 – погребение на ул. Менделеева; 3 – погребения под зданием Мединститута; 4 – погребения под зданием Театра оперы и балета; 5 – погребения напротив Театра оперы и балета (ул. Пушкина); 6 – погребения по ул. К. Маркса, 5; 7 – погребения по ул. К. Маркса, 6–8; 8 – погребение на южном конце ул. Гоголя

Рис. 4. Могильники эпохи раннего средневековья на территории Уфимского полуострова (масштаб в правом нижнем углу – 2 км): 1 – городище Уфа-II и могильник бахмутинской культуры (Уфимский -1); 2 – могильник турбаслинской культуры (Уфимский-2); 3 – Новиковские погребения; 4 – Глумилинские курганы; 5 – могильник «Чайка»; 6 – Дежневские курганы

УДК 904 (470.51) (045)

DOI: 10.24411/2658-7637-2020-11611

Е.М. Черных

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДВОЕВЕРИЯ
У УДМУРТОВ ПЕРМСКО-ВЯТСКО-КАЗАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ШАРКАНСКОГО МОГИЛЬНИКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.)**

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Российская Федерация

Анализируются материалы нового погребального памятника, исследованного на востоке Удмуртской Республики в ходе спасательных археологических работ. Формально изученные погребения укладываются в христианский канон. Состав артефактов обычен для языческих могильников удмуртов позднего средневековья и раннего нового времени. Присутствие сопровождающего инвентаря и его ассортимент отражают языческие верования погребенных, несмотря на то, что у 24 (1/3 захороненных) из них были обнаружены нательные православные крестики. Объяснения некоторым из наиболее ярких предметов в захоронениях легко обнаруживаются в традиционной культуре и верованиях шарканских удмуртов XIX в., прежде всего, в культе предков.

Обращение к письменным источникам позволяет считать, что данный могильник, датированный по сопутствующему инвентарю (приоритет отдан монетам), оставлен локальной группой удмуртов (деревня Лонлэзь-Докья), часть которых уже приняла крещение, но продолжала соблюдать прежние языческие обряды. Это находит объяснение в политике государства и церкви во второй половине XVIII – начале XX в. и свидетельствует о двоеверии удмуртов

Ключевые слова: новое время, удмурты, погребальный обряд, христианство, язычество, двоеверие.

E.M. Chernykh

**ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF DOUBLE FAITH
OF THE UDMURTS FROM THE PERM-VYATSK-KAZAN BOUNDARY
(ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE SHARKAN BURIAL
GROUND SECOND HALF XVIII – FIRST HALF XIX CENTURIES)**

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

The materials of a new burial site, investigated in the east of the Udmurt Republic during rescue archaeological work, are analyzed. Thus, formally, burials correspond to the Christian canon. The variety of the artifacts is common for the pagan burial grounds of the Udmurts of the late Middle Ages and early modern times. The presence and variety of accompanying implements clearly reflected the pagan beliefs of the buried, despite the fact that in 24 of them Orthodox crosses were found. Explanations for some of the most striking objects in burials are easily found in the traditional culture and beliefs of the Sharkan Udmurts of the 19th century, primarily in the cult of their ancestors. An appeal to written sources suggests that this burial ground, dated according to the accompanying inventory (priority is given to coins), was left by a local group of Udmurts (one village – Lonles-Dokya). Some of them had already been baptized, but had been continued to observe the previous pagan rituals. This

is found explanation in the policy of the State and the Church in the second half of the XVIII – early XX century, and testifies to the double faith of the Udmurts.

Keywords: modern times, Udmurts, funeral rite, Christianity, paganism, double faith.

Документальные источники свидетельствуют о почти полной вовлеченности (98 %) удмуртов в православную веру к концу XVIII столетия [Берестова, 2005, с. 104]. Вместе с тем ликвидация в 1764 г. новокрещенской конторы и принятый в 1773 г. указ «О терпимости всех вероисповеданий...» говорят о решительном изменении конфессиональной политики государства в отношении язычников. Царскими установлениями второй половины XVIII в. перед Церковью ставилась задача не столько усердия в обращении инородцев в православную веру, сколько утверждения в оной тех, кто уже был обращен. Но институт православных проповедников был отменен в 1799 г., а приходских священников было крайне мало. Поэтому нет ничего удивительного в том, что формальное крещение не мешало удмуртам сохранять в своей вере прежние языческие ценности. В Вятской губернии, по данным П.Н. Луппова, за 10 лет после издания закона 1764 г. не было крещено ни одного удмурта. Крупнейший исследователь христианства у вотяков отмечал, что даже в конце XIX в. «... в глубине души большинство вотяков остаются еще язычниками» [Владыкин, 1990, с. 45].

Очевидно, что распространение христианства среди удмуртов было более успешным в тех местностях, которые близко находились к Камским заводам и крупным почтовым трактам, проходившим по территории края. Из архивных документов известно, что в д. Лонлэзь-Докья (совр. с. Шаркан) церковный приход был открыт в 1837 г., а в 1838 г. построена церковь Св. Апостолов Петра и Павла [Православные храмы, 2000, с. 293]. О строительстве хлопотали сами новокрещенные вотяки Шарканской волости [Веселых, 1998, с. 13]. В контексте обозначенной проблематики заметим, что это удмуртское село находится в 30 км к северу от Камско-Воткинского завода, на пути, связывавшем в XVIII–XIX вв. завод с Сибирским почтовым трактом и губернскими центрами Вяткой и Пермью.

Исследователи единодушны в том, что удмурты, принимая крещение поспешно, часто по принуждению, длительное время не понимали сути православия, да и священники не особенно стремились разъяснять им символ веры. Более того, священники охотно использовали языческие праздники и обряды удмуртов для того, чтобы приучать их к обрядам Церкви. Например, по словам казанского архиепископа Филарета, они (удмурты) «при начале сеяния приносят жертвы, почему же и священнику не отслужить молебна со святыми иконами на открытом поле» [Корепанова, 2011, с. 80].

Помимо данных миссионерских служб, весьма убедительные свидетельства о двоеверии удмуртов дают археологические источники.

При проведении строительных работ на северной окраине с. Шаркан (административный центр одноименного района Удмуртской Республики) зимой

2018 г. был обнаружен неизвестный прежде могильник [Перевозчикова, Черных, 2020]. Весной–летом 2019 г. сотрудниками Камско-Вятской экспедиции Удмуртского госуниверситета на могильнике были проведены спасательные археологические работы. Вновь выявленный могильник располагался на незначительном возвышении левого берега небольшой речки Галичевки, впадающей несколько ниже по течению в р. Шаркан (рис. 1).

Изученные захоронения (42 могилы, 66 костяков¹) принадлежали как удмуртам-язычникам, так и православным. Находки в погребениях монет (всего 91; найдены в 35 могилах) чеканки 1744–1840 гг. позволяют датировать некрополь второй половиной XVIII – первой половиной XIX в.

Убедительным свидетельством крещения шарканских удмуртов, нашедших последний покой на открытом могильнике, являются находки нательных крестиков (в 18 могилах найдены 24 крестика²: пять – в одиночных погребениях взрослых мужчин; пять – в женских; 14 крестиков сопровождали захоронения детей). В восьми погребениях дети были захоронены вместе с взрослыми, три могилы – захоронения двоих детей, одна могила – трое детей, и только лишь два детских погребения с крестиками – индивидуальные (рис. 2).

О следовании новой христианской погребальной практике говорят и глубина захоронений – в среднем более 1,0 м (рис. 3), а также преимущественно западная ориентировка умерших [Шутова, 1992, с. 65]. Но в то же время бросается в глаза большое количество коллективных захоронений в изученной части некрополя (16 могил, 39 %). Это совместные захоронения взрослых – женщина и мужчина (два погребения), захоронения детей (четыре погребения), взрослые с детьми: женщина (или две женщины) с детьми (семь погребений; рис. 4), мужчина с детьми (три погребения).

Велика также доля захоронений (75 %), когда помимо нательного креста с умершими укладывали предметы быта, орудия, украшения одежды и аксессуары костюма, что подтверждает свидетельства православных миссионеров и священнослужителей об особом отношении удмуртов к культу предков и к погребальным практикам: «Вотяки-двоеверы ходят в церковь, но очень редко, обыкновенно лишь в наиболее чтимые ими праздники ... К этим праздникам вотяки приурочили свои прежние языческие праздники, чтобы не было двойного расхода на пиво и кумышку»; «Вотyak и на христианство смотрит с узко-практической, утилитарной точки зрения. Он не прочь бы и совсем оставить старую, языческую веру, если бы был уверен, что от этого заметно улучшится его экономическое состояние» [Елабужский, 1903, с. 38–40]. Стоит ли сомневаться, что массовый переход удмуртов в христианство был значительно ускорен, в том числе после принятия указов об освобождении новокрещенных от податей на три года (при

¹ Могильник исследован не полностью, только в границах землеотвода на площади 456 м², из них могилы изучены на площади 236 м².

² По данным, собранным Н.И. Шутовой, на 107 поздних удмуртских могильников XVI – первой половины XIX в. приходилось не более 10 находок нательных крестиков [Шутова, 1992, с. 239–258].

том, что подати крестившихся перекладывались на некрещенных членов деревенской общины) и денежном вознаграждении. В конце XVIII в. была восстановлена практика предоставления льгот крестившимся (особенно когда за женщин, принявших крещение, льготами пользовались их мужья). Любопытны три шарканских погребения, в которых взрослые (двое мужчин и одна женщина) крестов не имели, зато один из детей или оба ребенка, захороненные с ними, были с крестиками на шее.

Особый интерес представляют, пожалуй, первые археологические свидетельства того, как в могилу мужчины-новокрещенца в одной низке с крестом был помещен амулет из когтей мелкого хищника (рис. 5: 6); в другом мужском погребении к поясу умершего был прикреплен кожаный футляр с курительной трубкой внутри и медной монетой, а рядом уложены кожаные рукавицы (рис. 5: 10). Объяснения столь экзотическому сопровождению умершего легко найти в удмуртской этнографии.

Длительное сохранение среди удмуртов языческих представлений о загробной жизни, являющейся продолжением земной, детально зафиксировано Г.Е. Верещагиным, почти четверть века (1870–1895 гг.) служившим учителем в начальных школах сел Шаркан и Сосновка. Описывая обряды над умершими, он свидетельствует: «...так как вотяки, особенно вотячки, вообще боятся мертвых, то как только кто расстался с душой, приглашают соседей; семейные оплакивают покойника, а приглашенные делают гроб, обмывают умершего, надевают на него чистое белье и на шею – медный крестик. Положив тело в гроб, кладут мужчине шапку, *рукавицы* (выделено *авт.* – Е.Ч.), деньги, коточик и, кто курил табак, трубку и пр., приговаривая, что пусть он там не нуждается в этих вещах; женщине кладут серебряные монеты» [Верещагин, 1995, с. 45]. Священник С.К. Крекнин передает рассказ вдовы одного сельского псаломщика, поведавшей ему историю, когда незнакомый с верованиями вотяков батюшка при отпевании покойника попросил снять с него покрывало и увидел умершего в шапке и с трубкой во рту. Священник Михаил Елабужский свидетельствует, что «иной вотяк не расстается с трубкой даже во время самих молений языческих».

В региональной историографии утвердилось мнение, что принявших православие на родовых языческих кладбищах не хоронили. В ситуации с выявленным Шарканским могильником, как видим, есть все основания полагать, что на кладбище д. Лонлэзь-Докья удмурты хоронили вместе и новокрещенных и язычников, причем у первых при внешнем следовании ритуалам православной веры отчетливо сохранялись черты языческих представлений.

Впоследствии принятые государством и церковью меры по «недопущению совращения новокрещенных вотяков в язычество» привели к тому, что захоронения по церковным предписаниям стали осуществляться на новом приходском кладбище, а старое было заброшено.

Сохранившийся в ЦГА УР документ, датированный 1905 г. (графический набросок планировки ул. Поповской в с. Шаркан), свидетельствует, что север-

ный конец улицы (где был выявлен новый могильник), начинавшейся от Петропавловского храма и выходивший на «дебесскую дорогу», был занят жилыми усадьбами и покосами исключительно церковнослужителей (Е. Двинянинова, Л. Никольского, В. Раевского, И. и Н. Трапицыных, И. Мышкина). Почти за 100 лет до этого шарканские удмурты, ходатайствовавшие о строительстве храма, обещали «давать причту приличное содержание и предоставлять квартиры до постройки домов». Судя по указанному документу, землю для строительства домов шарканская община выделила вблизи, надо полагать, еще не совсем забытого старого кладбища.

Библиографический список

Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века: социально-культурная деятельность. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. – 232 с.

Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1: Вотяки Сосновского края / отв. за выпуск Г.А. Никитина. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 260 с.

Веселых И.Е. Шаркан. Страницы истории. – Шаркан, 1998. – 170 с.

Владыкин В.Е. Из истории религиозного синкретизма у удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 35–49.

Елабужский М.С. Крепость вотского язычества // Вятские епархиальные ведомости. – 1903. – № 2, 3. – С. 36–119 // Коробейников А.В., Чураков В.С. Православные священники об удмуртах. – Ижевск: ООО «ТДК», 2007. CD-ROM.

Корепанова Д.Е. Православная религиозная миссия среди удмуртов в XIX в. // Иднакар. – 2011. – № 3 (13). – С. 66–93.

Крекнин С.К. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11. – С. 542–563 // Коробейников А.В., Чураков В.С. Православные священники об удмуртах. – Ижевск: ООО «ТДК», 2007. CD-ROM.

Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. – Ижевск, 2020. – С. 4–6.

Православные храмы Удмуртии: справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики / сост. И.Н. Зайцева, Г.И. Самарцева. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 480 с.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. – Ижевск, 1992. – 264 с.

Рис. 1. Вид на место расположения Шарканского могильника (здание справа от дороги – Региональный центр по лыжным гонкам им. М. Вылегжанина, в ходе строительства которого был обнаружен неизвестный прежде могильник)

Рис. 277. Удмуртская Республика. с. Шаркай. Шарканский могильник.
Погребение 27. Кв. ШЩ/43–44.
Новорожденный (плод?)

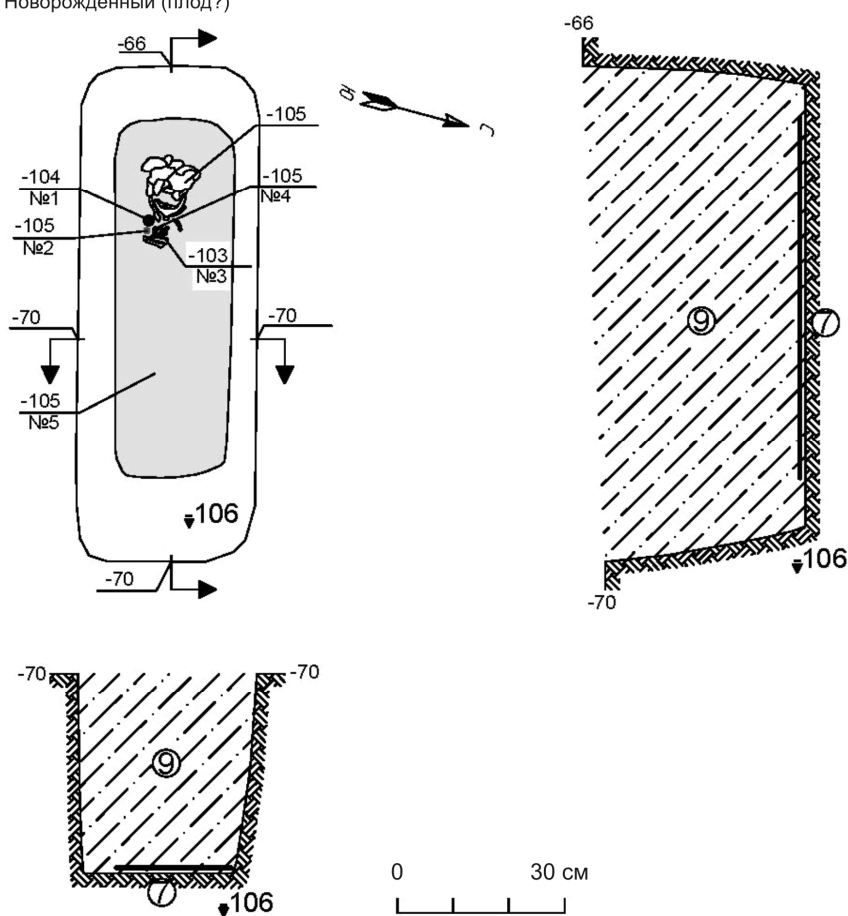

Рис. 2. Шарканский могильник. План детского погребения 27:
1 – серебряная (?) пробитая монета; 2 – стеклянная бусина; 3 – медный
нательный крестик; 4 – подвеска из раковины; 5 – тлен гроба, толщ. 0,2 см

Рис. 89. Удмуртская Республика. с. Шаркай. Шарканский могильник.
Погребение 2. Кв. Ы/45–46.
Мужчина, 20–30 лет

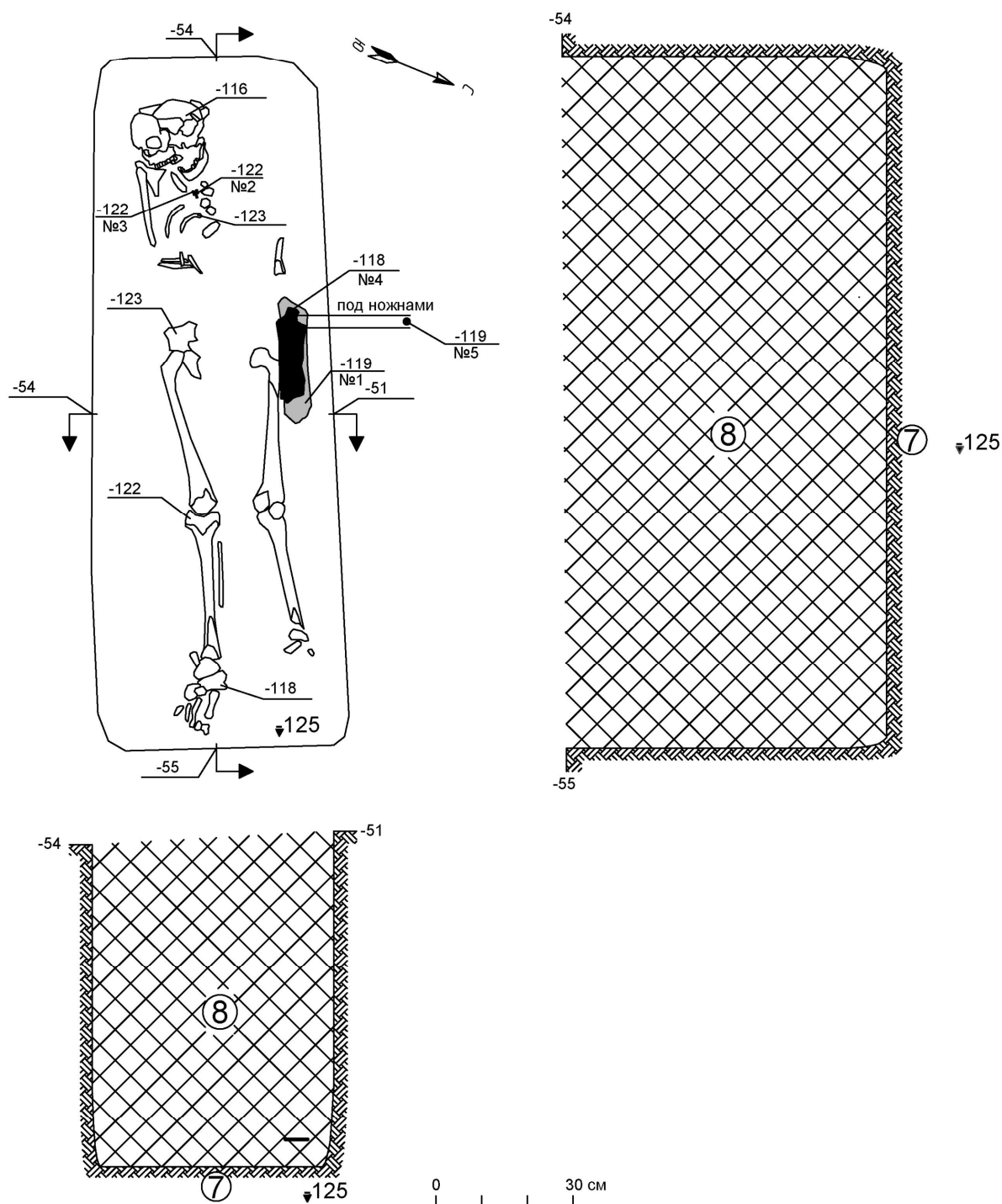

Рис. 3. Шарканский могильник. План погребения 2:

1 – фрагменты деревянного гроба, толщ. 1 см; 2 – медный нательный крестик;
3 – стеклянные бусы – 2 экз.; 4 – кожаные ножны; 5 – медная пуговица-шляпка

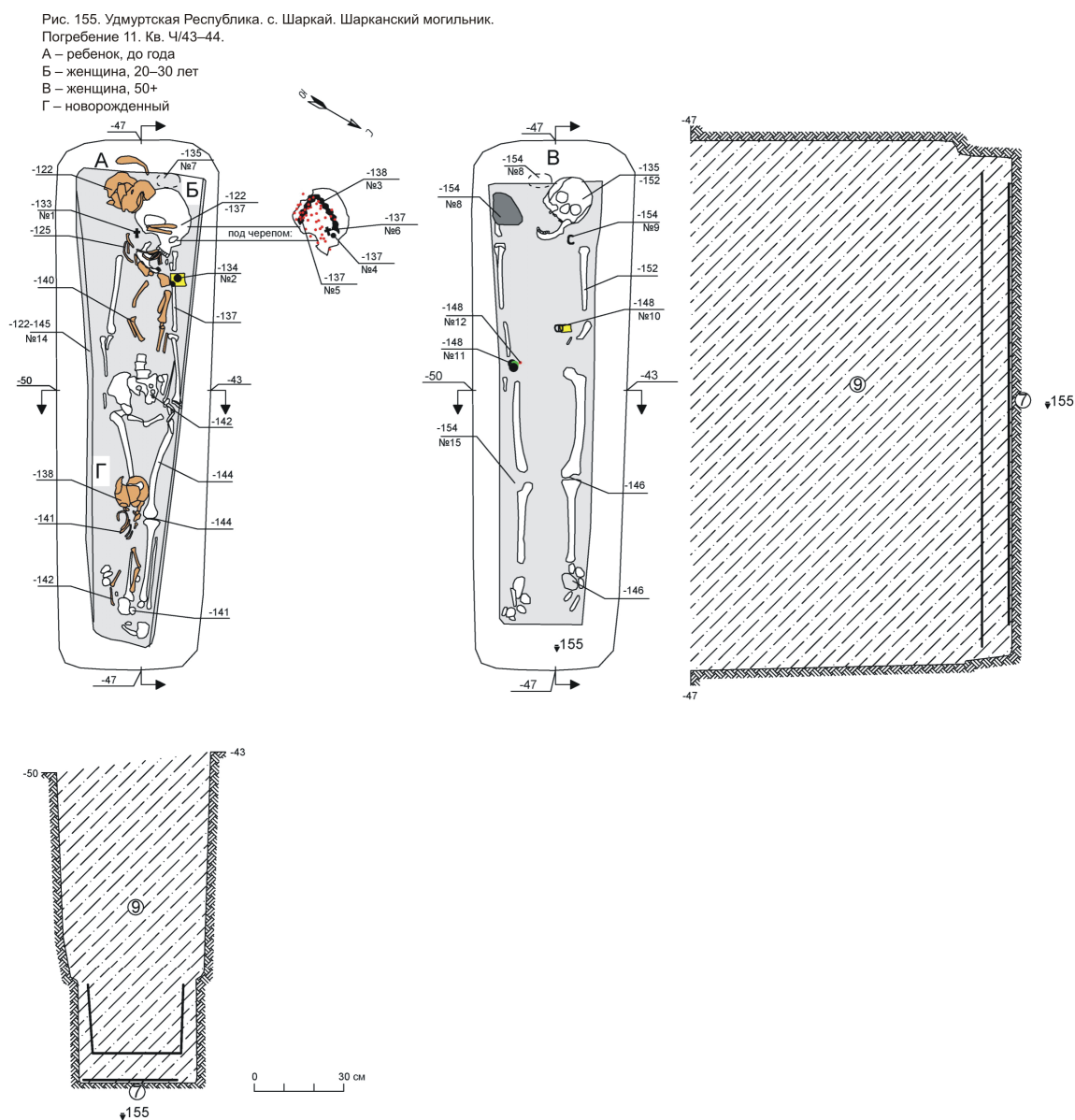

Рис. 4. Шарканский могильник. План погребения 11.

Костяк А: 1 – медный нательный крестик. Костяк Б: 2 – медная монета 2 коп., 18... г. с фрагментом ткани; 3 – коса умершей; 4 – пробитый гривенник, 1746 г.; 5 – стеклянные бусы – 42 экз.; 6 – медный нательный крестик и 4 бусины; 7 – яичная скорлупа. Костяк В: 8 – фрагмент кожаного изделия с 7 медными монетами: 1 коп., 1799 г., 2 коп., 1815 г., 1/2 коп., 1840 г., 2 коп., 1824 г., 2 коп., 1826 г., 1 коп., 1832 г., 5 коп., 1837 г.; 9 – медная серьга; 10 – медная пряжка с фрагментами кожаного пояса и ткани; 11 – медные монеты (3 экз.): 2 коп., 1819 г., 2 коп.; 12 – стеклянная бусина; 13 – яичная скорлупа; 14 – тлен гроба (костяк Б), толщ. 0,2 см; 15 – тлен гроба (костяк В), толщ. 0,2 см

Рис. 116. Удмуртская Республика. с. Шаркай. Шарканский могильник.
Погребение 6. Кв. ЧШ/45.
Мужчина (?), 45–55 лет

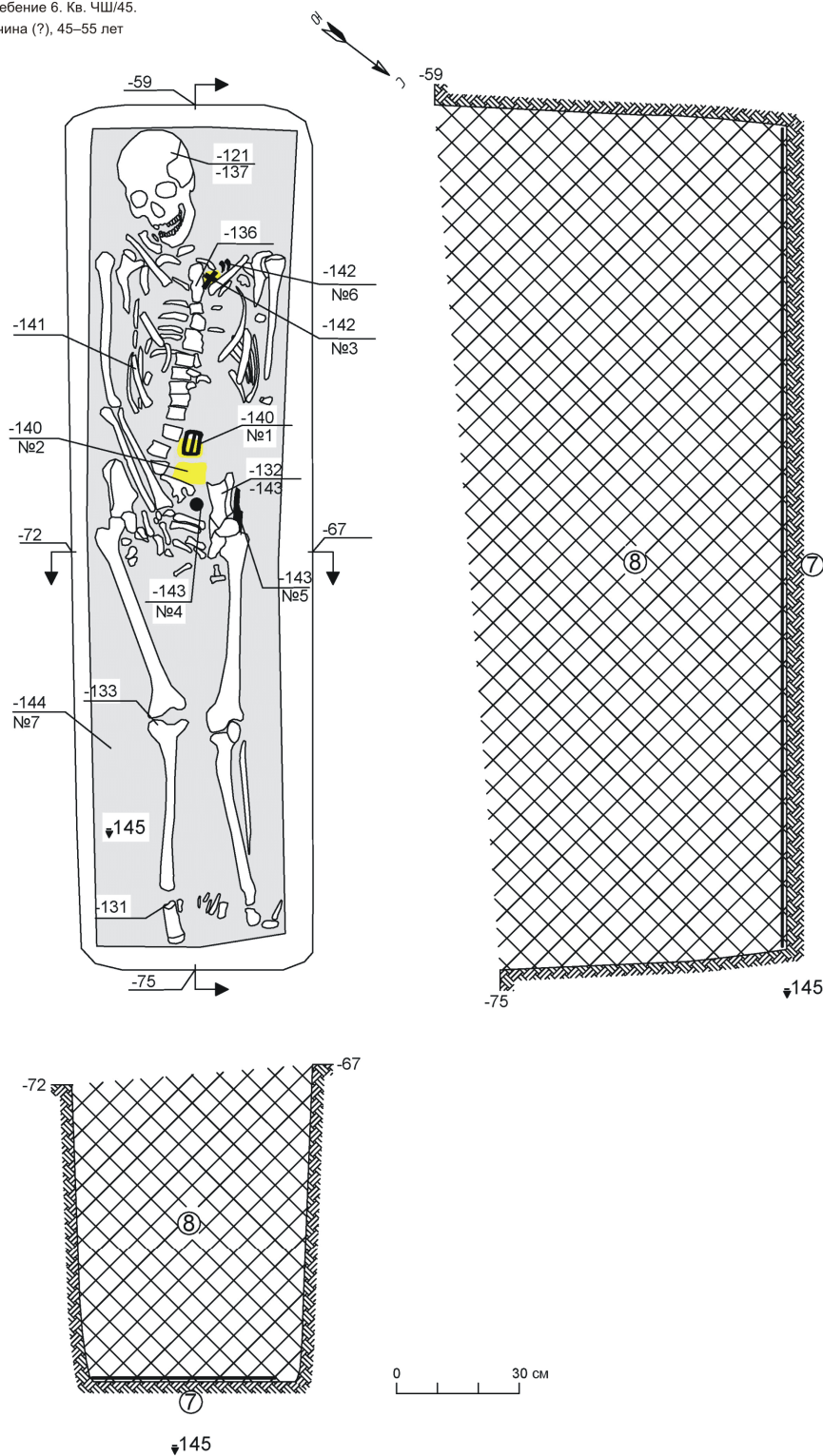

Рис. 5. Шарканский могильник. План погребения 6: 1 – медная пряжка с фрагментами ткани; 2 – кошель (ткань, кожа) с медной монетой внутри; 3 – обломки медного нательного крестика с фрагментами ткани; 4 – медная монета, 1 коп., 1819 г.; 5 – железный нож; 6 – подвески из когтей животных – 2 экз.; 7 – тлен гроба, толщ. 0,2 см

Содержание

Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин ЖИЛИЩА И ПЛАНИРОВКА РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА У ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	3
К.В. Моряхина КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УКРАШЕНИЙ РУК).....	15
А.Н. Сарапулов, Ю.А. Подосенова, О.Ю. Каменщиков, И.Г. Мокрушин НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕСТОВ НА РОДАНОВОМ ГОРОДИЩЕ В ПЕРМСКОМ КРАЕ	21
М.Г. Иванова ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЖИЛИЩ НА ПЛОЩАДКАХ ГОРОДИЩ БАССЕЙНА Р. ЧЕПЦЫ	28
А.М. Губайдуллин О РАННИХ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ	30
К.А. Руденко О РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ	37
З.Г. Шакиров ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОМ ТИПЕ АМУЛЕТОВ ИЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ, ИНОГДА НАЗЫВАЕМОМ АНТРОПОМОРФНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТЕНГРЕ	46
Д.Ю. Бадеев РАННИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС С ТЕРРИТОРИИ ДОМОНГОЛЬСКОГО БОЛГАРА	53
Д.В. Васильев ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	64
В.А. Иванов КАК КОНСТРУИРОВАЛСЯ «НЕКРОПОЛЬ ГОРОДА БАШКОРТ».....	76
Е.М. Черных АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДВОЕВЕРИЯ У УДМУРТОВ ПЕРМСКО-ВЯТСКО-КАЗАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ШАРКАНСКОГО МОГИЛЬНИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.).....	90

Научное издание

**ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XVI

**Ранние города Волго-Камья и Приуралья: взаимодействие ислама,
христианства и язычества**

На обложке – Подвеска-лунница, Рождественское городище

*Издание зарегистрировано в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)
договор 697-11/2013*

Р е д к о л л е г и я :

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор выпуска)

Крыласова Наталья Борисовна

Подосенова Юлия Александровна

Сарапулов Алексей Николаевич

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 11.11.2020. Формат 60х90 ¹/₈
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 12,5. **Тираж ?? экз. Заказ № .....**

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 215-18-52, факс (342) 212-70-19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Книжный формат».
Адрес: 614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 80.